Высшее профессиональное образование

А. Г. Караяни
И. В. Сыромятников

ВВЕДЕНИЕ В ПРОФЕССИЮ ВОЕННОГО ПСИХОЛОГА

Учебное пособие

Психология

ВВЕДЕНИЕ В ПРОФЕССИЮ ВОЕННОГО ПСИХОЛОГА

Издательский центр «Академия»
www.academia-moscow.ru

ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

А. Г. КАРАЯНИ, И. В. СЫРОМЯТНИКОВ

ВВЕДЕНИЕ В ПРОФЕССИЮ ВОЕННОГО ПСИХОЛОГА

Под редакцией Ю. П. ЗИНЧЕНКО и Э. П. УТЛИКА

Рекомендовано
Советом по психологии Учебно-методического объединения
по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлению и специальностям психологии

Москва
Издательский центр «Академия»
2007

УДК 355/359:159.9(075.8)
ББК 88.4я73
К21

Рецензенты:
доктор психологических наук, професор *А. В. Мощенко*;
доктор педагогических наук, професор *М. С. Полянский*;
кандидат педагогических наук, професор *В. И. Черненилов*

Караяни А. Г.
К21 Введение в профессию военного психолога : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников ; под ред. Ю. П. Зинченко и Э. П. Утлика. — М. : Издательский центр «Академия», 2007. — 208 с.
ISBN 978-5-7695-3569-7

В учебном пособии рассматриваются место и роль психологии в системе других наук, история формирования взглядов на основные сферы и виды деятельности психологов, формы их профессиональной подготовки в России и за рубежом. Особое внимание уделяется истории становления и современному состоянию психологической работы в Вооруженных силах, содержанию и специфике профессиональной деятельности психологов воинских частей и подразделений в мирное время и в боевой обстановке, особенностям профессионального становления и взаимодействия психолога с различными должностными лицами. Дается представление о требованиях, предъявляемых к личности военного психолога, а также особенностях его профессиональной подготовки в вузе и перспективах дальнейшего профессионального совершенствования.

Для студентов высших учебных заведений, специализирующихся по специальности «психология».

УДК 355/359:159.9(075.8)
ББК 88.4я73

ISBN 978-5-7695-3569-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историки подсчитали, что за последние 5 000 лет люди Земли пережили порядка 15 000 войн и что на каждый день мира приходится 5 дней войны. За всю «цивилизованную» историю человечества лишь около трех столетий можно считать абсолютно мирными. Все остальное время где-то обязательно полыхала война. В этих больших и малых столкновениях погибло около 4 000 000 000 человек, т. е. почти столько же, сколько проживало на Земле в середине прошлого века.

Великий Гёте говорил: «Цифры не управляют миром, но они показывают, как управляется мир». Приведенные выше цифры свидетельствуют о том, что война была и остается преобладающим состоянием человеческого общества, постоянным и неизбежным злом практически на всем протяжении истории, а мир — кратковременной передышкой и подготовкой к новым войнам. Эта тенденция не является исключением и для России. Только в XX столетии наша страна пережила две мировые войны и ряд кровавых военных конфликтов. Экономические, политические, демографические, социальные, экологические процессы, происходящие в современном мире, делают опасность возникновения новой войны, локального военного конфликта, террористической атаки реальной для каждого государства планеты.

Война по праву считается одним из самых сложных социальных явлений и имеет множество измерений — боевое (стратегическое, оперативное, тактическое), информационное, техническое, технологическое, человеческое и др. Опыт истории войн и военного искусства показывает, что решающая роль в достижении победы над противником принадлежит «человеческому», психологическому, измерению. Ведь современный бой — это не только тактическое, огневое, технологическое противоборство, это в огромной степени напряженная борьба интеллектов, воль, мотивов, целей и идеалов — всего того, что несет в себе каждый участник сражения.

Подчеркивая важность психологического измерения войны, Наполеон утверждал, что победа на одну четверть обусловлена материальным фактором и на три четверти — моральным. И это неслучайно, ведь война, бой являются самым суровым и бескомпромиссным испытанием человеческого духа, его физических и психологических возможностей. Нестерпимый грохот взрывов, свист пуль, рев самолетов, нечеловеческие вопли агонизирующих

людей, вид чудовищных страданий и изувеченных человеческих тел, подбитой техники и разрушенных сооружений, испепеляющая жара и пронизывающий холод, тяжелые увечья и внезапная гибель боевых товарищей, собственные боевые раны и постоянный страх смерти, ранения, боль, голод и грязь, смертельная усталость и отчаяние, хаос и неизвестность и при всем этом неуклонная обязанность идти вперед, действовать наперекор могучему инстинкту самосохранения — эти и другие стресс-факторы превращают современный бой в настоящий ад.

В боевой обстановке человеческая психика обнажается, начинает работать на предельных режимах, в каждую секунду может произойти ее слом. «Война и только война вызывает... страшное и совместное напряжение всех духовных сторон человека...» [49][1].

Для того чтобы победить в этой кровавой битве, одного желания в настоящее время мало. Сегодня все больше становится очевидным, что в современной войне в конечном счете победит психика, тот, у кого нервы окажутся крепче [131, с. 186].

В этих условиях человеческая психика должна быть готова к функционированию в наивысшем, а порой и запредельном режиме, позволяющем воину выжить, выстоять, превозмочь страх и боль, восстановиться после психической травмы, сохранить силу духа.

История ведения войн показывает, что великие полководцы, правильно учитывающие психологические возможности войск, одерживали победу над врагом более многочисленным, вооруженным более современным оружием. Александр Македонский, Наполеон, Петр I, А.В.Суворов, М.И.Кутузов потому и велики, потому история и хранит их заслуженную славу, что они сумели воспользоваться невидимой, но могучей силой — психикой бойцов [275, с. 3].

В современных условиях, когда информация и средства управления ею становятся самостоятельным фактором победы, роль психологических возможностей отдельных людей и воинских частей значительно возрастают. Новые тенденции развития сил, средств и способов вооруженной борьбы, в том числе несмертоносных, обусловили резкое возрастание зависимости исхода сражения от соотношения психологических возможностей воюющих сторон.

По существу война становится явлением социально-психологическим, так как психологическое содержание приобретают ее *цели* (слом воли противника к сопротивлению и принуждение его к определенным действиям), *средства* (информационно-психо-

---

[1] Здесь и далее цифры в квадратных скобках означают порядковый номер книги, приведенной в библиографии в конце пособия. Обилие отсылок объясняется стремлением авторов наиболее полно раскрыть состояние современной военной психологии и профессиональной деятельности военного психолога, а также дать возможность всем желающим глубже познакомиться с рассматриваемыми проблемами.

логическое, психотропное, соматопсихологическое, технопсихологическое, психотронное оружие) и *способы* (введение в заблуждение, маскировка, внезапность и др.).

Психологическое оружие превращается в самостоятельное, эффективное и сравнительно дешевое средство современных и будущих войн. И от того, насколько войска окажутся готовыми действовать в условиях применения современных боевых психотехнологий, в значительной степени будут зависеть ход и исход сражений, судьбы народов и государств, будущее планеты.

Сказанное выше подчеркивает значение и роль военной психологии в подготовке военнослужащих к защите Отечества, в обеспечении их самоотверженных и умелых действий на поле боя современной войны, в руководстве сражением.

Однако, как отмечал еще в начале прошлого века выдающийся военный психолог Г.Е.Шумков, «военная психология только тогда явится наукой, необходимой для полководца, когда она откроет ему секрет боевой силы или работоспособности бойца во всех фазах боевой обстановки, когда она выработает свои научные положения о моментах, понижающих и повышающих работоспособность бойца, укажет совместное действие разных моментов на боевую силу; укажет средство борьбы с наступающим понижением силы в своих войсках и наметит моменты, способствующие угнетению и ослаблению своего противника» [275, с. 18].

В настоящее время военно-психологическая наука находится в расцвете своих возможностей. Она активно осваивает новые области знания о войне и бое, психологической готовности и устойчивости войск к боевым стресс-факторам, закономерностях боевой и психологической подготовки воинов, технологиях оказания психологической помощи и реабилитации участников боевых действий, о вере и суевериях, героическом и девиантном поведении воинов в военное время, о методах информационно-психологической борьбы с противником и т.д.

Сегодня в Вооруженных силах Российской Федерации (ВС РФ) сложился целостный комплекс психологических мероприятий, нацеленный на решение учебных, служебных и боевых задач, который квалифицируется как «психологическое обеспечение воинской деятельности». В его реализации принимают участие многие должностные лица воинских частей (командиры, начальники штабов, заместители командиров частей по воспитательной работе, военные медики и др.), однако центральная роль принадлежит военному психологу.

Военные психологи по призванию, по образу мышления, по профилю деятельности в нашей армии существуют уже второе столетие. Однако лишь в 1992 г. появилась профессия «военный психолог». Тогда в российской армии были введены должности психологов полков, а чуть позже — психологов батальонов и пунк-

тов (центров) психологической помощи и реабилитации и, таким образом, обозначились контуры целостной психологической структуры. По масштабам задач, стоящих перед ней, по количеству мест, предназначенных в штатных расписаниях воинских частей для военных психологов (около 2000 должностей), по своему иерархическому строению психологическая структура в нашей армии не знает аналогов в мире и призвана стать самой мощной армейской психологической службой в истории.

За время своего существования система психологической работы в ВС РФ оформилась не только в конкретные структурные элементы, подразделения, но и в целостную «вертикаль», пополнилась профессиональными психологами, обогатилась в методическом и материально-техническом отношениях.

С 1994 г. начата подготовка военных психологов на военно-психологическом факультете Военного университета. Она осуществляется в соответствии с общегосударственными образовательными стандартами высшего профессионального образования по специальности «Психология». За 11 лет деятельности факультета в войска направлено около 1000 высококлассных военных специалистов-психологов. В настоящее время подготовка психологов для войск осуществляется в ряде военных вузов.

Обязанности психолога воинской части сложны и многообразны. В мирное время он призван решать задачи по изучению психологических особенностей военнослужащих, воинских коллективов, психологически обеспечивать боевую готовность, боевую подготовку, боевое дежурство, воинскую дисциплину в воинской части, осуществлять профилактику негативных социально-психологических явлений в воинских подразделениях, оказывать помощь военнослужащим по решению их психологических проблем и т.д. В военное время он выступает непосредственным организатором всей системы психологического обеспечения боевых действий полка (батальона).

Вместе с тем ощущающаяся в Вооруженных силах РФ нехватка квалифицированных военно-профессиональных кадров с психологическим образованием (выпускников военных вузов) обусловила восполнение штатного дефицита, во-первых, военнослужащими из числа командного и технического состава без соответствующего образования (после прохождения курсов повышения квалификации в Военном университете) и, во-вторых, женщинами с психологическим образованием, призываемыми на военную службу. Последний способ насыщения психологической службы специалистами становится все более доминирующей тенденцией. Сегодня в частях насчитывается порядка 300 военнослужащих-женщин, а в некоторых военных округах они составляют 20—25 % от общего числа военных психологов.

Одновременно в ряде гражданских вузов (например, в Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова,

Московском психолого-педагогическом университете и еще в 13 вузах) идет подготовка психологов для Вооруженных сил и психологов запаса по специальным программам.

Понимание особой значимости психолога как центральной фигуры в системе психологической работы в последнее время все более сопровождается и дополнительными мерами по повышению психолого-педагогической компетентности управленческих кадров Вооруженных сил РФ.

Представленный в настоящем учебном пособии материал ориентирован на расширение знаний о теоретических и практико-методических основах деятельности психологов в Вооруженных силах РФ, на уяснение направлений и форм их взаимодействия с различными должностными лицами, а также специфики их профессиональной подготовки и практического освоения будущей профессиональной деятельности.

Вместе с тем в связи с ограниченным объемом пособия при изложении материала авторы не ставили своей целью детальное проникновение в технологические нюансы реализации конкретных функций военного психолога. Мы также исходили из того, что дублирование материала, изложенного в книгах других авторов, посвященных общепрофессиональным аспектам подготовки психологов в стране и за рубежом, нецелесообразно.

Настоящее учебное пособие призвано выполнить прежде всего профориентационную функцию для молодых людей, задумывающихся над выбором профессии, сформировать у них первичный контур представлений о профессии военного психолога. Кроме того, учебное пособие может стать хорошим подспорьем слушателям и курсантам военных вузов, студентам военных циклов и факультетов психологии гражданских вузов в практическом освоении ими будущей профессиональной деятельности.

Пособие также адресуется преподавателям и адъюнктам вузов, осуществляющих подготовку специалистов для ВС РФ и разрабатывающих военно-психологическую проблематику.

Глава 1 посвящена раскрытию особенностей психологии как науки и социальной практики, деятельности профессионального сообщества, характеристике современного состояния военно-психологического сообщества России. Глава 2 содержит анализ объекта, предмета, задач, принципов и методов военной психологии. Здесь определяется место военной психологии в системе научных отраслей современной психологии и исследуется ее взаимодействие с другими науками. Глава 3 посвящена исследованию особенностей профессии военного психолога, содержанию его деятельности в мирное и военное время. В главе 4 раскрываются система, принципы, методические и организационные основы подготовки, профессионального становления и совершенствования военного психолога как профессионала.

ГЛАВА 1

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Господь Бог решал, где следует спрятать от человека ключ к тайнам бытия... Сначала он выбрал самую высокую в мире гору; затем — дно самого глубокого моря. Наконец, он решил, что тайна мироздания будет сокрыта в самом человеке, в глубинах человеческой души.

Притча

Значение термина «психология» • Виды деятельности психологов • Понятие о психотехнической теории • Практическая психология • Отрасли психологии • Научные направления, школы и концепции в психологии • Сферы деятельности психологов • Структура профессионального психологического сообщества • Военно-психологическое сообщество России

1.1. Происхождение и значение термина «Психология». Психология как наука и практическая деятельность

1.1.1. Основные термины и понятия психологии

Для того чтобы выявить особенности научных и практических основ деятельности военного психолога, обратимся к истокам психологии. Своим названием и первым определением эта наука обязана греческой мифологии. Для греков любовь простой девушки Психеи к сыну богини Афродиты Эроту была образцом истинной любви, высшей реализации человеческой души. Согласно мифу, Психея, будучи смертной, пройдя все испытания, смогла обрести бессмертие, став богиней и символом души, ищущей свой идеал.

Слово «психология», образованное от греческих слов «psyche» (душа)[1] и «logos» (учение, наука), впервые появилось в XVIII в. в работах немецкого философа Христиана Вольфа (1679—1754) — учителя М.В.Ломоносова — «Рациональная психология» и «Эмпирическая психология», опубликованных в 1732—1734 гг.

Психология как область интереса людей к детерминантам собственного поведения существует очень давно. Психология же как самостоятельная наука ведет отсчет с 1879 г., когда немецкий

[1] В современном употреблении «душа» — понятие, обозначающее внутренний мир человека, его сознание и самосознание.

ученый Вильгельм Вундт (1832—1920) создал первую в мире экспериментальную психологическую лабораторию при Лейпцигском университете. На базе этой лаборатории впоследствии был создан Институт экспериментальной психологии, в котором работали многие выдающиеся психологи всего мира.

За прошедшее с тех пор время было сформировано немало научных школ и направлений. Многие исследователи вписали свои имена в историю данной науки. Несмотря на это, психология и сегодня остается одной из немногих наук, которая ищет свое лицо — свой объект и предмет.

***Психология** — наука о закономерностях, особенностях порождения, функционирования и развития психики.*

Кроме своего основного значения (наука о психике) понятие «психология» имеет ряд других, близких значений. Часто «психология» значит то же, что и «психика». Например, говорят: «психология человека», «психология группы». В выражениях «психология памяти», «психология личности», «психология мышления» слово «психология» обозначает раздел психологии, рассматривающий отдельные аспекты психики, изучаемые в то же время и другими науками. Подобные выражения допустимы только потому, что существуют и непсихологические теории памяти, личности, мышления: физиологические, биохимические, социологические, философские. Другими словами, «психология» — это наука обо всей совокупности психических явлений и о каждом из этих явлений в отдельности. Такой способ использования понятий аналогичен общенаучной практике. Например, говорят о физике вообще и о «физике твердого тела».

Психология, как и всякая другая наука, имеет свой объект — фрагмент реальности, на которую направлена активность субъекта, и свой предмет — часть, аспект объекта, выраженный в научных терминах и понятиях. Предмет устанавливает познавательные границы, в пределах которых изучается конкретный объект.

Объектом психологии являются люди, обладающие психикой, рассматриваемые в отдельности или взаимодействующие друг с другом, т.е. составляющие группы разной величины[1]. Неотъемлемой стороной человека как объекта психологии является деятельность или иная форма жизненной активности.

Многообразие проявлений человеческого начала нашло отражение в закреплении в психологии таких понятий, как «индивид», «личность», «индивидуальность», «субъект». Понятие «*индивид*» характеризует человека как представителя определенного вида — *homo sapiens*, носителя общечеловеческих черт в индивидуальном выражении. *Личность* — это индивид, включенный в

---

[1] Животные в качестве объекта изучения рассматриваются специальной отраслью психологии — зоопсихологией.

систему социальных связей и отношений (общения), приобретший в результате такой включенности, психического развития и активной деятельности социально значимые качества, позволяющие ему реализовать себя. *Индивидуальность* — это психологическая неповторимость отдельного человека, взятого в целом, во всех его свойствах и отношениях. И наконец, *субъект* — это человек как носитель, источник предметно-практической деятельности и познания, направленных на соответствующий объект.

Кратко, в самом общем виде, предмет психологии обозначается словом «психика», которое заимствовано из древнегреческого языка и обозначало в древности не только «душу», но и «личность». Под ***психикой*** понимается *системное свойство высокоорганизованной материи, заключающееся в активном отражении индивидом объективного мира, построении образа этого мира и саморегуляции на этой основе своего поведения и деятельности.* Соответственно, предметом психологии являются закономерности порождения, функционирования и развития психики, ее механизмы.

Расширяя приведенную трактовку термина «психика», следует отметить, что в нем находят отражение следующие аспекты: процессы формирования внутреннего мира (модели мира внешнего); содержание внутреннего мира и процессы его преобразования; процессы организации, осуществления действий и управления ими. *Динамическая структура психики* включает: психические процессы (познавательные, эмоциональные, волевые); психические состояния; психические свойства (темперамент, характер, направленность, способности); психические образования (знания, навыки, умения, опыт).

1.1.2. Виды деятельности психологов

Следует выделить три вида деятельности, в рамках которых решаются основные задачи психологии:

— научно-исследовательская деятельность (получение, анализ и обобщение научных данных психологических исследований, рефлексия динамики научного психологического знания);

— педагогическая деятельность (преподавание и пропаганда психологии);

— практическая деятельность, состоящая в консультировании, психологической экспертизе, психотерапии (психологическая практика).

Психология как научно-исследовательская деятельность заключается в изучении специфических духовных механизмов, особых форм внутренней активности человека, которые обеспечивают:

а) восприятие того, что происходит вокруг человека и частично внутри него;

б) эмоциональную оценку полученной информации;

в) обработку информации в целях получения более сжатой и более адекватной модели ситуации и установления общих закономерностей;

г) использование созданной модели ситуации для преобразования этой ситуации и удовлетворения жизненных потребностей.

Важной перспективной задачей психологии является объединение всех наук о духе, выполнение по отношению к ним методологических функций.

Педагогическая деятельность в области психологии представлена не только преподаванием психологии, но и реализацией возможностей психологии (как практически ориентированного знания) в образовательной сфере. Важность психологических знаний в образовательной сфере объясняется тем, что они помогают выбрать наиболее подходящий способ педагогического воздействия, создать оптимальные психологические условия для полноценного психического и личностного развития обучаемых.

Психологическая практика связана с реализацией следующих социальных функций:

— повышением психологической культуры людей и общества в целом;

— гуманизацией социальных институтов (социального строя), экономики, политики, межличностных отношений, всех видов деятельности;

— совершенствованием условий жизни и деятельности людей, в том числе техники, инструментов;

— оказанием непосредственной практической помощи людям, испытывающим психологические затруднения и проблемы в личной жизни и профессиональной деятельности.

К настоящему времени в понимании сущности психологической практики, ее теоретико-методических особенностей сложилось два основных подхода. Первый подход трактует психологическую практику как психологическое обеспечение функционирования индивидов в различных сферах (сфере спорта, промышленности, образования и т.д.). Второй подход рассматривает психологическую практику как отдельную сферу деятельности практических психологов.

Появление психологической практики привело к качественному изменению и самой психологической теории. В ее составе активно формируется ***психотехническая теория***, основными отличительными признаками которой специалисты считают (Ф. Е. Василюк):

практичность как выражение направленности теории не на внешний по отношению к исследователю объект, а на «работу-с-объектом»;

ценностную ориентацию на критерии истины, добра, красоты, святости, пользы, в отличие от критериев объективности, характерных для академической психологии;

адресность, направленность на психолога-практика как на своего «внутреннего персонажа» и релевантность его внутреннему опыту;

субъектность познания, обусловленную заинтересованностью всех участников психотехнической практики (и психолога, и клиентов) в качестве процесса и результатах своей деятельности;

гибкость и многообразие используемых методических средств, обеспечивающих создание оптимальных условий для самопознания и самораскрытия как клиента, так и психолога;

личностный характер получаемого в результате взаимодействия знания как знания не о чем-то внешнем по отношению к исследователю, а о том, что «присутствует во мне или в чем присутствую *Я*».

Те теоретические аспекты различных психологических наук, которые могут быть использованы для оказания помощи конкретным людям, а также положения психотехнической теории составляют контур развивающейся практической психологии. ***Практическая психология*** *— отрасль психологии, предметом которой является психологическая помощь*, т.е. практическая деятельность психологов, направленная на конкретного человека с его проблемами, запросами, потребностями и т.п.

Основные черты практической психологии показывают главное отличие психотехнической теории от традиционного психологического знания. Оно состоит в том, что в качестве предмета практической психологии выступает «метод, ограняющий и созидающий пространство психотехнической работы-с-объектом». Именно метод выступает центральным звеном в системе взаимодействия психолога-практика с клиентом. И в зависимости от того, что и как он делает, формируется понимание того, что и почему происходит в этот момент в психике клиента и психолога. В итоге психотехническая теория обогащается обобщениями особого рода, которые уже по своему происхождению представляют собой универсальные способы совместной деятельности по преодолению психологических затруднений.

Предметом деятельности практических психологов является психическая реальность людей, а также факторы, воздействующие на нее.

Психическая реальность *— это действительно существующее психическое, субъективное отражение; явления психики, сознания.*

Причем если в академической психологии психическая реальность как бы поделена на отдельные понятия и категории, мыслимые в рамках тех или иных объяснительных схем, научных теорий и направлений, в психологической практике человек предстает целостно, в единстве своих специфических процессов, качеств, способностей. Поэтому *психолог-практик вынужден использовать совокупность различных методов, сложившихся в разных школах и направлениях психотерапевтической практики.*

Особенностью деятельности практического психолога является то, что он воздействует на внутренний мир человека, исходя из этических соображений и признания ценности его личности. Однако это воздействие имеет опосредованный характер (в отличие, например, от хирургического вмешательства врача). Психолог, используя обобщенные знания о людях вообще, помогает человеку осознать, с одной стороны, свою уникальность, с другой стороны, типичность тех проблем, с которыми он сталкивается. Тем самым задействуется основной мобилизующий фактор предстоящих изменений — психическая реальность данного человека.

Специфика деятельности практических психологов более отчетливо видна при сопоставлении их с деятельностью ученых-исследователей. ***Логика деятельности ученого*** — это логика постоянного поиска в мире идей и понятий (Б. П. Бархаев). Сначала он ищет еще не замеченные другими проблемы, а затем — неизвестные другим ответы на них. В качестве исходного материала для ученого выступают *факты* — явления действительности, представленные в свете имеющихся научных взглядов. То, что для деятеля выступает основой оценки — явление и его свойства, — для ученого выступает объектом понимания. Уже на этапе отбора явлений для последующего исследования ученый-психолог попадает в ситуацию выбора. Поэтому все дальнейшее имеет значение только в рамках избранного им теоретического подхода. Именно в этом понятийном пространстве разворачивается вся последующая работа исследователя, который на основе определенной концепции, изучения реальных явлений в достаточно большом объеме формирует (уточняет) представления о норме того или иного выявленного им качества.

Логика деятельности психолога-практика — это логика действия, направленного на использование результатов научного исследования в интересах тех, кто обратился к нему за помощью. Это означает, что практик работает с теми, кто сам обращается к нему за определенным видом услуг. Психолог работает с *клиентами* — лицами, нуждающимися в психологической помощи. Другая отличительная черта практика заключается в том, что он всегда опирается на выявленную в ходе научных исследований *норму* (исходное начало для сравнения).

Именно норма служит отправной точкой для всех дальнейших действий психолога-практика. Она позволяет оценить значимость проявлений тех или иных факторов в реальной жизни клиента.

Процедура соотнесения нормы с реальным объектом основана, как правило, на комплексном применении психодиагностических методик. Если отклонения значительны и превышают величину допустимых колебаний нормы (а она также указывается исследователем), то практик фиксирует наличие такого рассогласования и предлагает клиенту свои услуги по коррекционному

воздействию. Воздействие психолога — это определенные процедуры регуляции психических состояний. Итогом работы психолога-практика становится изменение качественных и количественных показателей той трудности, с которой клиент обратился.

Таким образом, различие между психологами-исследователями и психологами-практиками состоит в том, что *целью деятельности психологов-исследователей* является новое теоретическое объяснение сущности объекта и наблюдаемых явлений, а *целью деятельности психологов-практиков* — выявление и регистрация состояния объекта по наиболее существенным параметрам, а также непосредственное коррекционно-развивающее воздействие на объект на основе учета выявленных закономерностей и известных норм.

Вопросы для самоконтроля

1. Каково происхождение термина «психология»?
2. Что такое психология в современном понимании?
3. Что является объектом и предметом психологии?
4. Что такое психика?
5. Каковы основные виды деятельности психологов?
6. В чем суть психотехнической теории?
7. Чем отличается деятельность психолога-ученого от деятельности психолога-практика?

Литература

Бархаев Б.П., Сыромятников И.В. Введение в профессию: от социальной роли к профессиональной субъектности. — М., 2003.

Василюк Ф.Е. От психологической практики к психологической теории // Моск. психотер. журнал. — 1992. — № 1. — С. 15—31.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. — М., 1984.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии: учеб. пособие для вузов. — М., 1998.

Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. — М., 1995.

1.2. Научные направления и отрасли психологии

1.2.1. Отрасли психологии

Сложную психическую реальность, выступающую предметом психологии, наука стремится отразить в ее существенных свойствах и в обобщенной форме, т.е. в понятиях. Понятия в конечном итоге составляют каркас любой науки. В своей совокупности они образуют ее категориальный строй. *Категория — это предельно*

широкое понятие, в котором отражены наиболее общие и существенные свойства, признаки, связи и отношения предметов, явлений действительности и познания.

Изменение научного взгляда на психологию человека сопряжено со сменой категорий, с наполнением их новым содержанием. В этом смысле изменение психологии как науки тесно связано с двумя направлениями, характеризующими в конечном счете ее *структуру*:

— дифференциацией отраслей психологии;

— оформлением и развитием научных направлений и школ.

При этом дифференциация отраслей психологии и теоретических направлений имеет принципиально различные механизмы.

Основанием для выделения различных *отраслей психологии* являются сферы человеческой деятельности, обусловливающие особенности функционирования психики людей и порождающие различного рода проблемы, требующие привлечения для их решения научного знания. Современная психология является чрезвычайно дифференцированной наукой. Различные авторы насчитывают от 50 до 100 относительно самостоятельных ее отраслей, претендующих на статус «полноценных» научных дисциплин.

Отрасли психологии выделяются по множеству оснований:

по цели деятельности (получение или применение нового знания) — фундаментальные и прикладные науки;

по предмету исследования — психология развития, творчества, личности и т.д.;

по виду связей психологии с другими науками — психофизиология, нейропсихология, математическая психология;

по связям с различными сферами практики — организационная психология, инженерная психология, психология спорта, педагогическая психология, политическая психология, юридическая психология, социальная психология, военная психология и ряд других;

по объекту и специфике его развития — психология животных (зоопсихология), психология человека (антропологическая психология), в том числе детская и возрастная психология, патопсихология.

Среди отдельных отраслей следует особо выделить такую фундаментальную часть психологии, как ***общая психология*** — дисциплина, пытающаяся найти ответы на принципиальные вопросы, встающие перед психологической наукой в целом, выработать теоретические принципы, обосновать методы психологического познания, сформулировать важнейшие закономерности существования и развития психической реальности.

К основным вопросам, которые рассматриваются в ее рамках, относятся следующие: «Что такое психика?», «Каковы психоло-

гические механизмы познания мира, регуляции поведения?», «Каким образом взаимодействуют между собой различные психические процессы, например память, мышление, восприятие?», «Каковы критерии становления личности?», «Что заставляет человека действовать, преодолевать трудности, препятствия на пути достижения цели?» и т.д.

Основные вопросы, поднимаемые общей психологией, стоят в центре других отраслей психологической науки. Например, *военная психология* исследует особенности функционирования психики человека в условиях воинской деятельности, выявляет стресс-факторы боя, их влияние на человека, изучает вопросы, связанные с психологической помощью участникам боевых действий, и т.п. [29]. Назначение *педагогической психологии* состоит в научно-психологическом обосновании условий эффективности образовательного процесса. *Инженерная психология* рассматривает процессы и средства информационного взаимодействия между человеком и машиной. *Возрастная психология*, изучающая закономерности онтогенетического развития психики, психологические особенности людей различного возраста, нацелена на создание теории психического развития человека в онтогенезе. Соотношение мозга и психики является одной из ключевых проблем *психофизиологии* и *нейропсихологии*. Проблемы аномального развития психики изучаются *специальной психологией*, закономерности трудовой деятельности — *психологией труда*.

Каждая из этих отраслей и других вырабатывает свои относительно автономные теоретические представления и, в свою очередь, включает ряд более частных дисциплин, соотносимых с отдельными аспектами проблематики.

1.2.2. Научные школы и направления в психологии

Отличительной чертой психологического знания является наличие в нем большого количества научных направлений, школ и концепций. Механизм их оформления иной, чем выделение отраслей психологии. Научные течения различаются по своему предмету, изучаемым проблемам, понятийному строю, объяснительным схемам. Психологическая реальность человека предстает в них под определенным углом зрения. Какие-то отдельные стороны его психической жизни выступают на первый план, другие — либо не замечаются, либо получают более узкую интерпретацию.

В основе разработки того или иного подхода в психологии всегда лежит процесс использования одной или нескольких базовых категорий, посредством которых объясняются основные проявления психики. Как правило, со временем та или иная категория абсолютизируется, превращается в объяснительный принцип, подчиняет себе остальные категории, оформляя тем самым осо-

бое *научное направление.* Представители определенных научных направлений, разделяющие общий подход к пониманию психического и методы его изучения, имеющие, как правило, известного научного лидера, могут образовывать *научную школу.*

Каждый из представленных в науке теоретических подходов к пониманию психического имеет свою историю возникновения, существования и развития. Вместе с тем каждый новый подход не отменял всего предыдущего, а лишь вносил свое понимание в общую «копилку» психологической науки. Поэтому в психологии, как, впрочем, и в любой другой науке, нельзя ставить вопрос: какой подход наиболее верный? Все подходы имеют свои достоинства и недостатки. Более существенным является вопрос о том, какие познавательные задачи позволяет решить тот или иной подход. Именно этим и определяется его место в структуре науки и его роль в истории психологии.

В психологии на разных этапах ее развития в качестве основного предмета исследования рассматривались такие понятия, как «душа», «сознание», «поведение», «бессознательное», «психика» и др.

Самым первым предметом изучения психологии была *душа.* И в наше время, и много лет назад для объяснения поведения других людей было принято ссылаться на проявления их души как некоторого фактора, значимого для понимания ситуаций взаимодействия и общения, но недоступного для непосредственного восприятия. Большой вклад в развитие представлений о душе внесли древние греки, трактовавшие душу как: искорку, часть вечно живого огня, которая течет и изменяется как ручей (Гераклит); соединение атомов (Демокрит); результат смешения трех жидкостей — крови, желчи и слизи (Гиппократ); часть универсальной, бессмертной мировой души, которая соединяется с телом (Сократ, Платон); форму живого тела и цель его существования (Аристотель). Период Средних веков характеризуется влиянием на представления о душе как бессмертной инстанции (Фома Аквинский, 1225—1274) религиозных учений — христианства и ислама.

В конце XVII в. с приходом в естествознание строго «причинного мировоззрения» душа как объяснительный принцип и первопричина всех движений была исключена из науки. Следующим в общей хронологии предметов научного изучения психологии было *сознание.* Психологическое знание пытались построить на основе собственных переживаний ученого — явлений индивидуального создания. Мысли, желания, чувства, воспоминания, которые каждый человек знает по личному опыту, представлялись единственной несомненной реальностью, которую следует изучать, поскольку эти явления человек фактически наблюдает, находит в себе, изучая свою «внутреннюю душевную деятельность». Отсюда единственно возможным методом исследования была призна-

на *интроспекция* — самонаблюдение человека за явлениями своего индивидуального сознания.

Основоположником интроспективного изучения сознания можно считать Джона Локка, который считал, что явления сознания являются такими же бесспорными фактами внутреннего опыта, какими являются факты внешнего опыта, изучаемые прочими науками. Развитие идей о явлениях сознания находит свое продолжение в психологии ассоционизма (XVIII — сер. XIX вв.), которая всю душевную жизнь представляла как процесс образования и смены (по законам ассоциаций) все более сложных образов и их сочетаний с действиями (Д. Гартли, Дж. Милль, А. Бэн, Г. Спенсер). Дальнейшее развитие традиций изучения сознания можно связать с именами В. Вундта и Ф. Брентано, каждый из которых предложил свою программу построения психологии как науки.

В первой трети XX в. появилось несколько крупных психологических научных школ, резко противопоставивших друг другу свои теории, факты и объяснительные принципы. Старая интроспективная концепция, трактовавшая психологию как науку о сознании, состав которого проясняется благодаря самонаблюдению, утрачивает свое влияние.

Одно из крупнейших направлений в зарубежной психологии, возникшее в Германии в первой половине XX в. и выдвинувшее в качестве центрального тезис о необходимости целостного подхода к анализу сложных психических явлений, — ***гештальтпсихология***. Основным положением новой школы стало утверждение о том, что первичными данными психологии являются целостные структуры — *гештальты*, не выводимые из компонентов, образующих гештальт. Исследования, проведенные представителями данного направления (М. Вертгеймер, К. Коффка, В. Келер) в области восприятия и мышления, позволили выявить ряд феноменов (например, инсайт как мгновенное схватывание ситуации) и законов (например, законы «фигуры и фона», «транспозиции», «хорошей формы» и пр.). Эти данные активно используются военными психологами, разрабатывающими психологические аспекты маскировки, введения противника в заблуждение, создания контекста неопределенности в ходе боевых действий.

Преодолению ограниченности круга изучаемых психологией явлений рамками сознания способствовало выделение в качестве основного предмета изучения *поведения*. Это было сделано в бихевиоризме. ***Бихевиоризм*** — одно из ведущих направлений в психологии, предметом изучения которого является поведение как совокупность отношений «стимул — реакция».

Классический бихевиоризм сводил психику к различным, преимущественно двигательным, формам поведения, понимаемого как совокупность реакций организма на стимулы внешней среды.

Так, например, мышление отождествлялось с речедвигательными актами, эмоции — с изменениями внутри организма и т.д. Соответственно развитие человека сводилось к образованию условных реакций — любых ответов организма на изменение во внешней или внутренней среде — от биохимической реакции отдельной клетки до сложного поведенческого акта.

С 20-х гг. XX в. начался распад бихевиоризма на ряд направлений, сочетающих основную доктрину с элементами других теорий (гештальтпсихологии, психоанализа). Необихевиоризм дополняется понятием о *«промежуточных переменных»* как факторах (мотивация, состояния, когнитивные структуры), служащих опосредующим звеном между стимулом и мышечными движениями. Объяснительными факторами формирования и модификации поведения человека выступают такие понятия, как *«модель»* (наблюдение за моделью, представляющей собой одобряемый или осуждаемый образец поведения) и *«подкрепление»* (негативное и позитивное).

Провозглашая поведение в качестве основного явления, наглядного и доступного для изучения, бихевиористы, по сути дела, отрицали творческую сущность человека, оставляя за рамками изучения его богатый и противоречивый внутренний мир.

На противоречивость внутреннего мира обратил внимание автор другого теоретического направления — ***фрейдизма*** австрийский врач и психолог Зигмунд Фрейд (1858—1939). Богатая медицинская практика позволила З.Фрейду сделать вывод о том, что источником многих заболеваний являются неосознаваемые больными комплексы. Будучи вытеснены из сознания, эти психические образования вызывают патологические симптомы (расстройства движений, восприятия, памяти, эмоциональной сферы и др.). На этом основании З.Фрейд высказал предположение, что решающую роль в организации поведения играют бессознательные проявления психической жизни, прежде всего сексуальные. В работах «Исследования истерии» (1895) и «Толкование сновидений» (1900) он выдвинул основные положения ***психоанализа*** как концепции личности и техники лечения нервно-психических расстройств.

Говоря о вкладе психоанализа, и прежде всего его создателя З.Фрейда, в развитие предметной сферы психологии, следует отметить следующее. Значительно расширив рамки представлений о психическом, показав его сложную динамику, З.Фрейд тем не менее склонил чашу весов значимости элементов в оппозиции «сознательное—бессознательное» в пользу последнего. Связь человека с социумом и влияние социума на человека представлялись в значительной мере негативно окрашенными. Социум порождал травмирующие переживания, аффективные комплексы у человека. Одновременно и само социальное окружение оказывалось подверженным воздействию иррациональных, зачастую негативных влечений и инстинктов человека. Такая трактовка находит

оправданную критику со стороны многих психологов, в том числе и учеников З. Фрейда.

Наиболее выраженной оппозицией признанию зависимой от различных факторов природы человека (от внешних стимулов в бихевиоризме; от вытесненных из сознания травмирующих переживаний в психоанализе) явились идеи ***гуманистической психологии*** (Г. Олпорт, Ф. Перлз, К. Роджерс, А. Маслоу). Представители гуманистической психологии признавали за человеком право на его уникальность, способность к управлению собственным развитием и творческой самореализации, к достижению «идеального Я». Одной из основ гуманистической психологии стал *экзистенциализм* — философское течение, ориентированное на проблемы личностного выбора и ответственности в определении смысла существования.

Сторонники этого направления убеждены, что поведение человека детерминируется не инстинктами, внутренними конфликтами или внешними стимулами, а личным восприятием реальности. Люди сами себя контролируют, их поведение определяется способностью выбирать, как думать и поступать. Эти выборы продиктованы уникальным восприятием человеком мира. Таким образом, человек обладает определенной степенью свободы от внешней детерминации благодаря смыслам и ценностям, которыми он руководствуется в своем выборе.

Важным направлением, характеризующим социальную ориентированность психологии, признающим ведущую роль общественно-исторического фактора в развитии психики, стало использование в *отечественной психологии* в качестве системообразующей интегральной категории *предметной деятельности* (С. Л. Рубинштейн, М. Я. Басов, А. Н. Леонтьев). Именно продуктивная деятельность по преобразованию окружающего мира отличает человека от всех других живых существ. В продукте деятельности оказывается воплощенным тот «идеальный образ», который существует в сознании человека. ***Деятельность*** — это *форма психической активности субъекта, заключающаяся в мотивированном достижении сознательно поставленной цели, связанной с познанием или преобразованием объекта.*

Реализуя преобразующие действия с предметным миром, осуществляя сознательную регуляцию своего поведения и действий, человек изменяет и свою психическую природу. Посредством деятельности человек включается в систему общественных связей и отношений. При этом усвоение общественного опыта в ходе совместной деятельности приводит к «перенесению внутрь» — *интериоризации* — внешних действий и социальных отношений. А это в конечном итоге приводит к формированию социально обусловленных качеств человека, к развитию высших психических функций, характеризующихся (в отличие от «натуральных» функций,

имеющих природное происхождение) произвольностью и осознанностью (Л. С. Выготский).

В ходе интериоризации структура внешней деятельности трансформируется и «сворачивается», с тем чтобы вновь трансформироваться и «развернуться» в процессе *экстериоризации*, когда на основе сформированной психической функции строится «внешнее» социальное отношение.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы основания для выделения отдельных отраслей и научных направлений психологии?
2. Какую функцию выполняет общая психология в общей системе психологической науки?
3. Что являлось исторически первым предметом изучения психологии?
4. Какие научные направления возникли в первой половине XX в.?

Литература

Бархаев Б.П., Сыромятников И.В. Введение в профессию: от социальной роли к профессиональной субъектности. — М., 2003.

Вачков В.В., Гришпун И.Б., Пряжников Н.С. Введение в профессию «психолог». — М., 2003.

Зинченко В.П., Смирнов С.Д. Методологические вопросы психологии. — М., 1983.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии: учеб. пособие для вузов. — М., 1998.

Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / под ред. А.В.Брушлинского. — М., 1997.

Шульц Д., Шульц С. История современной психологии. — СПб., 2002.

1.3. Основные сферы и задачи деятельности психологов

1.3.1. Организационное оформление практической психологии в нашей стране

Организационно-структурное оформление практических психологов в нашей стране связывается с началом 70-х гг. XX столетия, когда были разработаны теоретические и организационные основы психологического обеспечения профессиональной деятельности, оказания психологической помощи населению, а также накоплен опыт организации первых подразделений этой службы. Именно в это время начинают создаваться первые психологические службы и психологические консультации.

В настоящее время к ним относятся специализированные психологические подразделения предприятий, учебных заведений, дошкольных учреждений и т. п. (самостоятельные или входящие в состав кадровых служб, служб социального развития) и различные профессиональные психологические консультации — служба семьи и брака, профконсультации и профориентации, центры и службы психологического здоровья, управленческого консультирования. Специалисты-психологи входят в состав консультационных подразделений, занимающихся общенациональной и отраслевой эффективностью, повышением квалификации руководящих кадров, повышением эффективности управления кадрами, финансами, маркетингом и сбытом, а также в состав отделов и подразделений, осуществляющих внутреннее управленческое консультирование в крупных частных и государственных организациях, включая организационные, методические и иные услуги для правительства. Наибольшее развитие психологические службы получили в Вооруженных силах, промышленности и образовании.

Основными целями профессиональной деятельности практических психологов являются: *психологическое изучение* объекта, включающее его исследование, объяснение, описание и прогнозирование развития, а также психологическое управление данным объектом (человек, группа), а также *психологическое управление* — воздействие на объект, осуществляемое квалифицированными специалистами при помощи методов и средств практической психологии в целях изменения его психологических характеристик.

Рассматривая организацию как потенциальный объект комплексного психологического воздействия, можно выделить несколько организационных уровней и соответствующих этим уровням задач:

уровень всей организации. Здесь в качестве ведущих выступают задачи совершенствования организационной структуры, методов управления, стабилизации и развития кадров, социального развития коллектива, психологического обеспечения рекламной деятельности и т. п.;

уровень первичного коллектива. Наиболее значимыми на данном уровне являются задачи обеспечения благоприятного социально-психологического климата, межличностной совместимости, эффективности групповой деятельности, предупреждения конфликтов и т. п.;

уровень отдельного человека. На этом уровне психологами решаются задачи организации рабочего места, оптимизации психофизиологического состояния, предупреждения негативных состояний, деформаций личности, решения отдельных психологических проблем.

1.3.2. Основные сферы деятельности практических психологов

В настоящее время сложилось несколько основных сфер применения практических психологов в нашей стране:

— система морально-психологического обеспечения деятельности силовых структур;

— система образования и дошкольного воспитания (детсады, школы, гимназии, вузы);

— клинические и другие медицинские учреждения;

— экономическая сфера (службы социального развития, кадровые службы организаций и предприятий и т. п.);

— центры психологической помощи, службы семьи и брака и пр.

Работа в каждой из этих сфер предполагает следующие варианты реализации психологом своего профессионального предназначения (О. В. Соловьева, 1997): *психологическая консультация, клуб* и *социальная организация*. Работая в психологической консультации, психолог ведет прием клиентов, предлагая им определенные средства социально-психологического воздействия. Своеобразие работы в клубном пространстве связано с тем, что любая клубная структура объединяет свободно собравшихся людей, поэтому психологу приходится считаться с их интересами. Работа в организации предполагает закрепление за психологом ряда служебных функций, реализация которых порой выходит за рамки его профессиональной ответственности.

Психологи в экономической сфере изучают психологические закономерности функционирования различных форм трудовой и управленческой деятельности, решая при этом следующие задачи:

— научное исследование персонала и анализ организационной структуры — профессионально-психологический отбор и расстановка кадров, диагностика профессиональной компетентности, выявление стиля деятельности и потенциала управленческого аппарата, оценка необходимости организационных изменений и консультирование руководителей; социально-психологическое изучение коллектива;

— оптимизация социально-психологического климата в коллективе, профилактика межличностных и межгрупповых конфликтов;

— развитие персонала — выявление потребностей обучения и развития, оценка эффективности программ обучения, методическое обеспечение различных форм профессионального обучения, определение и оптимизация факторов, влияющих на удовлетворенность работников условиями труда и их мотивацию к профессиональному росту;

— планирование и оптимизация профессиональной среды — эргономический анализ деятельности, изучение факторов, влияющих на эффективность и качество труда, работоспособности ра-

ботников, предупреждение негативных психофизиологических, стрессовых состояний, аварий и несчастных случаев;

— оказание психологической помощи специалистам в предупреждении и разрешении личностных проблем; повышение социально-психологической компетентности; коррекция неадаптивного поведения и эмоциональных расстройств;

— психологическое изучение потребителя продукции предприятия (организации), психологическое обеспечение рекламной деятельности.

Клинические психологи, работая в основном в структурах медицинских учреждений, изучают причины различных отклонений в поведении людей, психосоматических расстройств и заболеваний, интеллектуальных и эмоциональных дефектов и дискомфорта, индивидуальных и социальных дисфункций и ведут с ними психокоррекционную и реабилитационную работу, разрабатывают совместно с другими специалистами (педагог, психиатр, социальный работник) различные развивающие программы и программы сопровождения.

Психологи в сфере народного образования изучают и оптимизируют психологические факторы, влияющие на успешность обучения и самочувствие обучаемых; развивают их познавательные способности; осуществляют консультирование преподавателей, обучаемых и их родителей по вопросам учебно-воспитательного взаимодействия, преодоления личностных проблем; проводят психологическую экспертизу учебных средств, дидактических приемов и методов учебных занятий на предмет их эффективности.

При этом общим полем деятельности педагога и психолога является личность учащегося, классный коллектив и учебная деятельность. Действуя в этом пространстве, предоставляя психодиагностическую информацию, психолог должен помочь своим коллегам — педагогам решать следующие задачи:

— построение учебной деятельности, психологически адекватной познавательной деятельности обучаемого и особенностям учебного предмета;

— актуализация педагогом внутренних (психических) ресурсов ученика;

— адаптация содержания и методики представления учебного материала к психологическим особенностям учащихся.

Психологи-консультанты, проводящие обслуживание населения в рамках специализированных центров и служб психического здоровья, в службах семьи и брака, помогают клиентам, обращающимся за помощью, приобрести или изменить индивидуально-социальные навыки преодоления трудностей и обращения с реальностью; улучшить адаптацию к меняющимся условиям; разрешить проблемы, связанные с выбором профессии, работой, браком, семьей, сексом, старостью, социальными и физическими недостатками.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы основные сферы деятельности практических психологов в нашей стране?
2. Какие задачи решают психологи в экономической сфере?
3. В чем состоит содержание деятельности клинических психологов?
4. Каковы задачи психологов в сфере народного образования?

Литература

Вачков В.В., Гришпун И.Б., Пряжников Н.С. Введение в профессию «психолог». — М., 2003.

Введение в практическую социальную психологию: учеб. пособие для высш. учеб. заведений / под ред. Ю.М.Жукова, Л.А.Петровской, О.В.Соловьевой. — 2-е изд. — М., 1996.

Гусейнова В.В. Практика использования психолога на предприятии сферы материального производства и проблемы подготовки психолога-практика // Вестник Моск. ун-та. — Серия 14. — 1989. — № 4.

Рабочая книга практического психолога: пособие для специалистов, работающих с персоналом / под ред. А.А.Бодалева, А.А.Деркача, Л.Г.Лаптева. — М., 2006.

Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога в образовании: учеб. пособие. — М., 1996.

Соколова Е.Е. Тринадцать диалогов о психологии: хрестоматия с коммент. по курсу «Введение в психологию». — М., 1997.

Сыромятников И.В. Становление профессиональной деятельности психолога воинской части сухопутных войск. — М., 1997.

1.4. Формы профессионального взаимодействия психологов

1.4.1. Профессиональное взаимодействие как фактор профессионального развития психолога

Успешное профессиональное развитие психолога во многом зависит от профессионально-деятельностных связей и отношений, в которые он включен. В иерархии этих взаимоотношений можно выделить как минимум четыре типа связей:

— отношения с клиентами и их окружением;

— отношения с другими психологами;

— отношения с администрацией (должностными лицами);

— отношения с другими (смежными) специалистами (социальными работниками, медиками, педагогами и т.д.).

Таким образом, профессиональное пространство для практического психолога может быть представлено как своеобразная социотехническая система, объединяющая специалистов различного профиля, взаимодействующих по поводу решения конкретной проблемы. Каждый из них, реализуя тот или иной тип присущей

ему деятельности, является выразителем определенной профессиональной позиции по отношению к решаемой проблеме.

Основой для определения «своей» позиции выступают профессиональные возможности данного специалиста и характер задачи, предполагающей перевод объекта в новое качество функционирования. Таким объектом может быть, например, человек, нуждающийся в психологической помощи. Допустим, в результате проведенной предварительной работы психолог выявил те условия, которые могут способствовать разрешению имеющейся у человека проблемы. Но создание этих условий во многом зависит и от других (кроме самого психолога и клиента) людей. Круг лиц, способных помочь в этом вопросе, может быть расширен за счет привлечения других специалистов, родственников и знакомых, администрации и представителей коллектива того учреждения, где трудится этот человек. Каждый из людей, привлекаемых для решения этой общей задачи, обладая навыками решения аналогичных проблем, полномочиями и компетенцией, является, таким образом, выразителем своей особой профессиональной позиции, а следовательно, и реализатором специфических функций по отношению к основному, общему для всех процессу.

Возникающая в данном случае (по поводу помощи конкретному человеку) профессиональная кооперация заинтересованных участников рассматривается как единый процесс преобразования «исходного материала» в новое качество, в котором один участник кооперации заинтересован в определенном продукте деятельности другого. Например, для более плодотворной работы с клиентом необходимо понимание особенностей ситуации со стороны представителей администрации учреждения, в котором он работает, и принятие соответствующих мер (неразглашение информации, создание щадящего графика работы, перевод на другой участок и т. п.).

Развитию профессиональной кооперации будут способствовать и те случаи, когда психолог, не встречавший прежде аналогичных случаев в собственной практике, вынужден обращаться за помощью к более опытным специалистам либо к специалисту другого профиля. Профессиональное общение по поводу решения конкретной проблемы способствует более объективному видению психологом всевозможных граней данной проблемы, ее нюансов, определению на этой основе наиболее адекватных методов и приемов деятельности, а в конечном итоге — накоплению собственного опыта и развитию профессионального мышления.

Таким образом, важнейшим условием профессионального развития практического психолога становится его профессиональное взаимодействие и общение с другими специалистами. Данную возможность предоставляет *психологическое сообщество*. Осуществляемые в рамках психологического сообщества основные формы

сотрудничества реализуют функции не только обмена опытом и повышения квалификации, но и квалифицированной оценки профессиональной компетентности психолога.

1.4.2. Научные организации и профессиональные сообщества психологов в России и за рубежом

Возможности реализации профессиональных связей между психологами достаточно многообразны, основными формами которой являются психологические ассоциации, общества, учреждения и психологические журналы.

Крупнейшей организацией, объединяющей психологов мира, является *Международный союз психологической науки* (The International Union of Psychological Science — IUPsyS). В его состав входят национальные союзы и ассоциации, представляющие психологов отдельных стран по принципу «одна ассоциация — одна страна». IUPsyS был основан в 1951 г. и на сегодняшний день объединяет 54 национальные психологические ассоциации. В свою очередь IUPsyS входит в состав Международного совета социальных наук (ISSC) и Международного совета научных союзов (ICSU). Кроме того, за IUPsyS закреплен консультативный статус при ЮНЕСКО.

Крупнейшим психологическим национальным союзом сегодня является *Американская психологическая ассоциация* (APA), объединяющая в своих рядах более 200 тысяч психологов. Ассоциация разрабатывает стандарты профессиональной подготовки и компетентности практических психологов и контролирует их соблюдение. По данным стандартам к психологам относятся специалисты с докторской степенью. Работников со степенью магистра называют ассистентами психологов или специалистами, например по школьной психологии. Для того чтобы поддерживать высокое качество профессиональной компетентности психологов, в стране действует система лицензирования. Впервые в США экзамен на получение лицензий был введен в 1965 г. Для получения лицензии необходимо иметь докторскую степень, определенный рабочий стаж, сдать письменный и устный экзамен и набрать соответствующий проходной балл.

Россия также представлена в составе IUPsyS национальной организацией — *Российским психологическим обществом* (РПО) при Президиуме Российской академии наук[1], которое основано в 1994 г. в Москве на Учредительном съезде, став правопреемником Общества психологов СССР. В состав общества входит 56 региональных отделений, и руководит им Координационный совет (КС),

[1] Юридический адрес Российского психологического общества: 129366, г. Москва, ул. Ярославская, 13.

избираемый съездом, а в промежутках между съездами и заседаниями КС РПО — президент и Президиум КС. В своей деятельности общество руководствуется уставом и программой. В структуре РПО образованы секции: психологии образования, военной психологии, психологии творчества, психологии рекламы и другие. РПО издает серию сборников «Психология сегодня», журнал «Психологическое обозрение».

Помимо РПО в России действует немало независимых психологических ассоциаций: Ассоциация психологов-практиков, Коллегия семейных психологов, Психофизиологическое общество, Ассоциация гуманистической психологии, Российская психоаналитическая ассоциация и др. Имеются также более специализированные общества и организации, в сфере интересов которых — прикладные проблемы практической психологии в различных отраслях и сферах жизнедеятельности людей, например Психологическое общество травматического стресса, Всероссийская федерация спортивной психологии и др.

Психологические учреждения — это научно-исследовательские институты или их структурные подразделения, факультеты психологии вузов, отраслевые лаборатории, психологические кафедры вузов, в которых ведется исследовательская работа в области психологии и производится подготовка кадров психологов.

К психологическим учреждениям относятся научно-исследовательские институты, центры и их подразделения, факультеты психологии вузов, центры подготовки и повышения квалификации практических психологов. В России имеется несколько ведущих психологических учреждений, к которым прежде всего следует отнести Психологический институт РАО и Институт психологии РАН.

Психологический институт РАО (ПИ РАО) был основан в 1912 г. при кафедре философии на историко-филологическом факультете Московского университета под названием Институт психологии. Московский институт, созданный Г. И. Челпановым при материальной поддержке известного мецената С. И. Щукина, воплотил в себе все лучшее, что было накоплено к тому времени мировой практикой организации экспериментально-психологических исследований. Первым директором Института был Г. И. Челпанов.

На протяжении 90 лет институт неоднократно менял свое название, но всегда оставался центром фундаментальных исследований. Сейчас в нем работают более 240 сотрудников[1].

Долгие годы Психологический институт был практически единственным специализированным научно-исследовательским учреждением в нашей стране. Понадобилось почти 70 лет для того чтобы в стране был организован еще один исследовательский центр —

---

[1] См.: Современная психология: справочное руководство. — М., 1999.

Институт психологии РАН (ИП РАН). Большую роль в создании института сыграл видный отечественный психолог Б.Ф.Ломов. В этом ему оказывали помощь такие выдающиеся ученые, как П.К.Анохин, А.Н.Леонтьев, А.Р.Лурия, В.Д.Небылицын, Е.В.Шорохова, В.А.Пономаренко, А.И.Берг, В.В.Паренс, Б.Н.Петров и многие другие. В состав Института психологии РАН вошел сектор психологии Института философии РАН, образованный в 1945 г. С.Л.Рубинштейном.

Сегодня в ИП РАН работают более 200 сотрудников, которые проводят фундаментальные и прикладные исследования в области общей психологии, психологии личности, дифференциальной психологии, социальной психологи, когнитивной психологии, психологии труда и инженерной психологии, психофизиологии и т.д. В составе института 20 научных подразделений (лабораторий и функциональных групп). При институте действуют Консультационный центр, Высший психологический колледж и издательство. Институт является учредителем «Психологического журнала» РАН и журнала «Иностранная психология».

Многие исследовательские институты и центры РАО возглавляют психологи; в большинстве институтов имеются отделы и лаборатории психологического профиля. К их числу относятся: Институт коррекционной педагогики РАО, Институт педагогических инноваций РАО, Исследовательский центр семьи и детства РАО, Исследовательский центр социальной педагогики РАО, Исследовательский центр социологии образования РАО, Исследовательский центр эстетического воспитания РАО, Институт профессионального самоопределения молодежи РАО.

Созданный в 1992 г. Институт развития личности РАО занимается преимущественно психологическими исследованиями: психологией реабилитации личности, психологией жизненного самоопределения, психологией развития и др.

Крупнейшим исследовательским центром в области медицинской психологии и психотерапии является Психоневрологический институт имени В.М.Бехтерева в Санкт-Петербурге.

Исследования по прикладной психологической проблематике ведутся в Военном университете МО РФ, Центре подготовки космонавтов им. Ю.А.Гагарина, НИИ авиационной и космической медицины, в 178-м Научно-практическом центре ГШ ВС РФ, Институте медико-биологических проблем, во Всероссийском НИИ МВД РФ, Всероссийском НИИ технической эстетики и множестве других ведомственных научно-исследовательских учреждений.

Мощнейшим научным психологическим потенциалом располагают факультеты психологии крупнейших университетов: Московского государственного университета (МГУ), Московского государственного педагогического университета (МГПУ), Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Воен-

ного университета МО РФ, Ярославского государственного университета (ЯрГУ). Кафедры и лаборатории этих вузов проводят исследования, соответствующие мировому уровню.

В научно-исследовательских учреждениях основным рабочим органом выступают *исследовательские лаборатории*. Например, в Институте психологии РАН в разное время функционировали следующие лаборатории: теории и истории психологии, социальной психологии, когнитивных процессов, психологии речи и психолингвистики, невербальной коммуникации, психофизиологии, психологии труда и др.

Деятельность лаборатории направляется темой научного исследования, которая предопределяет перспективу исследовательской работы ее сотрудников на несколько лет вперед. В качестве основных результатов научной работы выступают:

— на уровне лаборатории — отчет об итогах исследовательской работы;

— на индивидуальном уровне — диссертационные исследования, выполненные научными сотрудниками в рамках общей тематики исследовательской работы и являющиеся предметом коллективного обсуждения представителей научного сообщества, входящих в специализированные ученые советы.

Для того чтобы с этими результатами мог ознакомиться широкий круг специалистов, данные результаты публикуются на страницах *психологических журналов*. Психологические журналы — это периодические издания, освещающие развитие психологической науки и ее проблемы. В нашей стране такими журналами являются «Психологический журнал», «Вопросы психологии», «Мир психологии», «Вестник Московского университета», «Психологическая наука и образование», «Школьный психолог», «Прикладная психология и психоанализ» и др. Такое заочное общение психологов в обсуждении результатов экспериментальных исследований, психологических методик и технологий на страницах научных журналов служит важным источником их профессионального совершенствования.

Основными формами обсуждения ключевых вопросов развития академической и практической психологии, психологической службы в нашей стране являются съезды и конференции психологов — членов Российского психологического общества.

Профессиональное взаимодействие психологов осуществляется также в форме непосредственного участия в различных специализированных практических семинарах, на которых обсуждаются вопросы теории и практики организации психологической работы в учреждениях и организациях, оказания психологической помощи и т.п.

К важной форме взаимодействия, обеспечивающей совместное решение проблемы, можно отнести участие психологов в ре-

ализации различного рода экспериментальных исследований. Обмен опытом происходит также в ходе взаимного посещения сеансов консультирования и психотерапии, наблюдения за работой квалифицированных специалистов. По мнению многих практических психологов, каждый начинающий специалист до начала профессиональной деятельности должен лично пройти курс индивидуального консультирования и групповой психотерапии, особенно в группах, ориентированных на совершенствование личности, т.е. проработать свои проблемы при содействии опытного профессионала. Это нужно для понимания механизмов достижения психотерапевтического эффекта, а также динамики происходящих с клиентом изменений во время работы с психологом.

Многообразие связей между психологами, обеспечивающее их профессиональный и личностный рост, осуществляется и во многих других формах.

1.4.3. Военно-психологическое сообщество России

Военно-психологическое сообщество нашей страны находится в стадии своего активного становления и развития. Исходным моментом этого становления является принятие в 1992 г. государственного решения о введении должности военного психолога в ВС РФ. Открытие порядка двух тысяч должностей психологов воинских частей знаменовало собой создание самой крупной по численности психологической структуры в стране.

Сегодня сообщество военных психологов России становится все более разнообразным структурно, все более организованным и деятельно эффективным.

Его основу составляют военные психологи, входящие в штатную структуру батальонов, полков, бригад, армий, военных округов, родов войск, видов Вооруженных сил, Главного управления воспитательной работы ВС РФ. Сюда же входят психологи пунктов (центров) психологической помощи и реабилитации частей (соединений) постоянной боевой готовности. Именно они решают главные задачи психологической работы в мирное и военное время.

На должностях военных психологов сегодня служат офицеры, окончившие высшие военно-учебные заведения по специальности «психология», лица (мужчины и женщины), окончившие гражданские вузы по психологическим и педагогическим специальностям и призванные на военную службу, офицеры различных специальностей, прошедшие переподготовку и повышение квалификации в соответствующих учреждениях.

Значительный отряд военных психологов составляют специалисты по профессиональному психологическому отбору военных вузов, учебных соединений, 178-го Научно-практического центра

и служб Генерального штаба. Как правило, на эти должности назначаются лица с психологическим образованием или прошедшие повышение квалификации в Военном университете.

Существенный вклад в развитие военно-психологической науки и практики вносят психологи системы информационно-психологического противоборства. Они выполняют одну из самых сложных, объемных и значимых задач.

Научным ядром военно-психологического сообщества выступают военно-психологический факультет и кафедра психологии Военного университета МО РФ, преподаватели кафедр педагогики и психологии и социально-гуманитарных и экономических дисциплин десяти военных вузов. Так, на кафедре психологии Военного университета МО РФ сегодня трудятся семь докторов наук, семь профессоров, тридцать кандидатов наук, заслуженный деятель науки РФ, два заслуженных работника высшей школы, лауреат государственной премии. Кафедра является главным учебно-методическим и научным центром Вооруженных сил по проблемам психологического обеспечения воинской деятельности: здесь ежегодно разрабатываются 3—4 крупные комплексные научно-исследовательские работы, 1—2 учебника, 7—10 учебных и учебно-методических пособий для войск, десятки научных статей по важнейшим вопросам психологической работы.

Стало традицией проведение на базе кафедры всеармейских и региональных научных конференций и научно-практических семинаров военных психологов. В последние годы прошли конференции на темы: «Психологические основы информационно-психологического противоборства», «Психология семьи военнослужащего», «Психология войны», «Психологическая реабилитация участников боевых действий», «Научно-методические основы функционирования психологической службы в ВС РФ» и др. В них приняли участие военные ученые, руководители психологической структуры ВС РФ, психологи воинских частей, гражданские психологи.

В Военном университете МО РФ функционирует диссертационный совет по психологическим наукам, принимающий защиты по специальностям 19.00.05 — социальная психология и 19.00.03 — психология труда, инженерная психология и эргономика. Ежегодно совет принимает 1 докторскую и 8—10 кандидатских диссертаций. В совете защищаются как военные, так и гражданские психологи. Ряд членов совета являются членами советов ВАК России по педагогике и психологии и по военной науке и технике.

Диссертационный совет является главной кузницей научных кадров для нашей армии. За время его работы здесь защищено 14 докторских и 160 кандидатских диссертаций по важнейшим вопросам психологического обеспечения различных видов воинской деятельности.

Военно-психологическое сообщество традиционно имеет представительство в Совете по психологии учебно-методического объединения классических университетов страны, в Академии военных наук. С 2002 г. практически во всех крупных всероссийских психологических форумах создаются направления, мастер-классы, секции военной психологии. В 2003 г. на Третьем съезде психологов России функционировала военная секция, в которой участвовали 39 делегатов.

Сегодня в Российском и Московском психологических обществах России созданы военные отделения, активно участвующие в решении задач научного исследования и пропаганды психологических знаний и культуры.

Взаимодействию и сплочению военных психологов страны способствует Интернет-сайт «Психология войны» (www.milpsy.effcon.ru), постоянно пополняющийся новой информацией и позволяющий вести активный научный диалог.

В настоящее время качественные изменения, происходящие в среде военных психологов, все настойчивее ставят на повестку дня вопрос о создании Военно-психологического общества России как самостоятельной, активно действующей профессиональной общественной организации.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какую роль в профессиональном развитии психолога играет психологическое сообщество?
2. Какие существуют формы реализации профессиональных связей между психологами?
3. Назовите крупнейшую организацию, объединяющую психологов мира.
4. Какая психологическая организация является самой крупной в нашей стране?
5. Какие психологические учреждения и журналы функционируют в нашей стране?
6. Раскройте содержание деятельности военно-психологического сообщества России.

Литература

Абрамова Г.С. Введение в практическую психологию. — М., 1994.

Бархаев Б.П., Сыромятников И.В. Введение в профессию: от социальной роли к профессиональной субъектности. — М., 2003.

Вачков В.В., Гришпун И.Б., Пряжников Н.С. Введение в профессию «психолог». — М., 2003.

Сыромятников И.В. Становление профессиональной деятельности психолога воинской части сухопутных войск. — М., 1997.

ГЛАВА 2

ВОЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК ОТРАСЛЬ НАУКИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Военная психология только тогда явится наукой, необходимой для полководца, когда она откроет ему секрет боевой силы или работоспособности бойца во всех фазах боевой обстановки.

Г. Е. Шумков

Военно-психологические идеи полководцев прошлого • Развитие отечественной военно-психологической науки и практики • Определение военной психологии • Предметное поле военной психологии и ее место в системе наук • Принципы и методы военной психологии • Общие и специфические задачи военной психологии • Психологические факторы боя • Социально-психологические явления войны и боя • Психологическое обеспечение боевых действий • Военная зоопсихология • Информационно-психологическое противоборство • Понятие о психологическом оружии • Социально-психологическая реадаптация участников боевых действий

2.1. Периоды и этапы развития военной психологии

2.1.1. Предыстория военной психологии. Военно-психологические идеи в военном искусстве полководцев прошлого

Всякая область научного знания, претендующая на звание самостоятельной науки, должна пройти своеобразный «тест», заключающийся в том, чтобы проверить себя на соответствие ряду требований. К числу важнейших требований относятся: наличие собственного объекта, предмета, категориального аппарата, выявленных закономерностей. В какой мере военная психология отвечает этим требованиям? Что она изучает, посредством каких методов? Каково место военной психологии в системе современного научного знания? Для того чтобы получить ответы на эти вопросы, следует вкратце остановиться на анализе пути, пройденном отечественной военной психологией в своем становлении и развитии.

Военная психология — это наука, имеющая огромное прошлое и короткую историю. Она прошла сложный, противоречивый, полный драматизма и коллизий путь становления.

В процессе развития военно-психологического знания можно выделить два периода: 1) период вызревания военно-психологических идей в военном искусстве полководцев и 2) период развития военной психологии в ранге науки. Мы рассмотрим их в данном и следующем подразделе этой главы. Начнем с первого периода.

Сегодня уже непросто поверить в то, что современная психология с ее гуманистическими принципами, ориентацией на раскрытие и реализацию глубинных возможностей человеческой личности и общества, с ее самоотверженным поиском наиболее эффективных средств вспомоществования человеку в сохранении его психического и телесного здоровья, появилась и сформировалась во многом благодаря запросам боевой практики войск, потребностям войны.

Неосознаваемые попытки использовать «психологический фактор» в противоборстве с противником, по всей видимости, имели место еще в доисторические времена, когда первобытное общество стало распадаться на племена и появилась необходимость силовыми методами делить с неприятелем территорию, добычу, женщин и др. Основными психологическими средствами воздействия доисторического человека на врага были инстинктивные реакции угрожающего поведения, доставшиеся ему от животных предков: устрашающая мимика, угрожающие крики, жестикуляция, движения и др.

В более поздние времена в ряде племен психологическое давление на противника усиливается за счет нанесения боевой раскраски на лица и тела воинов, использования в качестве элементов одежды шкур диких животных (тигров, леопардов и др.), перьев сильных и умных птиц, что должно было свидетельствовать об обладании качествами, схожими с качествами этих животных.

В последующие исторические периоды к устрашающей внешней атрибутике добавились расцветка и форма доспехов (например, рога на шлеме), изображения грозных диких зверей, драконов на знаменах, щитах, доспехах и т. п.

Нередко для оказания психологического воздействия и введения противника в заблуждение использовались животные (слоны, тигры, быки, козы и др.). Известны факты, свидетельствующие о том, что некоторые народы, учитывая определенные этнические и религиозные особенности древних египтян, успешно использовали против них кошек. Воины противоборствующей стороны привязывали животных к щитам или несли с собой в бою. А поскольку кошки у египтян почитались как священные животные, подданные фараона не смели стрелять в их сторону, боясь нанести им вред.

В качестве средства психологического воздействия на неприятеля практиковалось применение групповых гортанных криков и кличей, шумовых эффектов (удары оружием по щитам, бой бара-

банов, вой боевых труб) и использования огня. Например, есть сведения о том, что печенежские воины имели большие трубы в виде бычьих голов, в которые они трубили во время боя, и рев этих труб был ужасен. В войсках среднеазиатских правителей также применялись мощные духовые инструменты, вызывавшие страх у тех воинов, которые не были знакомы с источником звука.

В течение многих столетий огонь являлся наиболее сильным психотравмирующим средством. Свидетельства его широкого применения в ходе боевых действий имеются как в эпической литературе (например, в древнеиндийском героическом эпосе), так и в исторических источниках. Известно, что еще до нашей эры китайцы использовали в целях поражения противника и слома его воли к сопротивлению огнесмеси на основе селитры. Нередко огонь применялся и как средство введения противника в заблуждение.

Стремясь усилить психологический эффект боевого применения огня, наши предки создавали различные составы. Широкую известность получил так называемый «греческий огонь». Его применение не раз вызывало животный страх и паническое бегство противника с поля боя. Неслучайно киевский князь Святослав, готовясь к войне с Византией и стремясь предотвратить негативные психические явления в своем войске, особо интересовался «огненными триерами» — судами с огнеметательными установками.

История приписывает создание этого мощного и до сих пор остающегося секретом оружия механику Каллиникосу. Историком Феофаном описывается факт передачи рецепта этой зажигательной смеси византийскому императору для применения против арабов, осаждавших Константинополь в 673 г. Первоначально огнесмесь помещалась в закрытый сосуд, который с помощью катапульты, баллисты (до 800 м) или вручную выбрасывался на войска противника. При соединении с воздухом после разрушения сосуда огнесмесь возгоралась, прилипала к телу, доспехам воинов, сооружению, кораблю и прожигала их. В некоторых свидетельствах сообщается, что потушить горящий предмет было крайне сложно, так как при соединении с водой горение лишь усиливалось. Византийцы придумали более совершенные средства метания «греческого огня»: специальные трубы, соединенные с мехами, сифонами, насосами. Здесь устрашающий эффект «живого» огня дополнялся страшным грохотом, издаваемым метательной машиной.

Современники и очевидцы свидетельствуют, что одно лишь упоминание о «греческом огне» наводило на людей ужас и лишало самообладания. Он в течение многих веков считался супероружием, готовился в тайных лабораториях и считался важнейшим государственным секретом Византии [76, с. 252—258].

В глубокой древности практиковалось применение психологических средств, воздействующих на обонятельную систему и выводящих противника из строя без нанесения ему физических

потерь. Так, в помещения, обороняемые неприятелем, забрасывались комки смрадно дымящегося войлока и других веществ, издающих при горении нестерпимый запах.

Уже в военных формированиях варваров, а еще в большей степени в греческих и римских войсках последнего столетия до н. э. психологические знания не только стихийно, случайно, фрагментарно используются полководцами, они все теснее вплетаются в боевую практику, иногда выделяются в качестве самостоятельного средства достижения победы над врагом, а в ряде случаев рассматриваются в качестве основного оружия. Задолго до наступления новой эры отдельные военные и государственные деятели видели в психологическом знании самое мощное, безотказное, эффективное средство достижения военных целей.

Психологическим содержанием постепенно пронизывается древняя дипломатия, она становится все «более изощренной и изворотливой», доводится «до совершенства искусство правдоподобной лжи», наполненное «медленно действующим ядом дружественных намерений, внешне бескорыстного корыстолюбия, радушных объятий», оборачивающихся вдруг смертельными тисками [85, с. 128].

В процессе совершенствования этих средств постепенно осуществлялся переход от обычной лжи, уловки, обмана — к военной хитрости как системе мероприятий по введению противника в заблуждение, от разовых обращений полководцев к воинам — к систематическому психологическому влиянию на подчиненных, от тренировки отдельных качеств воинов — к системе их боевой подготовки.

Система тотального управления стратегически важной информацией сложилась в Средние века в Византии. Вот как об этом образно пишут В. В. Карагалов и А. Н. Сахаров в книге «Полководцы Древней Руси»: «Сотни опытных чиновников, в том числе переводчиков со всех языков, плели паутину интриг, составляя хитроумные наказы послам. Многочисленные купцы и миссионеры неустанно следили за союзниками и врагами, искали болевые точки на теле страны, где их принимали радушно и миролюбиво». «...Для приема иноземных послов был разработан сложный и тщательно продуманный ритуал». Их встречали на границе, везли по самой длинной и неудобной дороге, чтобы внушить мысль о трудности военного похода на Константинополь. Месяцами держали в специальных дворцах на правах то ли гостей, то ли пленников. Перед послами стройными рядами маршировали полки, казавшиеся бесчисленными. На самом деле это были одни и те же воины, периодически менявшие одежду и оружие. Страны и племена, находившиеся вокруг границ Византии, умело натравливались друг на друга. Так, печенегов постоянно натравливали на руссов, для того чтобы последние не могли совершать дальние похо-

ды, боясь оставить тылы степнякам. Вероломство, изощренная ложь были возведены в ранг государственной политики. Обман противника почитался за доблесть, которой гордились и которую ставили в пример потомкам.

Многие из применяемых приемов трудно оценить с помощью современных нравственных критериев и, по-видимому, этого делать не следует. Потому что критерии, оторванные от конкретного исторического времени, лишь искажают картину событий.

На ранних этапах истории искусство управления психическими состояниями, мыслями и поступками людей совершенствовалось и хранилось как тайное оружие жрецами, шаманами, политическими и военными деятелями Шумера, Вавилона, Египта, Китая, Древней Греции, Рима, Руси и других государств. Затем оно постепенно «врастало» в военное искусство наиболее талантливых полководцев, в отдельных случаях складываясь в более или менее систематизированное знание. Военно-психологические знания строились на фундаменте более широких философско-психологических представлений того времени о мире, человечестве, человеке, войне. Отсюда «хранители секретов военного дела и воинского искусства — выдающиеся полководцы, воины-мудрецы, мастера — становились одновременно носителями глубинных знаний о мире, высших ценностей и идеалов культуры» [257, с. 11].

В давней истории военно-психологического искусства разных народов содержится бесценный материал для сегодняшней боевой психологической практики.

Предысторией военной психологии явилась деятельность выдающихся полководцев, которые в конкретных исторических условиях занимались подготовкой войск к войне, руководили ими в бою и, следовательно, стояли перед необходимостью понять и учесть роль психики воина в бою. «Совокупность взглядов полководца о воинах, их качествах, реакциях, путях воздействия на них, взглядов, выработанных самостоятельно или усвоенных из опыта других, — это и была по существу эмпирическая военная психология, никем не обобщаемая, развивающаяся стихийно и передававшаяся от поколения к поколению в виде традиций общения с личным составом» [252, с. 7].

Многочисленные и интересные примеры практического применения психологических познаний в военном деле содержатся в эпических и историко-художественных произведениях, устных преданиях разных народов, исторических трактатах, относящихся к глубокой древности. Наиболее ранние описания их связаны с боевой практикой народов Древней Греции.

Так, в гомеровских «Илиаде» и «Одиссее» описываются факты психологической мобилизации воинов, внимательного изучения военачальниками психологических возможностей противника, запугивания неприятеля, применения военной хитрости и др.

Большую известность получила психологическая акция со знаменитым «троянским» конем. Именно глубокое знание психологических особенностей троянцев, в частности их любви к лошадям, оружию, позволило Ахиллу предложить спрятать в деревянном коне, подаренном защитникам неприступной Трои, группы воинов, которые ночью, выбравшись из «коня», открыли ворота города.

Александр Македонский говорил, что «изучение "Илиады" — хорошее средство для достижения военной доблести». Список «Илиады», исправленный Аристотелем и известный под названием «Илиада из шкатулки», он всегда имел при себе, храня его под подушкой [178, с. 368].

Величайшим произведением классической военно-психологической литературы древнего Китая является труд китайского мыслителя и полководца **Сунь Цзы** «Искусство воевать», написанный около 500 лет до н.э.

Сунь Цзы (6—5 вв. до н.э.) исходит из базисного положения о том, что искусство воевать имеет жизненную важность для государства. Оно является вопросом жизни или смерти, дорогой к спасению или к гибели. Великий китайский мыслитель почти 2500 лет назад указывал, что в основе военного искусства, достижения победы над противником лежат тесно связанные между собой факторы как материального, так и духовного порядка.

По мнению Сунь Цзы, всякая война основана на обмане. Из этого следует, что «когда вы можете нападать, показывайте вид, что не в состоянии нападать; действуя, вы должны притворяться бездействующим; когда вы находитесь близко от противника, заставьте его думать, что вы далеко; когда вы от него далеко, вы должны заставить его думать, что вы близко. Показывайте приманку, чтобы соблазнить противника. Сделайте вид, что у вас беспорядок и сокрушите его» [233, с. 483]. По существу эта краткая формула составляет сердцевину современных представлений об искусстве введения противника в заблуждение.

Армию противника труднее взять в плен, чем уничтожить ее. Отсюда следует, что сражаться и уничтожать врага во всех сражениях — не является высшим воинским мастерством; высшее мастерство состоит в том, чтобы сломить сопротивление врага, не прибегая к сражению. «Искусный вождь покоряет неприятельские войска без боя; берет неприятельские города, не прибегая к осаде; побеждает королевства без длительных операций в поле». Как бы в назидание полководцам будущих эпох, Сунь Цзы заклинает: «Не повторяйте тактику, которая вам уже раз доставила победу, но приспосабливайте свои методы к бесконечному разнообразию обстоятельств» [233, с. 70—72].

Красной нитью через весь труд проходит идея о том, что побеждает в войне тот, кто: 1) знает, когда надлежит сражаться, а когда следует воздержаться от боя; 2) знает, как следует действо-

вать меньшими и превосходящими противника силами; 3) чья армия от солдата до командования воодушевлена одним и тем же духом; 4) кто, подготовившись сам, ждет, когда врага можно будет захватить неподготовленным; 5) кто обладает военными способностями и кому не мешает государь.

Автором трактата даются конкретные рекомендации по управлению психологическим состоянием и поведением личного состава: «Тщательно изучайте состояние ваших людей и не переоценивайте его», «держите свою армию в постоянном движении», «ставьте своих солдат в положения, из которых нет выхода, и они предпочтут смерть бегству», «смотрите на ваших солдат как на своих детей и они пойдут за вами в огонь и в воду; смотрите на них как на своих любимых сыновей, и они будут стоять за вас насмерть», «запретите обращать внимание на предзнаменования и не предавайтесь суеверным сомнениям», «принцип, по которому управляют армией, состоит в том, чтобы показать образец храбрости, которого все солдаты должны достигнуть».

В трактате содержатся указания на важность и необходимость психологического воздействия на противника, преследующего цели: «как забить клин между фронтом и тылом врага; как помешать взаимодействию между его крупными и мелкими подразделениями; как помешать хорошим войскам спасти плохие, а офицерам соединиться со своими солдатами» [233, с. 100—105].

Выдающимся психологом-практиком проявил себя легендарный полководец **Александр Македонский** (356—323 гг. до н.э.). В основе его таланта полководца-психолога лежат знания, полученные от его персонального воспитателя Аристотеля. Отец Александра Филипп, пригласив великого философа и психолога в наставники своему сыну, выделил для их занятий специальную рощу около Миезы.

Плутарх считает, что Александр благодаря учителю усвоил не только учения о нравственности и государстве, но приобщался и к тайным, более глубоким учениям, которые философы называли «устными» и «скрытыми» и не предавали широкой огласке. Александр живо интересовался медицинскими знаниями и даже практиковал оказание помощи своим друзьям.

Став во главе македонского войска, Александр проявил себя эвристически мыслящим, волевым, способным к неординарным решениям человеком. Так, на ропот подчиненных о том, что в Македонии существует закон не выступать в поход в месяц десия, он приказал назвать этот месяц вторым артемисием.

Когда прорицатель в последний день месяца предсказал ему, что он возьмет осажденный город Тир к концу месяца (а Александр не верил в такую возможность), он приказал считать этот день не тридцатым, а двадцать восьмым. Одновременно он так организовал сражение, что прорицание сбылось.

Его неординарность проявилась и в известной истории с Гордиевым узлом[1].

Александр глубоко знал психологию солдата, пользовался непререкаемым авторитетом у своих подчиненных и делал многое, чтобы подкрепить этот авторитет, так как знал, что вера в полководца — важнейший фактор мотивации боевой активности воинов, механизм психического заражения их мужеством военачальника. Он соревновался с солдатами в выполнении различных упражнений, борьбе, его одежда и манера держаться мало отличались от простого человека, зато личное мужество и воинский дух не имели равных.

При взятии штурмом города Тира Александр дрался в рядах воинов на самом опасном участке. «Заметный по своим царским знакам и блестящему вооружению, он был главной мишенью для стрел. И он проявил доблесть, достойную для зрелища: многих защитников стен он сразил копьем, некоторых вблизи зарубил мечом, отбрасывал врагов, напирая на них щитом». В сражении за город Газу он был ранен стрелой в плечо, обильно хлынула кровь. Александр, «даже не побледнев, приказал остановить кровь и перевязать рану... Долго еще после этого он оставался впереди знамен, скрывая боль или преодолевая ее». В следующем бою, когда рана еще не зажила и к тому же царь поранил камнем ногу, он, «опираясь на копье, оставался в первых рядах сражающихся» [см. 209].

Однажды, преследуя Дария в течение одиннадцати дней, Александр и его войско были страшно изнурены, и прежде всего из-за отсутствия воды. Когда же лично ему предложили шлем с водой, он отказался: «Если я буду пить один, то они падут духом». Видя самообладание и великодушие царя, его воины воспряли духом и просили царя не колеблясь вести их за собой, ибо они не могут чувствовать усталости, не могут испытывать жажду и даже смертными считать себя не могут, пока имеют такого царя [178, с. 405]. Александр считал, что владеть собой для царя важнее, чем даже умение побеждать врагов.

Перед сражением он обычно объезжал ряды воинов, обращался к ним с разными речами, соответственно чувствам каждого. Обращаясь к македонцам, он напоминал им об их древней славе; грекам говорил о том, что войну против Греции начали персы, о разрушенных греческих храмах и городах, нарушенном укладе жизни; илларийцам и фракийцам, привыкшим жить грабежом, он приказывал смотреть на вражеское войско, сверкающее золотом и пурпуром, как на несущее на себе добычу, а не оружие, и

---

[1] Гордиев узел — согласно древнегреческой легенде запутанный узел, которым фригийский царь Гордий привязал ярмо к дышлу телеги. Предсказание оракула гласило, что развязавший узел получит господство над миром. По преданию, Александр в 334 г. до н.э. в ответ на предложение распутать узел разрубил его мечом.

предлагал отнять все это у женоподобных персов. В этом проявлялось глубокое знание этнических особенностей воинов, их явных и скрытых мотивов боевой активности.

Поистине фантастическим было боевое чутье полководца, способность предвидеть развитие событий, продумать сражение за противника, предусмотреть неожиданности. Такое чутье особенно проявлялось в умении выбирать *место сражения* с учетом боевых, физических и психологических возможностей противоборствующих сторон. Например, местом решающего сражения с Дарием он, по предложению Пармениона, избрал узкий проход у города Исса, так как действительно для македонян не было более удобного места для сражения. Здесь силы сторон были равны, ибо проход не мог вместить большое число воинов и персы теряли свое численное превосходство. В другом случае возникала опасность, что македонцы могут быть окружены или «будут побеждены не силой врага, но из-за своей усталости, если они станут более свободным строем, то свежие силы персов будут непрерывно наступать на них» [209, с. 513].

Как представляется, до сего дня не существует тщательной психологической характеристики *способа боевого построения* македонцев — фаланги. Таким построением достигались следующие психологические эффекты:

— психологическое заражение общим боевым настроем, обеспечивающее единство действий и воли воинов в бою;

— исключение явления «социальной лености» — возможности отдохнуть за счет других, делать как можно больше передышек (уставшим приходилось биться все с новыми и новыми врагами»);

— возникновение источников дополнительной мотивации для слабовольных воинов («ни слабые, ни трусы не могли уйти; они сражались плечом к плечу как в единоборстве, твердо стояли на одном месте и открывали себе путь только победой»[1]);

— легкораненые, которые в обычных условиях могли покинуть поле боя, не подвергаясь обструкции, оставались в строю и продолжали сражаться («раненые не могли, как это всегда бывает, уйти с поля боя, так как спереди теснил их враг, сзади наседало свое же войско»);

— относительная легкость управления компактно построенным войском;

— устрашающий вид фаланги для противника, усиливающийся за счет «чеканного шага» воинов, ударов мечами о щиты, единогласных громких боевых кличей и др.

Александр дал блестящий пример тактики боевых действий в различных природно-географических, погодно-климатических, социально-политических условиях. Действуя в закрытой и горной

---

[1] В принципе в фаланге в скрытом виде присутствовал своеобразный «психологический» заградотряд.

местности, в узких проходах и ущельях, он внушал воинам, что они не просто входят в ущелье, а вступят там в бой. Полководец посылал легковооруженных воинов идти в голове отряда и осматривать тропы, чтобы спрятавшийся враг не мог внезапно наброситься на основное войско. Отряд стрелков занимал проходы и держал луки наготове.

Квинт Курций Руф дает описание *приемов*, применявшихся Александром в *борьбе со страхом своих воинов*. Перед одним из сражений с персами греческое войско «было охвачено беспричинным страхом, все как безумные начинали трепетать, и какая-то робость закрадывалась всем в сердце». Александр, узнав о паническом состоянии войска, «дает сигнал к остановке и солдатам велит положить перед собой оружие, а самим отдохнуть, объясняя при этом, что нет причины для внезапного страха и что враг далеко. Наконец, придя в себя, солдаты воспряли духом, снова взялись за оружие» [209, с. 560—561].

Почувствовав, что его солдаты испытывают ужас перед новым оружием персов — серпоносными колесницами, Александр сразу же внес изменения в боевой порядок войск, провел тренировки по пропуску колесниц сквозь ряды воинов в фаланге, установил специальные сигналы управления и тем самым снял острую психологическую проблему страха. Неслучайно М. Кампеано подчеркивает, что Александр знал все тайные принципы, управляющие армией — толпой.

Психологическое чутье и глубокие познания в области психологии людей, сформированные у него при участии Аристотеля, не подвели Александра и при решающей битве с Дарием при Арбелах (Гавгамелах) (331 г. до н. э.). Учитывая, что греки испытывают определенную неуверенность перед сражением с азиатами, опытный военачальник Парменион предложил Александру прибегнуть к обману и «начать сражение ночью; когда еще приготовятся эти люди различных обычаев и языков к бою в ночной суматохе, испуганные среди сна? А днем прежде всего увидишь бегущие на тебя страшные лица скифов и бактрийцев, их косматые бороды и нестриженые волосы, еще и огромный рост и мощные тела». По его мнению, солдаты больше предаются страху от неосновательных причин, чем от серьезных [209, с. 562]. Но Александр не принял эту, на первый взгляд, блестящую идею, так как хорошо понимал, что персов нельзя победить успехом в боях, но можно одолеть только их полным разгромом в решающем сражении; только тогда они потеряют мужество и утратят надежду. Поэтому он начал сражение днем и победил.

Александр умело применял в сражениях с противником военную хитрость, приемы запугивания врага. Так, на поле боя и на месте стоянки его лагеря оставляли изготовленные по его приказу гигантское оружие, конские уздечки огромного размера и веса.

Благодаря этому широкое распространение у многих народов получили легенды, что в войске царя сражались исполины.

Стремясь подавить и изжить навеки установки побежденных народов на сопротивление грекам, Македонский женился на персиянке, приказал 10 000 своих воинов жениться на персидских женщинах, подобрал, обучил и включил в свое войско тысячи персидских юношей.

Пожалуй, самым тонким и глубоким из эмпирических психологов — знатоков человеческой души — по праву называют одного из величайших полководцев древнего мира **Ганнибала** (247 или 246—183 гг. до н.э.). Имея малочисленную, по сравнению с римской, армию, Ганнибал в течение долгого времени был главным противником Рима и одержал над римлянами ряд громких побед. Во многих случаях в основе этих побед лежало чутье полководца, тонкое знание им психологии противника, применение эффектных психологических приемов воздействия на него, умение вселять надежду и мужество в своих воинов.

Например, когда в результате одного из блестящих маневров римлян карфагеняне оказались в окружении и понесли потери, воины пали духом, видя, что со всех сторон окружены противником, которого невозможно выбить с занимаемых им господствующих высот, Ганнибал решил обмануть противника следующей военной хитростью. «Он приказал собрать около 2 000 отбитых от римлян быков, привязать каждому из них к рогам факел или связку сухих прутьев или же сучьев, затем ночью по данному сигналу зажечь их и гнать быков на высоты, где в узких проходах стояли неприятельские передовые посты. В то время, как исполнялись его приказания, он выступил со всеми войсками и медленно шел вперед уже в темноте. Пока огонь был не велик и горели одни сучья, быки спокойно шли к горам, куда их гнали... Но вот рога вспыхнули до самого корня; огонь дошел до мяса, и быки, мотая от боли головами, разбежались в разные стороны; каждый из них обдавал другого целым морем огня... в ужасе, обезумев от боли, понеслись они к горам, с горевшими хвостами и головами, причем зажгли почти весь кустарник, через который бежали... На римлян, охранявших проход, напал страх — огни походили на факелы, которые несли бегущие воины. Вне себя от страха и ужаса, они вообразили, что неприятели нападают на них с разных сторон, окружив их отовсюду, вследствие чего не решились оставаться на своем посту, бросили проход без защиты и отошли к главным силам». Это дало возможность пехоте Ганнибала быстро занять высоты и проходы и благополучно выйти из окружения[1].

[1] Подобный прием был применен султаном Кейкубадом при взятии крепости Алании. Он приказал привязать свечи к рогам тысяч коз и ночью направил их по скалам к крепости. Защитники крепости, увидев наступление многочисленного войска, воины которого неестественно быстро скачут по горам, сдались.

Известен и такой пример *военной хитрости*, примененной Ганнибалом. Заблокированный со своим войском в горах, он, учитывая, что противник ночью для охраны проходов оставляет немногочисленные посты, развел для отвода глаз в своем лагере как можно больше костров, а сам с небольшим отрядом самых смелых легковооруженных воинов напал на охрану и занял господствующие высоты [141, с. 151].

Как истинный военный психолог предстает Ганнибал и в следующем эпизоде. Учитывая, что тактика выжидания, применяемая Фабием, вызывает у воинов и римского народа резкое неприятие, и авторитет римского полководца падает, Ганнибал, подойдя к родовому имению Фабия, опустошил все имения в его окрестностях, но имения римского военачальника не тронул. Он даже выставил охрану вокруг его имения. Известие об этом вызвало в Риме ропот, протесты и обвинения против своего полководца.

Вообще игру на противоречиях (этнических, социальных, религиозных) можно считать своеобразным «коньком» Ганнибала. Он мастерски сеял раздоры между горожанами и сельскими жителями, между различными племенами и сам же выступал в качестве третейского судьи, а затем предлагал одной из сторон военную помощь.

Все тактические приемы Ганнибала, позволявшие ему достигать победы над римлянами, строятся на его представлениях о человеческой психике и поведении. Его войска в большинстве случаев вступали в сражения более подготовленными в физическом и психологическом отношении (отдохнувшими, настроенными, находящимися в состоянии готовности).

Тит Ливий описывает такой тактико-психологический прием, использованный карфагенским полководцем. На рассвете, когда сон наиболее сладок и продуктивен, он посылает легкую нумибийскую конницу через реку Требию с задачей: подскакать к воротам неприятельского лагеря, забросать его дротиками, вызвать на бой, а затем, когда сражение разгорится, медленным отступлением заманить его на свою сторону реки. Римляне действительно ввязались в схватку, увлеклись ею и в холодное ненастное утро совершили тяжелое форсирование реки. Они вышли на берег к полудню — невыспавшиеся, измотанные, продрогшие, голодные, не в состоянии держать в руках оружие и встретились с хорошо отдохнувшими, успевшими позавтракать, все время согревавшимися в палатках у костров воинами Ганнибала.

В ходе решающего сражения с римлянами под командованием Теренция Варрона вблизи Канн (216 г. до н. э.) Ганнибал в полной мере учел психологические особенности поля боя. Это позволило ему применить каскад военных хитростей, позволивших победить вдвое превосходящего по численности противника. Во-первых, он изменил позицию и развернул свои войска спиной к ветру. Как

пишет Плутарх: «Сильный, как бы палящий ветер поднимал с песчаных равнин страшную пыль и нес целые столбы ее перед рядами карфагенян прямо в лицо римлянам, заставляя их отворачиваться в замешательстве. Во-вторых, при построении войск он наиболее сильных и храбрых воинов поставил на флангах, а худших оставил в центре. Это позволило в ходе боя окружить и уничтожить глубоко вклинившихся в боевые порядки карфагенян римлян» [178].

Ганнибала можно смело назвать мастером психологического влияния на людей. Он всегда впереди событий, предвосхищает настроения солдат, предупреждает развитие недовольства, неуверенности, страха у подчиненных. Перед началом похода в Италию он дал солдатам отпуск на всю зиму, который «возвратил им силы, бодрость духа и готовность сызнова испытать все невзгоды» [141, с. 139]. Обнаружив, что его солдаты, никогда не видавшие высоких гор, испытывают сильный страх перед Альпами, он проводит терпеливую, настойчивую, психологически грамотную разъяснительную работу с ними [см. 141]. Это позволило ему преодолеть горы со своим огромным войском за 15 дней[1].

Известный французский военный теоретик и практик Ардан де Пик писал, что «...Ганнибал бесспорно величайший полководец древних времен, благодаря замечательному пониманию нравственной стороны боя, нравственного духа солдата, как своего, так и неприятельского, и умению пользоваться им в различных перипетиях войны, кампании, боя... Он всегда остается победителем, потому что его средства прежде всего моральные... Он умеет, командуя армией, склонить какой-нибудь комбинацией нравственный элемент в свою сторону» [цит. по: 193, с. 24—25].

Дополняя этот портрет полководца, М. Кампеано отмечает, что Ганнибал лепил из своих наемников, как из теста, все, что хотел.

Интересен и многообразен военно-психологический опыт, оставленный своим потомкам великим завоевателем Азии и Восточной Европы **Чингисханом** (ок. 1155—1227). В исторической литературе содержатся сведения о том, что Чингисхан был хорошо знаком и высоко ценил трактат Сунь Цзы «Искусство воевать». Судя по тактике действий его войск, он старался придерживаться изложенных в нем рекомендаций. Основной психологической стратегией его действий было *устрашение и обман.* При подготовке и проведении своих военных кампаний Чингисхан широко использовал агентурную сеть, посылал впереди своего войска полчища лазутчиков, распространявших слухи о неисчислимости, жесто-

---

[1] Ганнибалу при преодолении Альп пришлось бороться не только со страхом своих воинов и непогодой, но и с самими горами. Он был вынужден проделывать проходы, расширять тропы. Тит Ливий описывает способ крушения скал: на месте будущего прохода разводили костер, а когда он выгорал, раскаленный камень заливали уксусом, превращая тем самым в рыхлую массу; затем железными орудиями ломали растрескавшуюся скалу.

кости и мощи монгольского войска. Часто это приводило к полной деморализации противника задолго до начала татаро-монгольского нашествия. Крепости, города и страны, лишенные воли к борьбе, порой сдавались без сопротивления.

В полевом уставе армии США «Психологические операции» описывается, как монгольские лазутчики, характеризуя татаро-монгольское войско обывателям и правителям стран — потенциальных жертв, отмечали, что «все монгольские воины — истинные мужчины и выглядят как настоящие богатыри; все их помыслы связаны только с войной и кровью; они выражают такое громадное нетерпение к бою, что их полководцам трудно удается их сдерживать; однако, несмотря на то, что они такие жестокие, они держат себя в рамках строгой покорности командованию и полностью посвятили себя своему правителю; они довольствуются любой пищей и не очень разборчивы в выборе зверя или скотины для еды... едят не только свиное мясо, но могут питаться и мясом волка, медведя и собаки; ...что касается их численности, то войска Чингисхана, по-видимому, напоминают кузнечиков, сосчитать которых не представляется возможным».

В традиции монголо-татарской армии было брать как можно меньше пленных. При взятии городов часто уничтожалось все мирное население. Страх перед монгольской ордой был настолько велик, что нередко потенциальные противники разбегались еще до встречи с ней на поле боя.

Вместе с тем позитивным было то, что Чингисхан объединял завоеванные земли в единую империю и, покорив очередной народ, присоединял его к своей орде, способствовал развитию экономики, торговли, не препятствовал функционированию религиозных учреждений.

Большой интерес представляют взгляды на роль психологического знания в военном искусстве представителей древних арабских народов. В обобщающем аналитическом исследовании А. А. Игнатенко показана принципиальная схема понимания арабскими мыслителями психологической сущности боевых действий. Отмечается, что султан Абу-Хамму в своей книге «Жемчужина на пути» формулирует 16 правил достижения победы над противником. Среди них даны и такие: не робеть, можно одолеть и сильнейшего противника; осведомляться; уклоняться от прямого столкновения; наносить удары по тылам противника; учиться у потенциального противника и др. Автор поучает своего сына: «Хитри по-разному, обманывай по-всякому. Хорошая уловка стоит целого войска» [76, с. 290].

В другом известном трактате «Поучение владыкам»[1] обращается особое внимание на правило, гласящее: «разумный человек,

[1] Авторство этого трактата приписывается аль-Маварди.

рискуя, должен убедиться, что то, ради чего он рискует, предпочтительнее того, чем он рискует... Битва есть крайнее средство, (лишь) в некоторых случаях неизбежное... предпочитай хитрость силе: "О, воин! Уловками достигнешь успеха"».

Военная хитрость арабов базируется на двух базовых основаниях: во-первых, на высказывании Пророка: «Война — обман» и, во-вторых, на природной, вошедшей в коллективное бессознательное народа, хитрости, наиболее четко сформулированной в пословице: «Голова без хитрости хуже тыквы». Не считалось зазорным перехитрить и самого Аллаха. Неслучайно арабские воины были искренне уверены в том, что «храбрый убьет десятерых, а хитрый — уничтожит все войско» [76, с. 289].

Обман возводится в степень главного принципа войны и считается допустимым в любых обстоятельствах. Как видно, эти взгляды перекликаются с основными положениями трактата Сунь Цзы. Их практическое применение позволило арабам в ходе военных походов в VII—IX вв. завоевать страны Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, Юго-Западной Европы и построить великое государство — Халифат.

Бесспорно высочайшее место среди полководцев, на практике применявших психологические познания, занимает **Наполеон Бонапарт** (1769—1821).

Он отчетливее других выдающихся полководцев понимал *значение морального состояния войск*. Его известное выражение «моральная сила относится к физической как три к одному» является не только красивым изречением, это — реальная формула для расчета вероятности победы.

Полководческое искусство Наполеона отличалось умением понимать и учитывать солдатскую психологию, чему в решающей степени способствовали сложившиеся в систему военно-психологические взгляды полководца. Он обладал фантастической способностью чувствовать, улавливать главное в настроении масс и влиять на него.

История зафиксировала несколько фактов, в которых психологический дар Наполеона раскрывается во всей своей силе.

Вот один из них. Однажды Наполеон во время проверки караулов обнаружил, что один часовой заснул в снегу на своем посту. По уставу он должен был вызвать начальника караула, посадить под арест нарушителя, а затем отдать его под суд и расстрелять. Подобные преступления не прощались, где бы они ни были совершены — в своей ли стране или на территории противника. Не могло быть пощады солдату, заснувшему на посту и подвергавшему угрозе жизнь своих товарищей. Любому было ясно, как должен был поступить проверяющий. Но Наполеон — гениальный человек, а гений действует так, как не придет в голову поступить обычному человеку. Он поднял ружье спящего часового, вскинул его

себе на плечо и занял оставленный утомленным солдатом пост. Прибыв со сменой, сержант увидел, что часовой все еще спит, а император стоит на его посту.

Наполеон хорошо понимал, что история об императоре, взявшем на плечо ружье вместо того, чтобы вызвать подразделение для расстрела, на следующий день молнией облетит всю армию и окажет на нее мощное моральное воздействие [129, с. 28—29].

Вера солдат в своего императора и полководца, лежащая в основе многих побед французской армии, в значительной мере основывалась на *личном мужестве*, нечеловеческой выносливости, неприхотливости, стрессоустойчивости и неуязвимости полководца. Он участвовал в 60 сражениях, всегда был в самом их центре, всегда сохранял мужество и оставался невредимым.

Наполеон обладал развитыми полководческими способностями. Великолепное чутье полководца проявилось в его кадровой политике. Он лично подбирал себе командиров частей и соединений и практически никогда не ошибался в людях. *Профессионализм военачальника* Бонапарт ставил выше всех других качеств.

Во время боевых походов Наполеон имел при себе *досье на всех генералов противника* и на основе оценки их психологических и боевых качеств строил сражение. Он всякий раз продумывал возможное развитие событий, прогнозировал замыслы и действия неприятеля. Так, перед началом похода на Россию он предполагал наличие проблем во взаимоотношениях между Барклаем де Толли и Багратионом. В сражении при Ватерлоо он принял решение атаковать первым пруссаков, так как знал, что Блюхер был слишком пылким, чтобы уклониться от боя и присоединиться к более осторожному Веллингтону [244, с. 43].

Наполеон показал себя специалистом в области психологии воздействия на войска и население стран противника. Он считал, что «четыре газеты смогут причинить больше зла, чем стотысячная армия». Именно поэтому в его армии постоянно находилась походная типография мощностью до 10 тыс. листовок в сутки [177].

Все свои воззвания в Египте он начинал словами: «Нет бога кроме аллаха, и Магомет пророк его». В результате распространился слух о том, что он принял ислам. Оценивая этот факт, полководец говорил: «Вы не можете себе представить, как многого я добился в Египте тем, что сделал вид, будто перешел в их веру» [229, с. 340].

Непокорных противников и бунтовщиков он карал беспощадно и жестоко. В Каире он казнил всех, кто участвовал в бунте, приговорил к расстрелу 200 духовных лиц; в Яффе расстрелял около 2 000 пленных турок, вторично участвовавших в боевых действиях после пленения.

В наследии Наполеона много интересных мыслей, относящихся к пониманию и учету солдатской психики и поведения. Некоторые из них стали своеобразными формулами. Например: «Путь к

сердцу солдата лежит через его желудок», «В ранце каждого солдата лежит маршальский жезл», «На войне моральный фактор относится к физическому, как три к одному» и др.

Богатый опыт использования «человекознания» в военно-прикладных целях содержится в военно-психологическом наследии греческого полководца Фемистокла, персидских царей и военачальников Кира Великого и Ксеркса, римского императора и воина Юлия Цезаря, киевского князя Святослава, франкского короля Карла Великого, английского короля Ричарда I Львиное сердце, шведского короля Густава Адольфа, немецкого короля Фридриха Великого, испанского полководца Фернандеса Гонсало де Кордоба (1453—1515), английского адмирала Горацио Нельсона (1758—1805), французского маршала Мишеля Нея (1769—1815), прусского маршала Хельмута Карла Бернхарда фон Мольтке (1800—1891) и др.

Весомый опыт практического применения психологических знаний в военном деле накоплен полководцами и государственными деятелями **Древней Руси** и **России**. В глубокой древности сложились пронизанные своеобразными «психологическими открытиями и рекомендациями» поучительные для воинов сказания и легенды о Святогоре, Илье Муромце, Алеше Поповиче, Добрыне Никитиче, Микуле Селяниновиче и др. Психологические познания о поведении человека в бою содержатся в «Слове о полку Игореве», в документах, описывающих походы киевских князей Олега и Игоря на Царьград.

Глубокими знатоками человеческой психологии и творцами военно-психологического искусства проявили себя наши выдающиеся российские полководцы Александр Невский, Дмитрий Донской, Петр Великий, П.А.Румянцев, М.И.Кутузов, М.Д.Скобелев, флотоводцы адмиралы С.О.Макаров, П.С.Нахимов, Ф.Ф.Ушаков, Д.Н.Сенявин и др., но, пожалуй, самым выдающимся полководцем и психологом по праву считается **А.В.Суворов** (1730—1800).

В век увлечения муштрой, когда «идеальная армия» представлялась Западу в виде бездушного механизма, когда в воине видели только исполнителя-автомата, когда главными средствами воспитания были палка и виселица, Петр Великий и Суворов выдвинули на первое место «одухотворенного человека»... «В силу этого русское военное искусство, в своей прикладной части, получает такую свободу замысла и действий, о каких не могла мечтать тогдашняя военно-европейская школа, имевшая дело с моралью вербовочной системы» [60, с. 321—322].

Б.Штейфон пишет, что во многом благодаря Суворову мир усвоил, что *главнейшим элементом войны является человек*. Русский военный гений с особой вдумчивостью стремился познать и использовать психические свойства человека, причем именно

русского человека. Разность психологических основ военного искусства у различных народов чрезвычайно ярко проявляется в той морально-психологической подготовке, непосредственно предшествовавшей бою, какую всегда осуществляли все одаренные полководцы. Силою своей интуиции полководцы понимали, что в такие моменты необходимо затрагивать самые чувствительные струны человеческой души и именно те, какие в полной мере созвучны духовным идеалам данного народа.

Поэтому, если перед сражением Наполеон напоминает своим войскам о «40 веках» или о «Солнце Аустерлица», а Нельсон взывает: «Пусть каждый исполнит свой долг», то Суворов говорит: «Чудо-богатыри! Бог нас водит. Он нам генерал»; «Кого из нас убьют — царство небесное» [60, с. 322—323]; «Мы русские! С нами Бог! Он нас водит! Он наш генерал!» Суворов *возвышает личность солдата*, перерождая его в «чудо-богатыря», «в воина, который понимает свой маневр», в «Русского» (с большой буквы), гордого своим личным и национальным достоинством [60, 356], в активного бойца.

Суворов всячески внушал воинам чувство уверенности в себе, ибо «на себя надежда есть основание храбрости». Он всегда ободрял войска, никогда не угрожал им. Р. Дрейлинг, анализируя способы психологического воздействия на подчиненных, отмечает, что вместо устрашения он использовал добродушную насмешку, острое меткое словцо или обрекал свое требование в граненую форму народной поговорки или пословицы.

Накануне боя у Тидоне (1779) полководец, стремясь внушить войскам полную уверенность в победе, необходимую для повышения готовности бойцов к совершению предстоящего богатырского подвига, отдал категорическое распоряжение «неприятельскую армию взять в плен» [12, с. 14].

Суворов вел жесткую борьбу с непрофессионализмом или, как он его называл, «немогузнайством» в своей армии. Он изобрел даже специальный прием — неожиданно задавал вопросы и категорически требовал дать на них немедленный ответ. Это способствовало выработке у солдат и офицеров быстроты реакции, порождало психическую активность, уничтожало инертность мысли и растерянность, заменяя их решительностью и находчивостью.

От решительности в мыслях суворовские солдаты переходили к решительности в действиях, к сквозным атакам, мгновенным перестроениям, формированию автоматических действий с оружием по преодолению крепостных стен, рвов и т.д. Сквозные атаки были насыщены опасностью, нередко заканчивались ушибами, вывихами, переломами, но все это способствовало развитию сноровистости, изворотливости, смелости, гибкости, силы, обостренного зрительного восприятия, формированию боевых рефлексов.

Особое внимание полководец обращал на *развитие самостоятельности у командиров всех звеньев.* В 1773 г. под Туртукаем в своей диспозиции он писал: «Сия есть генеральная диспозиция для атаки: прибавить к тому, что турецкие собственные набеги отбивать по обыкновению наступательно, а подробности зависят от обстоятельств, разума, искусства, храбрости и твердости гг. командующих (т.е. командиров батальонов. — *А. К., И. С.*)».

Такой уровень доверия к подчиненным может основываться только на глубоком знании их управленческих и боевых качеств. Ни один полководец в истории войн и военного искусства не делегировал столь обширные права подчиненным. Более того, он строго предупреждал: «Спрашиваться старших накрепко запрещено, но каждому постовому командиру в его окруженности делать мятежникам самому собой скорый и крепкий удар под взысканием за малую деятельность». Отметим, что предоставляя младшим командирам самостоятельность, Суворов опередил свое время почти на три столетия.

Как и Петр Великий, Суворов никогда не стеснялся что-либо показать, объяснить, растолковать подчиненным. Он подробно разъяснял им, что нужно, чтобы стать настоящим воякой, офицером или солдатом, объяснял основы военного искусства «как бить неприятеля» [60, с. 347].

Суворов не гнушался есть с солдатами и спать, как солдат, делить с подчиненными все тяготы и лишения походно-полевой жизни. В возрасте 70 лет он совершил тяжелейший переход через Альпы.

Суворов разработал теорию обучения и тактики, которая принесла ему всемирную славу. Он упростил громоздкую систему муштры, сделав *упор на физической закалке, воспитании выносливости* для быстрых переходов. Подчиненным командирам он дал свободу маневра в зависимости от обстановки. Он отверг «осадную психологию», характерную для тактики того времени. Согласно его теории, армия несет меньшие потери от неприятеля во время быстрого наступления, чем от болезней во время длительной осады. Поэтому он разработал наступательную тактику с быстрыми дальними переходами и внезапными атаками [145, с. 250—251].

В арсенале его тактики — непревзойденное искусство использовать психические возможности воинов. Базовые основы суворовской тактики: 1) глазомер, 2) быстрота, 3) принцип «Сам погибай, а товарища выручай» [232].

Весь опыт современных войн показывает, что суворовская атака «с налета» остается лучшей по духу и силе формой атакующих действий. В этой тактической форме реализован известный психологический принцип «Порыв не терпит перерыва». Перерыв напряжения — это «пробуждение загипнотизированного. При каждой остановке ощущение, охватившее наступающего, идея в нем господствующая ослабевает. Сознание опасности начинает вста-

вать перед очами остановившихся во всем ее ужасе и надо затрачивать снова огромную психическую работу, чтобы поставить идею движения в исключительно господствующее положение. Чем остановка дольше, чем внимание и ожидание сосредоточеннее, тем и страх больше» [12, с. 78—79].

Быстрота переходов, выдвижения в атаке имела огромный психологический смысл, так как позволяла достигнуть одного из главных победных эффектов — внезапности.

Суворов настойчиво внушал подчиненным: «Штыки, быстрота, внезапность. Неприятель думает, что ты за сто, за двести верст, а ты удвой шаг богатырский, нагрянь быстро, внезапно. Неприятель не ждет... Поет и веселится, а ты из-за гор крутых, из-за лесов дремучих, через топи и болота пади на него, как снег на голову. Ура! Бей! Коли! Руби! Неприятель удивлен, вполовину побежден. У страха глаза велики. Не давай ему опомниться. Гони, доканчивай! Победа наша!» [232].

Суворов прекрасно осознавал пагубность свойственного русским презрения к противнику, получившего название «шапкозакидательства». Поэтому он учил своих командиров и солдат: «Не презирай никогда неприятеля своего, каков бы он ни был; старайся узнать его окружение и способ, как оным действует; исследуй силы и слабости его» [60, с. 324].

Неслучайно, оценивая русского солдата, Фридрих Великий говорил, что «русского мало убить, его еще нужно толкнуть, чтобы он упал». А Наполеон Бонапарт искренне восклицал: «Дайте мне русских солдат и я с ними завоюю весь свет! Русских солдат можно уничтожить, но не победить!» [12, с. 118].

Используя талант знатока и повелителя солдатских душ, Суворов побеждал турок, поляков, французов, побеждал и мятежников. Умный, храбрый, выносливый, он не проиграл ни одного сражения, хотя нередко сталкивался с превосходящими силами противника. В 1789 г. при Рымнике он разбил турецкую армию, четырехкратно превосходившую его войско по численности, за что получил титул графа Рымникского и герб [145, с. 252]. В 1790 г. он взял считавшуюся неприступной крепость Измаил. В 1799 г. разбил французские войска при Кассоно, на реке Требий и у города Нови.

Итак, в отличие от более материалистического, более формально теоретического военного искусства Запада, *русскую школу* хотелось бы назвать *психологической*, так как в ее основе заложена идея развития личности бойца, идея усовершенствования его психических качеств, широкого использования накопленных сил для победы над материальным превосходством противника, и она построена на глубоких психологических началах [60, с. 356].

Подтверждением этой «психологичности» могут служить основные идеи суворовской «Науки побеждать»: «Обучать только тому,

что необходимо на войне»; «Время дороже всего»; «Быстрота и внезапность заменяют число»; «Неприятеля, просящего пощады, щадить; безоружных не убивать; с бабами не воевать; малолеток не трогать; не меньше оружия поражать неприятеля человеколюбием»; «Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле» и др.

Таким образом, военное искусство полководцев прошлого строится на прочной основе психологического знания. Это дает возможность говорить о «военно-психологическом искусстве», т.е. о совокупности военных и психологических знаний полководца, интегрированных в его мировоззрении и реализующихся в управлении войсками. Военно-психологическое искусство является результатом целенаправленного вплетения более или менее систематизированных психологических знаний в военную тактику, оперативное искусство и стратегию и представляет собой эмпирическую военную психологию.

2.1.2. Этапы развития отечественной военно-психологической науки и практики

С появлением в системе научного знания отдельной науки — психологии начинает формироваться такая ее отрасль, как военная психология. Отечественная военная психология впитала в себя всю палитру военно-психологических идей, которыми располагало к концу XIX в. мировое военно-психологическое искусство. В ее развитии мы выделяем четыре основных этапа: этап романтизма, этап анабиоза, этап становления, этап амбивалентности. В основе такого выделения лежит степень активности военно-психологической науки и социальное признание ее возможностей и роли в решении государственных задач.

Этап романтизма (конец XIX в. — середина 30-х гг. XX в.). Он характеризуется активным осмыслением учеными (военачальниками, военными врачами) возможностей приложения психологического знания к боевой практике войск, формулированием основных военно-психологических гипотез, «грубым» очерчиванием предметного поля военной психологии, первыми попытками энтузиастов применить выводы и рекомендации психологической науки в военном деле.

В это время в трудах Л.Л.Байкова, Г.Е.Шумкова, В.Н.Полянского, К.М.Вольфа, С.К.Гершельмана, А.С.Зыкова, К.И.Дружинина, М.И.Драгомирова, П.И.Изместьева, А.А.Керсновского, Н.В.Краинского, А.С.Резанова, чуть позже в работах Н.Н.Головина, Р.К.Дрейлинга, В.Доманевского, Н.Колесникова, П.Н.Краснова, Г.Д.Хаханьяна, Б.Штейфона активно анализируется спонтанный, несистематизированный опыт психологической подготовки, поддержки, реабилитации воинов, психологического

противоборства с противником в войнах предшествующих эпох, русско-японской войны, Первой мировой войны. Большинство этих работ пронизаны наивным романтизмом, верой почти в безграничные возможности психологии в деле боевой подготовки войск, в ее радужные перспективы в армии.

На этом этапе была сформулирована эвристическая *идея о приобретении войной все более психологического характера.* В психологической литературе того времени приоритетность психологической составляющей боевых действий обосновывается тем, что: во-первых, психологической является цель боя; во-вторых, среди средств достижения тактических, оперативных и стратегических целей все более существенными становятся средства психологические; в-третьих, критерии победы или поражения есть явления чисто психологические; в-четвертых, последствия войны наиболее ощутимо проявляются в психологической сфере.

Известный русский военный психолог Г.Е.Шумков писал: «Прежнее понятие о бое как о насилии физическом, об истреблении противника, о захвате — как цели, приходится изменить и центр тяжести о насилии, из области физической перенести в область психологическую» [274, с. 11]. Оценивая уроки поражения в русско-японской войне 1904—1905 гг., «Русский инвалид» указывал на тот факт, что в будущих войнах победу будут решать не снаряды и картечь, не смерть и раны, а нервы.

По существу здесь заложена мысль о том, что военная психология постольку и востребуется боевой практикой, поскольку способна психологическими средствами обеспечить ее потребности.

Главное предназначение военной психологии видится в том, чтобы максимально расширить психологические возможности бойца, облегчить психологическое давление боя и, как результат, обеспечить его лучшее выживание в боевой обстановке. По существу, на этом этапе были подняты и поставлены в фокус научного анализа все важнейшие проблемы военно-психологической науки, сегодня составляющие ее предметное поле.

По широко распространенному в то время убеждению, война как социальное и психологическое явление строится на определенных закономерностях. Выражая эту мысль, Г.Е.Шумков писал о том, что на войне нет случайностей, все подчинено определенным законам как в сфере внешних явлений, так и в сфере психики. Поэтому в каждом бойце, по его мнению, необходимо признать личность, подвергающуюся изменениям под влиянием обстановки. При этом следует учитывать, что абсолютной воли бойца не существует, а есть его поступки, безусловно, подчиняющиеся закону причинности. На основании этого делается вывод о том, что необходимы специальное психологическое обоснование принимаемых боевых решений, тактики действий войск, психологиче-

ская подготовка к боевой деятельности, психологическая помощь военнослужащим в преодолении психотравмирующих факторов боевой обстановки.

Военно-психологические идеи находят широкое отражение в специализированных печатных изданиях («Военно-медицинский журнал», «Военный сборник», газеты «Русский инвалид», «Разведчик», «Психиатрическая газета»). Делаются первые в истории науки попытки ввести в программу подготовки в военных академиях и училищах специальную дисциплину «Военная психология» [199].

Значимой является роль отечественных психологов в развитии системы оказания психологической помощи воинам, пострадавшим во время войны. Именно в русской армии в 1904—1905 гг. впервые были введены должности военных врачей-психиатров, организованы психиатрические отделения в военных госпиталях. Неоценимый вклад в теорию и практику оказания психологической помощи пострадавшим военнослужащим внесли известные российские психологи и врачи-психиатры В.М.Бехтерев, М.И.Аствацатуров, Г.Е.Шумков, С.Д.Владычко и др.

В 1920—1930-х гг. совершенствуется процесс психофизиологических исследований, делаются попытки обоснования и проведения профессионального отбора в армии и на флоте, ведется активная пропаганда психологических знаний. В 1920-х гг. разворачивается целая сеть психологических лабораторий: центральная, во всех военных округах и на флотах, в ряде академий и училищ, в ВВС, ВМФ, бронетанковых войсках, а также по некоторым специальным профилям. Их работа была направлена на изучение психологических особенностей новых видов деятельности, изучение психических состояний и особенностей поведения военнослужащих в процессе нагрузок, выполнения военно-профессиональных задач, на определение профессионально важных качеств для той или иной военной профессии. Среди психологов и военных ученых, внесших значительный вклад в разработку проблем научной организации и проведения психологической работы в войсках того периода, выделяются П.И.Изместьев, А.Е.Снесарев, Г.Ф.Гирс, С.Е.Минц, А.А.Таланкин, Г.Д.Хаханьян [13].

Попытку осуществить системный анализ возможности использования выводов военной психологии в боевой практике войск предпринял в 1929 г. Г.Д.Хаханьян [261]. По существу он наметил основные направления психологического обеспечения боевых действий войск. По его мнению, военная психология призвана решать конкретные проблемы современного боя: выработать меры наилучшего использования оружия при воздействии сильной эмоции страха и меры борьбы с самим страхом; указать меры, которые обеспечивали бы нужные тактические формы; дать рекомендации по наиболее рациональной организации армии, управления ею,

устройству ее быта; определить способы управления отрицательными факторами современного боя; дать рекомендации по военно-профессиональному отбору и др.

Таким образом, на первом этапе становления военно-психологической теории и практики еще нет официально признанной военной психологии, нет военных психологов, но есть самоотверженный энтузиазм ученых-подвижников, их романтическая вера в будущее военной психологии, ее высочайшее социальное предназначение и величайшую гуманистическую ценность и есть великолепные, эвристические научные идеи.

Этап анабиоза (середина 1930-х — начало 1960-х гг.). Этап начинается с разгрома военно-психологической науки в постановлении ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» (1936 г.). Он характеризуется временным замораживанием исследовательской и практической деятельности в этой научной отрасли. За эти годы не выходит сколько-нибудь значимых научно-психологических работ. Даже в годы войны не были призваны психологи, которые могли бы осмыслить ситуацию, выработать стратегию действий психологического сообщества, расставить силы психологов для решения наиболее важных оборонных задач, для достижения победы над врагом и т.д. Свидетельством недооценки потенциала психологии в решении задач обороны страны является то, что большое число известных в стране психологов во время войны были вынуждены заниматься решением проблем, не связанных с психологией.

Например, в аналитических материалах А.А.Смирнова [220] приведена подробная справка о деятельности отечественных психологов в годы Великой Отечественной войны. В частности, отмечается, что психологи А.Г.Ковалев, В.И.Киреенко, М.Ф.Громов, Е.И.Игнатьев, А.И.Щербаков, С.Н.Шебалин занимали командные посты; Г.Д.Луков, В.И.Кауфман, Ю.А.Самарин служили рядовыми; В.Н.Мясищев, К.К.Платонов, В.Н.Колбановский находились на ответственных медицинских постах; А.В.Ярмоленко, А.А.Люблинская, Т.А.Репина служили на должностях младшего медицинского персонала. Прошли всю войну Д.Б.Эльконин и Ф.Н.Шемякин. На Ленинградском фронте в течение всей блокады воевал А.Г.Коварев. Б.С.Смирнов сражался в партизанском отряде. Получили на фронтах ранения и контузии Е.С.Кузьмин, М.Ф.Морозов, А.З.Редько. Погибли на войне Л.М.Шварц (бывший заместителем директора Института психологии), сотрудники института И.И.Волков, Ф.И.Муплев, доцент МГПИ им. В.И.Ленина П.С.Любимов. Несли службу на постах ПВО Е.В.Гурьянов, А.Н.Леонтьев, А.А.Смирнов, Б.М.Теплов, П.А.Шеварев, А.А.Бодалев. С 1941 г. в ряды армии влились психологи Г.З.Рогинский, Б.О.Хотин, А.Л.Шнирман. На Ленинградском фронте сражались А.В.Веденов, Ю.А.Самарин, А.Ц.Пуни [6].

Эти и многие другие психологи, обладая столь полезными для достижения победы над врагом знаниями, принесли бы большую пользу, занимаясь теоретическими и практическими проблемами психологического обеспечения боевых действий войск.

О недооценке военно-политическим руководством нашей страны и государством в целом роли военной психологии в обеспечении безопасности страны и боевой деятельности Вооруженных сил говорят и другие факты. Так, «Очерки психологии для летчиков», подготовленные в 1937 г. К.К.Платоновым и Л.М.Шварцем, были опубликованы лишь в 1948 г. Работа Н.А.Коновалова «Психологические факторы в военном деле», написанная на материалах советско-финского военного конфликта, выходила во время войны частями и небольшим тиражом. Армейские библиотеки не располагали в этот период книгами по военной психологии.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны в нашей стране военная психология как наука была по существу запрещена, отсутствовали кадры военных психологов, а подготовленные учебники, учебные пособия по психологии были или дискредитированы, или не опубликованы.

Историки психологии сегодня по крупицам собирают научные труды этого этапа: несколько до сих пор не переведенных с грузинского языка работ, несколько книжиц, изданных уже после войны, две-три рукописные работы, неизвестные широкому читателю, несколько психолого-педагогических статей по методам формирования волевых качеств, смелости и т.д.

И тем не менее психологи имеют полное право говорить о своем вкладе в достижение победы над врагом. Довольно четко в деятельности психологов в годы войны выделились психофизиологическое и патопсихологическое направления.

Психофизиологическое направление включало разработку теоретических и прикладных проблем противовоздушной маскировки, полевой разведки, повышения чувствительности зрения и слуха. Оно связано с деятельностью К.Х.Кекчеева, Л.А.Шварца, С.В.Кравкова. Отвечая на запросы боевой практики, психологи разрабатывают методы ускорения адаптации глаз к темноте, сенсибилизации слуха и зрения, развития глазомера, различения быстро движущихся объектов, способы звукомаскировки, определения бинауральной способности и др. [6; 13; 92; 100; 207; 220]. По оценкам С.Л.Рубинштейна, благодаря этому удалось, например, вчетверо повысить эффективность деятельности воинов ПВО.

Патопсихологическое направление ориентировалось на восстановление нарушенных психологических функций у раненых военнослужащих. Его наиболее крупными представителями были А.Н.Леонтьев и А.Р.Лурия. В специальном восстановительном госпитале, развернутом под Челябинском, группа психологов во главе с

А. Р. Лурия занималась восстановлением боеспособности и трудоспособности раненых бойцов. Позднее был создан восстановительный госпиталь, работу в котором возглавил А. Н. Леонтьев. В восстановительной работе принимали участие Б. Г. Ананьев, Д. Н. Узнадзе и др.

В ряде научных и научно-популярных статей исследовались причины страха, паники, пути их преодоления и предупреждения; природа самоотверженности, смелости, мужества; условия ускоренного обучения военных специалистов — радистов, телеграфистов, летчиков, танкистов и т.д.; разрабатывались пути повышения зрительной и слуховой чувствительности воинов, ускоренной адаптации глаза к темноте, улучшения ночного зрения; решались задачи маскировки, восстановления функций речи и движений, утраченных после ранения [100; 214].

Однако масштабы решенных психологами задач кажутся ничтожными перед масштабами самого события — мировой войны.

По существу, на описываемом этапе военная психология вернулась в период своего стихийного развития и нашла наиболее яркое выражение в деятельности наших полководцев, командиров частей и соединений, многие из которых проявили себя величайшими психологами при планировании операций, введении противника в заблуждение, при организации боевой и психологической подготовки и т.д.

Военная психология активно развивалась также в недрах такой формы политической работы, как спецпропаганда.

В первое десятилетие после войны делались отдельные попытки вернуться к разработке военно-психологических проблем. Однако лишь после того, как утихли отголоски печально известных «Павловских» сессий, военная психология стала медленно возвращаться к жизни. Военные педагоги и психологи-энтузиасты В.А. Барабанщиков, М. И. Дьяченко, М. П. Коробейников, Г.Д. Луков, А.М. Столяренко, Н.Ф. Феденко, К.К. Платонов и др. выступили не только генераторами новых военно-психологических идей, но и практическими организаторами военно-психологического строительства. Здесь, собственно, и начинается третий этап развития военной психологии.

Этап становления (начало 1960-х — начало 1990-х гг.). Этот этап характеризуется:

— началом систематических военно-психологических исследований важнейших сторон жизнедеятельности войск (кандидатские и докторские диссертации, КНИР и др.) и публикаций в открытой массовой печати;

— переводом ряда военно-психологических трудов зарубежных специалистов под редакцией А. В. Барабанщикова и Н.Ф. Феденко;

— распространением военно-психологических знаний среди командиров, политработников, военных педагогов (в 1964 г. вы-

ходит книга Г.Д.Лукова и К.К.Платонова «Психология», в которой изложены представления о специфике и задачах новой военной психологии);

— выходом рекомендаций по психологической подготовке военнослужащих частей Сухопутных войск;

— формированием военно-психологического сообщества (появление первых ученых-психологов в армии);

— становлением военно-психологической практики (системы психологической подготовки, психологической помощи, реабилитации участников боевых действий и др.);

— вызреванием и первыми попытками реализации идеи о создании единой психологической службы для ВС РФ (Д.В.Гандер, М.Т.Юсов и др.).

Военная психология активно ищет точки своего практического приложения и находит их во всех сторонах жизни и деятельности войск: в обучении, воспитании, боевой подготовке военнослужащих, в руководстве воинскими подразделениями и т.д. (Н.П.Балыков, В.И.Варваров, А.Д.Глоточкин, А.И.Китов, Б.Ц.Бадмаев, Г.А.Давыдов, С.И.Съедин и др.).

Вместе с тем за рамками ее интересов по существу остается 10-летняя война в Афганистане.

Этап амбивалентности (с начала 1990-х гг.). Он характеризуется тем, что на явном (социальном) уровне о необходимости развития и важности военной психологии говорят, как никогда ранее, часто и весомо, начинается подготовка психологов для войск, в штаты воинских частей вводятся должности психологов, объявляется создание психологической службы, начинается разработка нормативно-правовой базы психологической работы в ВС РФ.

Военно-психологическая наука, как бы вернувшись к своим истокам, существенно расширила поле своих интересов, активно исследует самые разнообразные проявления психики военнослужащего в различных видах воинской деятельности, вырабатывает обоснованные рекомендации по повышению боеготовности и боеспособности войск.

Завершаются крупные исследования проблем боевой и психологической подготовки летчиков, десантников, танкистов, воинов внутренних войск (В.А.Пономаренко, С.И.Съедин, П.А.Корчемный, Н.Д.Лысаков, В.В.Сысоев, А.Л.Акулич, А.М.Комиссаров, И.В.Богданов, С.Л.Кандыбович, Е.К.Костров, С.В.Захарик, А.Д.Индюченко, В.Ф.Дубяга, А.В.Суворов, А.Ю.Федотов), воинской дисциплины и отклоняющегося поведения (Э.П.Утлик, В.А.Боенко, С.Н.Буранов, С.Б.Дохолян, С.Л.Евенко, А.Г.Караяни), психологического обеспечения боевых действий Сухопутных войск в локальных военных конфликтах (А.Г.Караяни), дальних морских походов (В.Н.Селезнев), подготовки специалистов ВВС (Д.В.Гандер), психологической адаптации военнослужащих

к различным обстоятельствам военной службы и повседневной жизнедеятельности (А. В. Булгаков, А. М. Жуков, Ж. Г. Сенокосов, В. Ф. Ульянов, А. Н. Терасов). Формируется новая для военной психологии область научных исследований и практики — военная конфликтология (А.Я. Анцупов, А. И. Шипилов). Исследуются психология взаимоотношений между военнослужащими, психологическая совместимость и сплоченность воинских коллективов, морально-психологическое состояние личного состава (М. С. Полянский, А. И. Шипилов, С. Н. Буранов, А. И. Гончаров, В. П. Каширин, В. Г. Крысько, В. А. Макаров, С. В. Круткин, С. В. Лазарев, В. В. Федотов, Э. П. Утлик и др.). Силами В. Е. Попова, Р. А. Абдурахманова, В. М. Крука, М. С. Полянского, А. Н. Харитонова институализируется военная психотерапия. Военные психологи включают в поле своего научного внимания и практической деятельности психологическую помощь раненым и инвалидам (А. Г. Караяни, Ю. М. Волобуева, Е. В. Митасова). Уникальным направлением в отечественной психологии становится военная профессиология (Ю. А. Елбаев, В. Н. Батищев, Д. Г. Давыдов, В. А. Жильцов, И. Г. Ожерельева, Т. А. Старостенкова).

С введением в ВС РФ должностей военных психологов начинается всестороннее исследование процесса их профессионального становления (И. В. Сыромятников, И. Ф. Баширов, Г. В. Малебашева). Продолжают активно исследоваться психологические аспекты военного управления, повышения эффективности деятельности военных специалистов (А. В. Мощенко, Г. В. Гнездилов, В. В. Дударев, А. А. Камышанов, Р. В. Кишиков, Л. Н. Кузнецов, А. В. Сечко, И. Б. Субботин), психологического сопровождения учебного процесса (Б. П. Бархаев, А. А. Жиляев, Н. И. Королюк, М. С. Полянский, Ю. Г. Сулимов) и другие.

По существу своеобразным теоретическим переворотом в военно-психологической науке стал коллективный труд кафедры психологии Военного университета «Военная психология: методология, теория, практика», вышедший в 1998 г. В нем сформулировано новое ви́дение принципов, проблематики, методов и, по существу, обозначены контуры современной военной психологии.

Однако остается немало нерешенных проблем, снижающих эффективность психологической работы в войсках. Так, количество готовящихся в военных вузах психологов почти в 10 раз меньше потребности в них войск. В результате на должности психологов нередко назначаются люди без специального образования, в лучшем случае прошедшие 240-часовой курс военной психологии.

В течение десяти лет основной документ («Руководство по психологической работе»), определяющий работу военных психологов, не мог получить легитимного статуса. Отсутствует четкая политика в научно-методическом насыщении системы психологической работы в ВС РФ. Нет государственного заказа на научные военно-

психологические исследования. В выходящих под официальными грифами учебниках по военной психологии отсутствует единая система, просматривается отказ от некоторых научно-теоретических и практических завоеваний военной психологии. По существу, не ведется плановая деятельность по обеспечению военных психологов современными учебниками, учебными пособиями, хорошо проверенным набором диагностических средств. Предпринимаются попытки свести психологическую работу к аппаратурной диагностике и коррекции, основанной на научно не проверенных принципах.

По существу, на текущем этапе развитие военной психологии определяется интересами ученых-энтузиастов. Ее объектно-предметное поле официально четко не обозначено, а направления исследований не регулируются организационными и финансовыми средствами.

Последующие главы этой работы призваны устранить указанные недостатки, объединить в единое теоретическое пространство существующие на сегодня военно-психологические наработки. Мы покажем их многочисленность, масштабность, богатство, раскроем возможности их приложения к практике боевой и учебной деятельности войск.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Опишите периоды и этапы развития военной психологии.
2. Что такое военно-психологическое искусство?
3. Каковы особенности военно-психологического искусства Древней Греции и Рима?
4. Что характерно для военно-психологического искусства Древнего Востока?
5. Что отличает военно-психологическое искусство полководцев России?

Литература

Военно-психологические взгляды русских военных деятелей XVIII—XIX вв. // под ред. Н.Ф.Феденко : в 2 ч. — М., 1993.

Дьяченко М.И. Психологический анализ боевых действий советских воинов. — М., 1974.

Дьяченко М.И., Кандыбович С.Л. История русской военной психологии. — М., 2000.

Историки античности : в 2 т. — М., 1989. — Т. 1. — С. 33—404.

Караяни А.Г. и др. Информационно-психологическое противоборство: сущность, содержание, методы. — М., 2000.

Караяни А.Г. Военная психология в зеркале трех столетий // Ежегодник Российского психологического общества. — 2005. — Т. 3. — С. 151—154.

Караяни А.Г. Отечественная психология в годы Великой Отечественной войны: профессиональный подвиг или упущенные возможности // Ежегодник Российского психологического общества. — 2005. — Т. 3. — С. 190—203.
Лайнбарджер П. Психологическая война : пер. с англ. — М., 1958.
Луков Г.Д., Платонов К.К. Психология. — М., 1964.
Плутарх. Избранные жизнеописания : в 2 т. — М., 1987. — Т. 1.
Современная буржуазная военная психология / под ред. А.В.Барабанщикова, Н.Ф.Феденко. — М., 1964.
Теплов Б.М. Ум полководца. — М., 1990.

2.2. Военная психология в системе научного знания

2.2.1. Объект и предмет военной психологии

Анри Пуанкаре сказал: «Накопление фактов — это в такой же мере наука, в какой куча камней — это дом». Сегодня военно-психологические знания представляют собой своеобразный склад таких «научных камней», каждый из которых функционален, полезен, но целостного дома — единой науки о войне и бое как психологическом противоборстве — окончательно еще не сложилось. Вместе с тем имеющиеся научные положения, опыт практической психологической работы в военное и мирное время позволяют с полным основанием определить предметное поле, основную проблематику, принципы и методы военной психологии.

Один из основателей отечественной военной психологии Г.Е.Шумков, определяя предмет военной психологии, отмечал, что «область, подлежащая нашему научному исследованию, есть бой, центральное место в котором занимает боец. Психика его, его свойства и деятельность во время боя составляют для нас задачу» [275, с. 14]. Учитывая, что деятельность воина проходит не только в боевой обстановке, но и в мирное время, «военная психология по области исследования разделяется на две части: психология боя и психология мирного времени». При этом психология боя призвана, «во-первых, возможно подробно изучить психику воинов во время сражений; во-вторых, наметить те принципы, которыми нужно руководствоваться при ведении боя.

Психология мирного времени указывает научные пути, как привить воинам в мирное время те психологические принципы, которые намечены психологией боя» [274, с. 18].

Аналогичную позицию занимал Р.Дрейлинг, отмечавший, что «военная психология ставит себе задачу изучить работу психики в... особых условиях войны. Основной ее проблемой является исследование психики бойца в бою» [57, с. 160].

Основатели военной психологии исходили из того, что определить ее предметную область можно лишь описав психологиче-

ские особенности боевой деятельности. Они отмечали, что «деятельность человека-бойца во время войны и боя носит особый характер», так как протекает, «с одной стороны, в условиях хронической опасности, т.е. постоянной опасности потерять здоровье или жизнь, а с другой стороны, в условиях не только безнаказанного уничтожения себе подобных, коль скоро они являются врагами, но и в прямой необходимости и в поощряемом желании делать это как во имя конечных целей общего благополучия для своего народа, так и в целях собственного самосохранения.

Если обыватель, которому грозит случайная опасность, избегая ее или даже совершенно уклоняясь от нее, не теряет лица и пользуется по-прежнему общим уважением, то боец, ушедший с поля сражения или отказавшийся идти в бой, подвергается не только общему презрению, но и привлекается к суровой ответственности по уголовному закону» [57, с. 160].

В этой связи «изучение душевных переживаний воинов, влияющих на боевую деятельность, изучение явлений, способствующих воодушевлению и храбрости, явлений, понижающих боевую деятельность (страх и панику), моментов, ослабляющих способность противника, причин нарушения воинского долга» является важнейшей задачей военной психологии [274], так как «...покажет нам, к чему и как должны мы подготовить воинов в мирное время, чтобы в боевое время они были непоколебимы» [273].

Теоретический анализ военно-психологического наследия создателей военно-психологической науки позволяет выделить объект военной психологии, т.е. ту часть объективной реальности, на которую направлена ее исследовательская активность. *Объектом военной психологии выступает военнослужащий, включенный в боевой коллектив и совместно с другими воинами выполняющий боевые задачи.*

Предметом (частью объекта, которая подвергается исследованию конкретной наукой) ***военной психологии*** *является психология военнослужащего, в составе воинского коллектива* осуществляющего подготовку к боевой деятельности и выполнение боевых задач.

Такое понимание предмета рассматриваемой науки позволяет дать определение военной психологии. ***Военная психология*** *— это область специального научного знания и практики, нацеленная на исследование психологических особенностей совместной боевой деятельности военнослужащих и обоснование методов обеспечения ее эффективности.*

В этом определении сознательно не используется термин «отрасль психологической науки», так как ставится цель зафиксировать следующие моменты:

1) военная психология является одновременно отраслью и психологии, и военной науки;

2) военная психология интегрирует теоретическое знание и практический опыт, научно-исследовательскую деятельность и

выработку рекомендаций о приложении теоретических выводов к решению практических задач воинской деятельности;

3) военная психология, ориентируясь на приоритетное изучение войны и боя, с не меньшим интересом исследует пути и способы боевой и психологической подготовки военнослужащих, обеспечения высокой боевой готовности и эффективного боевого дежурства в мирное время.

Перечисленные исходные позиции позволяют очертить границы *предметного поля* военной психологии, т.е. раскрыть и конкретизировать круг исследуемых ею проблем, показать места «стыков» и взаимодействия с другими отраслями психологии, военной стратегии, оперативного искусства и тактики.

В качестве базового основания для такого ограничения можно избрать позицию Р.Дрейлинга о том, что «одним пределом исследования являются общепсихологические дисциплины, и в частности применение их в условиях военного быта для наилучшей обработки бойца. Другим пределом являются патологическая психология и психиатрия» [57, с. 161].

Военная психология решает задачи, выдвигаемые практикой строительства Вооруженных сил и обеспечения обороноспособности государства. Она охватывает все области военного строительства, в которых так или иначе приходится заниматься с личным составам. Трудно указать на какую-либо сторону жизни армии, флота, авиации, где бы военная психология не решала каких-то специально поставленных перед нею задач, не занималась исследованиями, не делала обобщений, не давала рекомендаций [252, с. 53]. Практическое применение военной психологии неуклонно расширяется.

Военные психологии США, Германии, Франции считают основными задачами в работе военных психологов следующие: психологическое обследование новобранцев; военное обучение; переучивание на новые военные специальности; пропаганду среди личного состава; укрепление дисциплины; подготовку к полету и др. Ч.Брей, обобщая опыт психологической работы в годы Второй мировой войны, в книге «Психология и военное мастерство» (1948) писал: «Военная психология является приложением психологии к совершенствованию средств исследования военных способностей и классификационных процедур, тренировке людей, конструированию военного снаряжения для использования человеком, упрощению операций по управлению оружием, проблемам ненормальных солдат и матросов, психологической войне, моральному состоянию и человеческим отношениям» [цит. по: 252, с. 51].

П.Х.Мокор утверждает, что военная психология ставит перед собой задачу повышения боеспособности армии, опираясь на достижения современной науки о человеческой психике [223].

Э.Борингом выделено семь основных проблем, решение которых военными психологами представляет практическую значимость

для всех областей военного дела, обслуживаемых военной психологией. Их исследование ведется в Сухопутных войсках, авиации, в войсках ПВО и на флоте. Важнейшими из таких проблем являются: 1) наблюдение — пределы точности восприятия и правила получения наиболее точных восприятий; 2) выполнение — действия и движения, получение нужных навыков, эффективность в работе и действиях; 3) подбор — классификация, выбор подходящих людей для соответственной работы; 4) подготовка — обучение, изучение, превращение способностей в освоенные специальности; 5) личная приспособленность к военной жизни, ее мотивация, мораль, реакция на поражение, чувство страха; 6) общественные взаимоотношения — руководство, влияние слухов, их контролирование, природа паники, взаимоотношение людей различных рас и их обычаи; 7) мнения и пропаганда — сбор публичного мнения, настроения и психологическая война [19, с. 11—14].

Перечисленные проблемы выделены весьма обоснованно и сегодня сохраняют свою высокую актуальность. Однако они представляют собой своеобразную груду камней научного знания. Нет единого концептуального стержня, соединяющего их в единую концепцию. Таким стержнем может стать *психологическое обеспечение* воинской деятельности — целенаправленная деятельность командиров, психологов, военных медиков, направленная на формирование, поддержание и восстановление психологических возможностей военнослужащих и воинских коллективов, необходимых для успешного выполнения боевых задач. Психологическое обеспечение «пронизывает» всю воинскую деятельность, актуализируя и расширяя психические возможности воинов на всех ее этапах.

2.2.2. Место военной психологии в системе научного знания

Специфика объекта и предмета исследования, решаемых исследовательских и прикладных задач, история становления науки определяют место военной психологии в системе научного знания.

Первым фактором, определяющим весь строй военной психологии, выступают военная наука и военное искусство.

А.А. Керсновский писал, что военное дело состоит из двух элементов — рационального (соизмеримого, вещественного, поддающегося точному анализу и классификации) и иррационального, духовного (несоизмеримого). Рациональная часть — достояние военной науки. Иррациональная, духовная часть — достояние военного искусства. Искусство — удел немногих избранных — как правило, выше науки. Наука сливается с искусством лишь в натурах гениальных. Подобно тому, как ценность сплава определяется процентом благородного металла в нем, уровень полководческого таланта зависит от преобладания в данном человеке военного искусства над военной наукой. «Наполеон в большинстве своих кам-

паний, Суворов во всех своих кампаниях — дают нам золото 96-й пробы. Полководчество Фридриха II — гений, сильно засоренный рутиной и "методикой", — золото уже 56-й пробы. Полководчество Мольтке-старшего — таланта, а не гения, — уже не золото, а серебро... полководчество его племянника — лигатура, олово» [28, с. 48].

Военная наука и военное искусство являются заказчиками на конкретные исследования и практическую деятельность военных психологов. Они определяют вид, тип, место, стратегические, оперативные и тактические особенности военных событий, к которым нужно готовить военнослужащих, оружие и технику, которыми они должны владеть, необходимую для победы в войне степень психологической совместимости и сплоченности воинских коллективов и т.д.

Так, изъятие из Российской военной доктрины положения об угрозе мировой ядерной войны ориентирует военных психологов на уменьшение объема исследований специфики поведения воина в условиях применения оружия массового поражения. Одновременно военная доктрина подвигает военных ученых к изучению психологических особенностей локальных военных конфликтов, вопросов психологического обеспечения борьбы с терроризмом и т.д.

Вместе с тем военная психология предоставляет в распоряжение военной науки и военного искусства разработанные положения о влиянии войны и боя на психику воинов, о взаимосвязи общественной, групповой и индивидуальной психологии, о мотивах героического и отклоняющегося поведения военнослужащих, о путях повышения морально-психологического состояния своих войск и снижении морального духа войск противника, об этнопсихологических особенностях воинов ведущих армий мира и т.д.

Вторым фактором, определяющим принципы и методы исследовательской и практической деятельности военных психологов, является общая психология (рис. 1).

Именно она задает исходные методологические основания для понимания сущности психики, личности воина, воинской деятельности, закономерностях ощущений, восприятия, эмоциональных состояний, мотивации действий, особенностей проявления темперамента, характера, способностей в экстремальных условиях и т.д. В отечественной военной психологии в качестве методологической платформы выступает общая психология, сформированная на базе деятельностного подхода и психологической теории деятельности. В армии США — общая психология, сформированная на основе бихевиоризма, в индийских вооруженных силах — на основе йоговской трактовки психики и т.д.

У общей психологии военная психология берет также основные методы исследования психологических явлений войны и боя, экстраполирует их теоретические выводы на боевые ситуации.

Рис. 1. Место военной психологии в системе наук

Социальная психология является для военной психологии важнейшим источником теоретических и экспериментальных наработок, касающихся содержания, механизмов и последствий влияния психологии больших и малых социальных групп на установки, ценностные ориентации, группового и массового поведения людей, психологических механизмов управления и взаимного влияния воинов (подражание, психическое заражение, внушение, убеждение). В последнее время в военной психологии активно исследуется роль военно-организационной культуры в формировании морально-психологического состояния военнослужащих, воинской дисциплины, достижении эффективности боевого применения войск. По существу военная психология — психология социальная. Ведь, как показано выше, война и бой представляют собой частный вид социального конфликта — вооруженное противоборство. На это в середине 1980-х гг. указывали А. В. Барабанщиков, В. П. Давыдов, Э. П. Утлик, Н. Ф. Феденко.

Важнейшей наукой, выполняющей для военной психологии роль естественно-научного основания, является психофизиология. Она раскрывает логику и механизмы взаимосвязи человеческого организма, его психики с окружающей средой, с условиями боевой обстановки.

Военная психология активно взаимодействует с общей историей и историей военного искусства, получая от них представление о культурно-исторической обусловленности героизма и трусости, стойкости и предательства, военной этики и девиаций, о зависимости тактических форм ведения боевых действий от достигнутого уровня культуры, оружия и техники и т.д.

Важную информацию военная психология получает от возрастной психологии (об этапах психического развития, возрастных кризисах, особенностях возрастных групп военнослужащих и т.д.), от психологии труда (о специфике воинской деятельности, ее мотивов, целей, средств, способов, условий; о профессионализации, профессиональной и социальной идентичности военнослужащих; о содержании и методах военно-профессиональной ориентации, профессионального психологического отбора и сопровождения военнослужащих), от инженерной психологии (о взаимовлиянии конструктивных и эргономических особенностей боевой техники и оружия и психических состояний военнослужащих, степени реализации ими своих способностей и т.д.), от клинической психологии (о формах психотравматизации военнослужащих и посттравматическом стрессовом расстройстве; о психологических последствиях ранений и инвалидизации и др.), от психотерапии (о содержании и методах психологической помощи психотравмированным военнослужащим), от психологии управления (о психологических факторах и эффективных моделях управления подчиненными в экстремальных условиях деятельности).

Обращаясь к философии, военная психология принимает ее позицию относительно решения вопроса о соотношении психики и материи, сознания и бытия, трактовки войны и мира, понимания сущности пограничных ситуаций в жизни человека.

Исследуя войну и бой, военная психология активно взаимодействует с социологией; изучая последствия воздействия боевой обстановки на психику воина, она обращается к теоретическим наработкам и практическим рекомендациям военной психиатрии; определяя цели, средства и методы психологической подготовки, психологические аспекты боевой подготовки военнослужащих, она учитывает результаты военно-педагогических исследований и военно-педагогической практики.

В свою очередь военная психология предоставляет в распоряжение других наук свои данные об особенностях социальных, возрастных, деятельностных, психопатологических феноменов, проявляющихся в боевой обстановке.

Таким образом, военная психология тесно связана с военной наукой и военным искусством, всеми основными отраслями современной психологии. Во взаимодействии с ними она расширяет границы своего предмета, обогащается теоретическими положениями и эмпирическими фактами, оснащается методически, благодаря чему активно развивается как современная наука.

2.2.3. Методы военной психологии

Для любой науки используемые методы представляют собой важнейший ее компонент. Для военной психологии, исследующей

человеческую психику и личность в экстремальных условиях современного боя, проблема выбора адекватных методов исследования является жизненно важной.

Арсенал основных методов военной психологии был в общем плане обозначен еще в начале XX в. В ходе Русско-японской, Первой мировой и гражданской войны в России психологи Н.Н.Головин, Г.Е.Шумков, Г.Хаханьян не только предложили, научно обосновали, но и частично проверили на практике основные методы военно-психологического исследования.

Анализируя их подходы и современные наработки в области методологии военно-психологических изысканий и практической психологической работы, можно выделить две группы методов военной психологии: 1) методы военно-психологических исследований; 2) методы военно-психологической практики.

Методы военно-психологических исследований:

1) опрос участников боевых действий (анкетирование, интервьюирование, индивидуальная и групповая беседы);

2) экспертный опрос лиц медицинского персонала, военных психологов, командиров, сослуживцев о психофизических состояниях раненых;

3) анализ документов, связанных с участниками боевых действий (медицинские карты, журналы динамического наблюдения, фотографии, дневники, письма, стихи, песни участников и свидетелей боев, боевые донесения и донесения о психологической работе);

4) анализ результатов боевых действий войск и исследование материалов военной истории (хода и исхода сражений, построений войск, мер психологического обеспечения, морально-психологического состояния сторон и его динамики и т.д.);

5) анализ художественных произведений о войне;

6) наблюдение (включенное и невключенное, формализованное и неформализованное, прямое и опосредованное и др.);

7) эксперимент (естественный и лабораторный);

8) скрытые методы исследования (методы интерпретации сопутствующих явлений);

9) корреляционные методы (методы выявления связей между событиями и явлениями).

Эти методы довольно хорошо описаны в военно-психологической литературе [14; 113; 238; 239 и др.], подробно на их рассмотрении мы останавливаться не будем в силу ограниченности объема пособия. Отметим лишь, что каждый из методов имеет свои преимущества и ограничения в соответствующей обстановке.

В меньшей мере в литературе описаны скрытые методы исследования, а между тем они обладают значительным диагностическим потенциалом. Например, они позволяют по количеству заболева-

ний военнослужащих соматическими болезнями, обморожений, натертостей ног, фактов членовредительства, симуляций, совместных фотографирований, конфликтов между военнослужащими, писем домой, числу лиц, возвращающихся в свои части из госпиталей, ждущих дивизионные, армейские и фронтовые газеты, по продолжительности пребывания в госпиталях, по молодцеватости внешнего вида участников боевых действий и т.д. судить о доминирующих психических состояниях военнослужащих, боевом настрое, популярности войны среди различных категорий личного состава, психологическом климате в воинской части, авторитете военного руководства; по истертости обложек и страниц военных трудов судить об их популярности; и т.д.

Методы военно-психологической практики:

1) военной профессиографии (методы описания военных профессий, специальностей и видов деятельности) [28; 67; 210];

2) военно-профессиональной ориентации и набора в армию [28; 67; 210];

3) профессионального психологического отбора (методы психофизиологического обследования и социально-психологического изучения лиц, поступающих на военную службу) [28; 67; 210];

4) психологической подготовки военнослужащих к боевым действиям, формирования у них психологической устойчивости к боевым стресс-факторам и психологической готовности к выполнению конкретных боевых задач (методы моделирования факторов опасности, внезапности, новизны, напряженности, ответственности и др. на занятиях по боевой подготовке; боевой, природно-географической, климатической, биоритмической, режимно-деятельностной адаптации; формирования когнитивной модели боя; создания эмоционального настроя; формирования навыков и привычек выполнения типичных для боя задач; расширения психических возможностей (внимания, памяти, интуиции, зрения, слуха, обоняния, тактильной чувствительности, ночного видения, перенесения боли, холода, жары, голода); эффективного поведения в плену и др.) [29; 61; 63; 69; 105; 114; 115; 147; 186; 202, 243];

5) психологического прогнозирования и оценки боевой обстановки (попарного сравнения психологических возможностей противоборствующих сторон) [113];

6) прогнозирования и расчета психогенных потерь (в условиях применения обычного оружия и оружия массового поражения) [113];

7) психологической поддержки военнослужащих (коммуникативные, деятельностные, аутогенные, установочные, фармакологические) [29; 69; 105];

8) психологической реабилитации участников боевых действий (обсуждение стресса; дебрифинг стресса критических инцидентов; индейская банная; рэп-группы; рациональная и другие виды психотерапии и др.) [101; 105; 122; 149; 183; 226; 235; 242];

9) социально-психологической реадаптации участников боевых действий («психологического карантина» или «психологической дезинфекции»; создания реадаптирующей среды; терапия семей участников боевых действий) [102; 105; 122; 183; 226];

10) психологической помощи лицам, переживающим утрату [7];

11) диагностики посттравматических стрессовых расстройств у ветеранов боевых действий (структурированное клиническое интервью; боевые шкалы миннесотского и миссисипского опросников ПТСР; опросник травматического стресса И.О. Котенева; опросник депрессивности Бека и др.) [2; 226; 242; 235];

12) допроса военнопленных (убеждающие; внушающие; психологического давления и изнурения; гипно-суггестивные; фармакологические; переформирования поведения и др.) [147];

13) ведения психологических операций и защиты войск от психологического воздействия противника (печатные; радиотелевизионные; звуковещательные, «приклеивания информации»; демонстративных действий; психологического изнурения (звуками, запахами, мерцающим светом) и т.д.) [19; 29; 89; 110; 111; 12; 113; 135; 138; 251];

14) военной маскировки, введения противника в заблуждение и достижения внезапности (создания иллюзий восприятия, мышления и антиципации) [8; 113; 116; 142];

15) анализа и поддержания воинской дисциплины в воинских подразделениях и частях и предупреждения девиаций на войне [113; 247].

Даже простое перечисление методов, используемых военными психологами в своей практике, говорит о том, что военная психология активно осваивает не только теоретическое пространство своего предмета, но и целенаправленно выстраивает психотехнологическую базу. При этом одну часть методов она заимствует у других отраслей психологии (психодиагностика, психологическое консультирование, психотерапия, психокоррекция и др.) и после соответствующей их адаптации включает в арсенал своих методических средств. Другую часть методов она разрабатывает сама, так как кроме нее ни одна наука этими проблемами не интересуется (например, методы расчета психогенных потерь, психологической оценки обстановки, психологической поддержки в бою и др.).

Вопросы для самоконтроля

1. Что является объектом и предметом военной психологии?
2. Как можно охарактеризовать взаимодействие военной психологии с другими науками?
3. Какие методы военной психологии относятся к методам исследования?
4. Какие методы относятся к методам военно-психологической практики?

Литература

Военно-психологические взгляды русских военных деятелей XVIII—XIX вв. : в 2 ч. / под ред. Н.Ф.Феденко. — М., 1993.

Дьяченко М.И. Психологический анализ боевой деятельности советских воинов. — М., 1974.

Караяни А.Г. Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей Сухопутных войск в локальных военных конфликтах. — М., 1998.

Караяни А.Г., Сыромятников И.В. Прикладная военная психология. — М., 2006.

Психология и война / под ред. А.Г.Караяни. — М., 2003.

Современная буржуазная военная психология / под ред. А.В.Барабанщикова и Н.Ф.Феденко. — М., 1964.

2.3. Задачи военной психологии

Обобщая существующие на сегодня подходы отечественных и зарубежных военных психологов (за столетний период существования военно-психологической науки), можно описать ее основную проблематику, или задачи. Рассмотрим их подробнее.

2.3.1. Исследование психологических явлений и закономерностей войны и боя

Являясь частью психологической науки, военная психология, по ее примеру, стремится осуществить системный и конкретно-исторический подходы к анализу психологических явлений. *Война* рассматривается как самое широкое из исследуемых социально-психологических явлений в конкретно-историческом контексте. Баталии античности, Средневековья и современные военные конфликты имеют значительные психологические различия, которые нельзя не учитывать при их исследовании. Вместе с тем у них достаточно общих черт и характеристик.

Бой является отдельным актом войны, отражающим общие свойства войн и особенности конкретной войны. *Боевая задача* выступает составным элементом боя. Каждая боевая задача с психологической точки зрения уникальна и требует специальной психологической подготовки воинов.

Военных психологов в феномене войны особенно интересуют:

— психологические причины ее возникновения, психологические функции и закономерности;

— психологические «предвестники» войны;

— психологические условия живучести войны как социального явления;

— психологические основания классификации войн и военных конфликтов;

— психологические основы стратегии и оперативного искусства, эффективного управления войсками;

— психологические факторы героического, нормативного (дисциплинированного), мифологического (суеверия, мифы, символы), отклоняющегося (предательство, самоубийства, членовредительство, дезертирство, симуляция, пьянство, наркотизм и др.) и патологического (пограничный, невротический и психотический уровни) поведения участников боевых действий;

— гендерные, возрастные, профессиональные, религиозные, этнические факторы вооруженного противоборства;

— психологические аспекты влияния военно-полевого быта на морально-психологическое состояние войск и др.

При анализе боевой деятельности внимание военных психологов сосредоточивается прежде всего на исследовании факторов, определяющих боевую активность воинов. Интерес представляют как факторы, позитивно влияющие на действия военнослужащих, так и факторы, снижающие их боевые возможности.

Некоторые люди, участвовавшие в боевых действиях, рассказывают об уникальном психологическом опыте — об ощущениях «гиперреальности» — предельном обострении чувств, мощном приливе жизненной энергии, переживании собственного могущества [147, с. 150]. Участие в боевых действиях для отдельных людей становится фактором их личностного роста, обретения смысла жизни, ценностных ориентаций, закалки характера и т.д. Однако для большинства участников война и бой — события перманентной психотравматизации.

Среди важнейших явлений, подлежащих военно-психологическому исследованию, выделяют боевые, эколого-эргономические, социальные, психофизиологические и психологические факторы.

Боевые факторы: вид боевых действий — оборона, наступление, отход, засада, рейд и т.д.; используемые средства военного насилия — обычное оружие, оружие массового поражения (ядерное, химическое, биологическое, зажигательное и др.), оружие несмертельного действия, психологические операции; интенсивность боевых действий; объем потерь убитыми и ранеными; изолированность подразделений и частей от основных сил; профессиональная подготовленность военнослужащих.

Эколого-эргономические факторы: природно-географические и погодно-климатические условия (Крайний Север, пустыня, лес, горная местность; время года, низкие или высокие температуры воздуха); время ведения боевых действий (день или ночь); сочетание боевой активности и отдыха; продолжительность пребывания в непосредственном соприкосновении с противником; соответствие оружия и боевой техники требованиям боевой задачи; надежность индивидуальных и групповых средств и систем защиты;

эргономичность боевой техники, боевых сооружений, сооружений для быта; вибрация; шум; и др.

Социальные факторы: уровень психологической совместимости военнослужащих; уровень сплоченности и сработанности воинских подразделений (экипажей, расчетов); сформированность отношений ответственной зависимости, взаимопомощи и взаимовыручки (коллективизм); направленность и состояние коллективного мнения и настроения; направленность системы боевых традиций, групповых норм, санкций, суеверий, мифов и символов; отношение к командиру; отношение общества к целям, способам ведения войны, к армии, к противнику.

Психофизиологические факторы: удовлетворенность в еде и воде; продолжительность и качество сна; степень утомления; уровень боевого стресса; монотония; боль; употребление психотропных и алкосодержащих препаратов.

Психологические факторы — опасность (страх смерти, ранения, боли, увечья, утраты), внезапность, ответственность, недостаток времени и информации (неизвестность), наличие или отсутствие боевого опыта (адаптированность), гибель боевых товарищей, участие в жестоком насилии, наличие психической травмы, владение приемами психической саморегуляции, мотивация, боевые установки, знания и т. д.

Неучет всех этих факторов при принятии стратегических, оперативных и тактических решений чреват не только срывом отдельных боевых задач, но и неуспехом военных кампаний, утратой самостоятельности государств.

Уже перечисление факторов боевых действий показывает, сколь обширен круг научных интересов военной психологии. Она исследует психологические аспекты всех возможных обстоятельств, способных влиять на боевую активность и психологические возможности воинов.

Например, в русско-японскую войну Г. Е. Шумковым было проведено специальное масштабное исследование целесообразности использования алкоголя для активизации боевых действий воинов. Было установлено, что «алкоголь понижает выносливость и боевую деятельность, зоркость зрения и слух, точность расчета, понижает самообладание... способствует возникновению страха и паники». Алкоголик в бою «первым старается отстать, увернуться, скрыться в безопасное место, а при случае бежать». Выпившие перед боем и получившие ранение, переносят их «значительно хуже, чем люди трезвые, но получившие такие же ранения. В дальнейшем лечение и заживление раны происходит медленнее и болезненнее, чем у трезвых». Таким образом, «алкоголь как напиток, понижающий боевую силу в боевой деятельности, должен быть исключен и выведен из употребления как способствующий ослаблению боевых сил и отдалению ожидаемого успеха и победы» [276, с. 1—27].

Вместе с тем практически во всех армиях мира активно исследуют возможности использования для преодоления страха, утомления, укачивания в боевой технике, повышения зоркости дневного и ночного зрения и т. д. различных медикаментозных препаратов (транквилизаторов, психостимуляторов, энергизаторов, актопротекторов, поливитаминов, лечебных травяных сборов и т. д.). Опыт показывает, что некоторые из них способны на время существенно расширять психологические возможности воинов, восстанавливать и продлевать их боеспособность.

Итак, можно с полным основанием говорить о том, что военная психология занимается вопросами реакции отдельного гражданина, как и всего населения, на жестокие, подчас неумолимые, требования войны. Она занимается изучением способов устранения с пути государства ошибок, которые ослабляют военный потенциал, и, наоборот, способов использования таких психологических импульсов, которые будут укреплять военный потенциал [252, с. 63].

2.3.2. Выявление характера влияния боя на психику и личность воина

Военная психология исследует влияние перечисленных выше факторов на ощущения, восприятие боевой обстановки, ориентировку, мотивацию, цели, способы и эффективность боевых действий, ценности, психические состояния, работоспособность, боевую активность, психическое здоровье.

Как отмечалось выше, лишь небольшая часть участников боевых действий испытывает в бою эмоциональный подъем, экстаз, порыв. Для большинства же воинов бой — это глубокая внутренняя драма, из которой он выходит либо победителем, либо побежденным.

«Война полна ужасов, от которых стынет кровь и холодеет мозг», «то, что открывается за завесою боя, смущает человеческий дух, и нужно что-то необычайно высокое для того, чтобы человеческая душа превозмогла страх перед тем, что представится ее телесным очам» [132, с. 70]. Люди с разбитыми снарядами и прикладами лицами, изуродованные до неузнаваемости, ужасавшие бойцов в прошлые войны во время рукопашных схваток — нередкая картина и современной войны.

К. Клаузевиц считал опасность главной стихией войны [120]. Страх в бою, действительно, одна из самых сильных эмоций. Даже храбрейшим приходится считаться с этим мучительным чувством. К страху примыкает, усугубляя его, а иногда и парализуя, чувство физической и душевной усталости.

«Голод, недостаток сна, усталость измотанных мускулов, страдания от непогоды, от растертой обувью и снаряжением кожи —

все это порой доводит человека до полного безразличия. Ему становится все — все равно. Человек тупеет и в этом отупении уже перестает владеть собою, не может напрягать свое внимание на то, что надо, — отдается во власть страха» [132, с. 44].

Стресс-факторы боевой обстановки ухудшают функционирование психики в бою. Они оказывают негативное влияние на точность восприятия элементов боевой обстановки, определение расстояний до целей, ориентировку на поле боя. В некоторых случаях у солдата может возникать эффект так называемого «туннельного» видения, когда его зрительное поле как будто ограничивается «трубой», вокруг которой — слепота. Участник боевых действий фиксирует лишь важные для него объекты — укрытия, маршруты движения к ним, источник опасности и т.д. Он утрачивает способность к полноценному боевому взаимодействию и к эффективным действиям.

У воина может нарушаться способность к концентрации внимания, наступать временная амнезия (воин забывает, что нужно делать, в какой последовательности и т.д.), ложная идиотия (когда солдат не может произвести простые вычисления, логически связать элементарные события) и т.д.

В результате «стрельба в бою дает ничтожные, в смысле поражения, результаты. Разность числа попаданий на стрельбищах и в бою определяет коэффициент падения психики под влиянием боевых переживаний. Во время смятения и паники коэффициент попадания снижается до нуля. Даже в рукопашной схватке оружие действует неверно» [133, с. 184].

По некоторым данным на одного убитого солдата во время русско-японской войны приходилось 2 500—5 000 пуль. В Первую мировую войну на каждую тонну снарядов и пуль, выпущенных из наземных систем оружия, приходилось менее одного убитого или раненого; тонна снарядов дальнобойной артиллерии убивала и ранила в среднем 22—23 человека; тонна боеприпасов, сброшенных во время воздушных налетов, убивала и ранила в среднем 32 человека [137, с. 43]. В годы Второй мировой войны для того, чтобы убить одного противника, расходовалось примерно 10 000 пуль. В локальных военных конфликтах XX в. — 50 000 пуль. А по данным английского военного специалиста К. Макнаба, во время войны во Вьетнаме на каждую пораженную американскими солдатами цель приходилось 200 000—400 000 выстрелов [12; 80; 147]. Причиной этому является не только низкая стрелковая подготовка, но и прежде всего страх.

В результате воздействия боевых стресс-факторов у военнослужащего могут возникать различные фобические расстройства, достигающие порой патологического уровня. К наиболее распространенным фобиям военного времени относят: «минобоязнь», «снайперобоязнь», «самолетобоязнь», «танкобоязнь», «атомобоязнь»

(«ядерный невроз»). Кроме этого, могут иметь место истерические реакции в виде истерической (не связанной с телесной травмой) слепоты (концентрическое сужение поля зрения, амблиопия — снижение остроты зрения, полиопия — раздвоение, растроение и т.д. наблюдаемых предметов, амавроз — полная слепота), глухоты, паралича конечностей (контрактура), судорог, ступора всего организма, плача, хохота, кашля, икоты, самопроизвольного изгибания туловища, каталепсии и летаргии (впадение в сон), истерической анестезии различных частей тела (нечувствительности) и т.д. Иногда имеет место гиперестезия — восприятие внешних раздражителей (света, звука, тактильных ощущений) как нестерпимых.

На фоне перечисленных явлений могут развиться психоневротические установки. Самая незначительная из них — желание быть раненым, радость по поводу ранения, избавляющего бойца от дальнейших боевых невзгод. Не менее вредные последствия боевого стресса — нозофилия, представляющая собой стремление к болезни и сопротивление лечению, симуляция заболеваний, членовредительство [261, с. 223—225]. В это нелегко поверить, но страх быть убитым толкает участников боевых действий на самоубийство, причем самыми изощренными, гораздо более «брутальными» способами, чем смерть от пули. Так, во время Первой мировой войны самоубийство совершили около 5 000 германских солдат.

Военная психология ставит перед собой задачу выявить причины и корреляты страха, найти «противоядие» к нему в нервно-психической и духовной организации самого воина, в окружающем его боевом социуме, в механизмах технологий психической саморегуляции, психотропных ингредиентах фармакологических препаратов, лекарственных трав. Она ставит перед собой задачи исследовать мотивацию и боевые установки воинов, специфику целей боевой деятельности, использование приемов военной хитрости и маскировки для достижения внезапности и психологического превосходства над противником и т.п.

2.3.3. Изучение социально-психологических явлений войны и боя

Почти столетие назад Н.Н.Головин утверждал: «Действия бойцов слишком тесно между собою психически связаны и слишком властно друг друга обусловливают, чтобы можно было сделать в области индивидуальной военной психологии сколько-нибудь обобщающие выводы, не считаясь с законами коллективной военной психологии», «индивидуальная военная психология должна рассматриваться лишь как вспомогательный отдел военной психологии, которая в основной своей части не может быть иной, как психологией коллективной» [62, с. 17].

Учитывая это, военная психология активно исследует такие важнейшие для воинской деятельности социально-психологические явления, как психологическая совместимость военнослужащих, сплоченность коллектива (коллективизм), лидерство, отношения ответственной зависимости и др.

Один из крупнейших военных специалистов в области морального духа войск армии США С.Л.А. Маршалл, исследуя причины боевой активности военнослужащих в годы Второй мировой войны, отмечал, что высокие идеи патриотизма, любви к ближним, стремление к справедливости в бою «свертываются» и манифестируются в виде коллективизма. Солдат идет в бой не столько «за Родину», сколько за то, чтобы не подвести боевых товарищей и не прослыть в глазах сослуживцев трусом [223].

Получившие широкую огласку зверства американских солдат во Вьетнаме многим открыли глаза на то обстоятельство, что военные действия в современных условиях принципиально отличаются от войн прошлого. Несмотря на относительно небольшое количество психически травмированных солдат — примерно 5 % от общего числа эвакуированных, — психологическая разобщенность среди военнослужащих нередко становилась причиной драматических потерь. В некоторых подразделениях существенно выросло число убийств собственных офицеров на почве отсутствия сплоченности [147, с. 23]. Имеются документальные свидетельства убийств офицеров их подчиненными в Первую и Вторую мировые войны, в корейской войне, но во время войны во Вьетнаме такие случаи приняли характер эпидемии. Существуют по крайней мере 1 013 описаний подобных случаев.

Особое значение приобретает изучение психологических механизмов превращения боевого воинского коллектива в толпу и закономерности поведения воинов в контексте *группового поведения*. Толпа, по мнению Н.Н. Головина, способна на величайший героизм и величайшее преступление [62, с. 29].

Как ни велика в бою действительная опасность, опытный солдат с нею справится. Гораздо страшнее, гораздо больше влияет на него опасность, ему внушенная. На войне под влиянием опасности и страха рассудок и воля отказываются действовать. Нередко, особенно в конце боя, когда части перемешаны, строй и порядок потеряны, когда в одну кашу собьются люди разных полков, войско обращается в психологическую толпу. Чувства и мысли солдат в эти минуты боя одинаковы. Они восприимчивы к внушению, и их можно толкнуть на величайший подвиг и одинаково можно обратить в паническое бегство. Крикнет один трус: «Обошли!», и атакующая колонна повернет назад. Начнется *паника* [132, с. 88].

Паника приводит к тому, что военнослужащий на время теряет рассудок, во всем видит опасность и руководствуется исключительно инстинктом самосохранения. Это преувеличение опасности

может быть столь велико, что, как иронизировал маршал Саксонский, «при преследовании разбитого неприятеля его можно гнать пузырями».

Можно привести десятки примеров паники, охватывавшей войска по самым глупым и странным причинам.

Например, Л.Л. Байков приводит сведения о том, что в сражении при Ватерлоо ночное преследование разбитых французов велось чуть ли не двумя людьми — генералом Гнайзенау и барабанщиком. Звук барабана в данном случае явился достаточным средством, чтобы произвести угнетающее моральное действие на еще вчера героически сражавшегося неприятеля, воображению которого рисовалось преследование всеми силами [12, с. 43].

Паническое состояние воинов может провоцировать и развитие *массовых галлюцинаций.*

В боевой обстановке активно действуют неформальные механизмы коммуникации, передающие эмоционально насыщенную, часто искаженную информацию, способную привести к групповой панике и другим психологическим проявлениям толпы. Существует своеобразный «психический телеграф», с удивительной быстротой распространяющий слухи, легенды, критику и клевету [69; 133, с. 174; 214; 261]. Военная психология ведет активный поиск закономерностей, причин быстрой распространяемости и живучести подобных массовидных явлений в коллективной психологии воинских подразделений и частей, в том числе слухов, психического заражения, подражания, внушения.

Американский военный психолог Э. Боринг доказывает, что «паника появляется при низком моральном состоянии. Хорошую почву для паники создают: слухи; недоверие командиру; противоречивые и двусмысленные приказы; неуверенность офицеров или их очевидная некомпетентность; длительное ожидание; частые ошибочные подъемы по тревоге; длительный или непонятный отход; смерть пользующегося доверием командира; действия неприятеля, угрожающие флангам, средствам связи и обеспечения; внезапные действия неприятеля, особенно с использованием нового оружия; поражение в бою; большие потери; отступление в суматохе через завалы трупов; блуждание в лесу ночью, в густой мгле или густой дымовой завесе; изоляция от своей части на территории неприятеля или угроза такой изоляции; незнание дислокации неприятеля» [19, с. 575].

Понимание сущности и психологических причин страха и паники позволяет военным психологам рекомендовать следующие мероприятия по их предупреждению и пресечению [19; 56; 174; 201; 218; 261; 267; 269; 272; 281]:

1) занятие военнослужащих конкретной деятельностью, особенно на этапе подготовки к бою. Опросники, заполненные несколькими сотнями солдат бригады Абрахама Линкольна, ветера-

нами гражданской войны в Испании, показали, что 71 % из них переживали страх перед битвой и только 15 % — во время самой акции [19]. Безделье на всех этапах боя — кратчайший путь к страху и панике;

2) формирование у военнослужащих четкого представления о противнике, задачах и условиях предстоящего боя, порядке и сигналах взаимодействия, о правилах эффективного применения оружия и боевой техники и т. д. Чем больше солдат знает о неприятеле и ситуации на фронте, тем больше он устойчив к страху, панике и дезинформации;

3) поддержание строгой дисциплины. «Дисциплина — это душа армии, от поддержания и точного соблюдения ее зависят судьба войска и успех предприятий... лишь дисциплина может объединить волю каждого в воле начальника, может понудить энергию и храбрость каждой отдельной личности слиться в общем интересе, что обеспечивает порядок и доверие, без которых храбрость и самопожертвование бесполезны» [62, с. 284]. Могучее войско может вырасти только на твердой, устойчивой почве воинской дисциплины. Э. П. Утлик считает воинскую дисциплину своеобразным социально-психологическим механизмом регуляции психологии воинского коллектива в боевой обстановке, источником мотивации, синергии, психологической поддержки, важнейшим фактором предупреждения развития страха и паники в войсках [249];

4) высокая боевая обученность воинов. В бою под воздействием стресс-факторов боя дольше сохраняются лишь те навыки действий, которые доведены в мирное время до автоматизма;

5) поддержание среди личного состава спокойствия и самообладания, предупреждение и пресечение панических настроений и слухов. Не только страх, но и самообладание является заразительным. Особенно это касается командира. Если дух начальника подавлен «и он это покажет, если он только проявит свое волнение хотя бы в нескольких указаниях, его сомнения распространятся с чрезвычайной быстротой; они удесятеряются в силе в каждой инстанции командования; приказания становятся все более и более нервными и внизу иерархической лестницы возникает беспорядок» [49, с. 21]. Паникера необходимо немедленно убрать с глаз других солдат, так как «поражение психики бойца является для горячей боевой работы более ощутимой потерей, нежели одиночная смерть бойца, не считая того, что нарушение психики не многих участников боя может расстроить и понизить психику многих других их сотоварищей, вызывая панику» [275, с. 10].

6) создание условий для развития патриотизма, веры в Бога, в справедливость, в счастливое будущее, в возможность выжить, в то, что боевые товарищи обязательно спасут, не оставят в беде и т. д. Опыт показывает, что «верующие люди на войне получают огромную моральную поддержку в религии. Но кроме моральной под-

держки, которую дает религия бойцу при переживаемой им опасности, она играет еще и другую великую роль. Война, требующая от людей величайшего самопожертвования и подвига, в то же время разнуздывает и дурные страсти в людях, усыпленное культурой мирного времени варварство». Несомненно, что религия является задерживающим началом для роста извращений психики войны [49, с. 23; 62, с. 113; 73]. Вера в справедливость войны также существенно укрепляет морально-психологическое состояние войск, порождает массовый героизм;

7) развитие представлений о природе страха, о возможностях современной медицины и о статистике потерь на войне.

Когда солдат знает, что страх является естественным состоянием, что его переживают и другие люди, в том числе неприятель, ему легче побороть это чувство.

Командиры, военные психологи должны внушить солдату, что непереносимой боли не бывает, что, «как только боль становится нестерпимой — является спасительное забытье, что зубная боль... гораздо больнее, чем боль при ранении». Рассказать солдату, что та пуля, которая чмокнула в землю или просвистела над ухом, тот снаряд, который разорвался, уже не ранят... Снаряд, который ранит, пуля, которая ударит, — их не услышишь. Рассказать ощущения ранения: «Я был ранен — какая боль? Ну, точно внезапно палкою ударило — все... Совсем не страшно.» ...Везде — на стрельбище, на учении показывать, как даже в спокойном состоянии духа много пуль летит даром [62, с. 79]. Важно рассказывать об этом, приводя конкретные, понятные и яркие примеры. Необходимо также ознакомить бойцов с достижениями современной медицины, в частности хирургии. Идя в бой, солдат должен быть абсолютно уверен в том, что санитарная служба организована образцово, что в случае ранения он *никогда не будет брошен* и что есть люди, которым вменено в специальную обязанность помочь ему при ранении, вынести его из боя и вылечить. Он должен верить, что об инвалидах войны позаботится государство, что быть инвалидом в этой стране почетно, что инвалид не тягость для общества, а славное напоминание подвига;

8) хорошее физическое состояние бойцов противодействует страху. Физически тренированный солдат больше уверен в своих возможностях, меньше боится боли, в меньшей степени подвержен утомлению, способствующему развитию страха. Он чаще использует вместо страха — гнев. Как известно, гнев и страх имеют реципрокное соотношение, т.е. не могут переживаться одновременно. Переживание гнева практически исключает возможность проявления чувства страха.

При всех прочих равных условиях, при одинаковом упорстве и военном искусстве противников, верх одерживает тот, кто оказывается более сильным физически. Кроме того, здоровье обуслов-

ливает до некоторой степени и сам боевой дух, упорство воина. По-видимому, срабатывает истина, гласящая: «В здоровом теле — здоровый дух».

2.3.4. Познание психологических особенностей управленческой деятельности в боевой обстановке

Военная психология изучает проблемы мобильности солдата, его выносливости, способности к быстрой реакции, выживаемости и предоставляет в распоряжение офицера рекомендации по управлению подчиненными в бою. Приходится считаться с личностью не только рядовых бойцов, но и начальников, в том числе самых высоких, от работы психики которых зависят как стратегическое или тактическое решение, так и приемы управления широкими массами.

С давних времен хорошо известно, что вера в превосходство своего вооружения и своей боевой обученности и еще более вера в знания, опыт и удачливость, боевое счастье своего начальника — великий моральный залог успеха. Израильские военные психологи установили, что доверие к командирам является важнейшим фактором сплочения воинского подразделения, его боевой активности и предупреждения психотравматизации военнослужащих. Даже когда падает вера в справедливость войны, уровень морально-психологического состояния воинов может оставаться достаточно высоким, если солдаты сохраняют веру в своего командира [16].

Боевой офицер и ученый Л.Л. Байков, иллюстрируя сложность задачи вести подчиненных в бой, пишет о том, что в «сердце человека происходит долгая, тяжелая борьба двух противоположных стремлений, положительного — "победить" и отрицательного — "отказаться от боя". Насколько эта борьба мучительна, видно из того, что в бою нередки даже случаи самоубийства. Уклонение же от боя — явление обыкновенное, причем некоторые, чтобы уйти на "законном основании", сами себя ранят». Под Ваграмом из 22 тыс. французов наполеоновской армии 12 тыс. растаяли, не дойдя до позиции, под разными предлогами, как то изнеможение, вынос раненых и т.д., а некоторые притворялись даже мертвыми. Во время русско-японской войны 1904—1905 гг. отмечались случаи, когда под предлогом выноса раненого, группируясь около него, с поля боя уходило по 10 человек [12, с. 81—82].

Во время Второй мировой войны американским военным психологом С.Л.А. Маршалом было установлено, что «из бойцов, которые в каждый момент боевых действий могут и должны пускать в ход вверенное им оружие, всего 15 % ведут огонь по неприятельским позициям. Если к этой ничтожной части непосредственно действующих бойцов присоединить тех, кто проявляет какую-либо личную инициативу... то процент реальных участников боя

может быть доведен до 25 %» [223, с. 50]. Эта тенденция в той или иной мере присуща всем армиям мира.

Как заметил один из боевых командиров, воевавших в начале прошлого века: «Легче везти по песку воз, нагруженный камнями, чем продвигать цепи под огнем». Большую роль здесь может сыграть знание командиром военной психологии. Прежде всего оно поможет разобраться во внутренней структуре боя с психологической точки зрения, правильно оценить моральные силы как своих войск, так и противника, принять меры к их изменению и умело использовать моральный фактор.

Известно, что на фронтах Второй мировой войны практически каждый солдат, принимавший участие в тяжелых сражениях, после пяти-десяти дней ведения активных боевых действий начинал проявлять признаки психической нестабильности. Продолжительность этого периода в значительной степени зависела от того, как было поставлено тыловое обеспечение (питание, сон и т.д.). Поэтому сон и питание подчиненных должны занимать одно из первых мест в списке приоритетов командира [147, с. 58]. Кроме того, командир должен помогать своим подчиненным побеждать чувство неуверенности и внушать им ощущение безопасности, максимально информировать их о неприятеле и его тактике, формировать у них психологическую устойчивость к неприятностям войны, настроение «психической агрессивности», принимать все меры для предупреждения голода, усталости, скуки, неизвестности, слухов и безделья [19, с. 506—508].

Кроме того, командир несет личную ответственность за качественное решение множества больших и мелких задач, «начиная с мер психологической гигиены, не допускающих заражения своих войск пораженческими идеями, а что еще хуже, вредными привычками, до сознательного использования тревожного ожидания, подавления или развития его и кончая мерами воздействия на психику противника — через всю деятельность военного начальника должна пройти мысль о психологических последствиях его распоряжений и поведения» [132, с. 165].

Кроме всего прочего командир должен быть образцом хладнокровия, выдержки, исполнения воинского долга.

Примером такого поведения на поле боя является Наполеон. В 1796 г. во время боя под Лоди успех в решающей степени зависел от взятия моста, охраняемого 10-тысячным отрядом австрийцев. Двадцать австрийских орудий вели огонь по мосту. Наполеон встает во главе гренадерского батальона и под градом пуль и разрывами снарядов в штыковой атаке овладевает мостом. Через полгода ситуация повторилась на Аркольском мосту, охраняемом лучшими частями австрийцев. Трижды французы штурмуют мост и трижды отходят под шквальным огнем противника, и тогда Бонапарт бросается вперед со знаменем в руках. Вокруг него падают солда-

ты и адъютанты, а он добегает невредимым. Бой продолжается три дня и французы побеждают [18, с. 174—175].

Неуязвимость Наполеона во многом основывалась на профессионализме. Так, на Аркольском мосту его не поразил ни один снаряд не потому, что он был «заговорен», а потому, что в основе его действий лежал тонкий расчет. Первоклассный артиллерист, он точно знал, как, через какие промежутки стреляют австрийские пушки. В эти промежутки он и проскакивал опасные участки [245].

Легендарная неуязвимость Наполеона, в конце концов, оказалась мифом: после смерти на его теле были обнаружены следы ранений, которые он скрывал [18, с. 175].

Примером полководческого мастерства и личного мужества является А. В. Суворов. За всю свою жизнь не проиграв ни одного сражения, проехав многие тысячи километров в седле, пройдя сотни военных верст пешком, в 70-летнем возрасте он совершил со своим войском беспримерный переход через Альпы.

Известный военный ученый и военачальник Н. Н. Головин подчеркивал, что различие в условиях деятельности войск и высших военных начальников столь велико, что создает как бы две различные психологии: ***психологию действующих войск*** и ***психологию высших штабов***. В тех случаях, когда это различие не учтено, оно может привести к взаимному непониманию низов и верхов армии, т. е. к моральному расслоению.

Отсюда одной из важнейших практических проблем военной психологии является решение вопроса, какими приемами связать эти две психологии, дабы даже самые удаленные от поля боя ячейки высшего управления чувствовали состояние духа войск, без чего высшее командование окажется оторванным от реальной обстановки (оно все более и более будет жить в воображаемой обстановке, будет отдавать неосуществимые приказания или же будет упускать благоприятные возможности), что в свою очередь поведет к падению доверия войск к высшему начальству и даже может вызвать враждебное отношение [49, с. 22].

В этой связи известный военный психолог Э. П. Утлик выдвинул идею о необходимости самостоятельной разработки тактической, оперативной и стратегической психологии в рамках военно-психологической науки.

2.3.5. Психологическое обоснование тактики, оперативного искусства и стратегии

Основные тактические формы выросли из психологии, из познания психологических особенностей противника, психологических возможностей своих войск, особенностей мышления неприятельского полководца, влияния тактических свойств местности, природно-географических, погодно-климатических факторов

на поведение людей и т.д. В основе многих тактических форм лежат психологические инсайты («прозрения», внезапные открытия) полководцев.

Так, великий Ганнибал решил под Каннами (216 г. до н.э.) построить свои на треть уступающие по численности римским легионам войска в виде неравномерной по прочности дуги. *Окружение войск противника*, открытое карфагенским полководцем, в то время имело скорее психологический, чем чисто оперативно-тактический успех. Соотношение римских и карфагенских войск после окружения римлян не изменилось — не изменилось количество копий, стрел, пращей, лошадей, но коренным образом изменилось соотношение морально-психологических сил. Окруженная сторона утратила свободу действий, возможность к отступлению, к активному маневру и, как следствие, — волю к победе и сопротивлению. В результате войско, на треть превосходившее противника по численности, потеряло в сражении в 8 раз больше убитыми, чем неприятель, и было разгромлено.

Эпаминонд, решившийся при Левктрах (731 г. до н.э.) выстроить свои войска «не по правилам», распределив их неравномерно по фронту, скорее всего, исходил из замеченной им приверженности спартанцев к линейной тактике действий в фаланге. Если бы он хоть на минуту допустил, что почти вдвое превосходящий его противник может проявить творчество в тактике, он вряд ли решился бы на столь радикальные и опасные эксперименты.

Царь персов и величайший полководец Кир при Сардах буквально спровоцировал Лидийского царя Креза на окружение своих войск, а сам ударил во фланги противника.

Афинский полководец Мильтиад, прекрасно осознавая преимущество своих воинов в боевом мастерстве по сравнению с многократно превосходящими персами, построил боевой порядок у Марафона (490 г. до н.э.) так, чтобы лишить противника численного превосходства. Для этого на помощь была призвана местность, позволявшая одновременно вступать в бой лишь части персидских воинов.

По существу комплекс принципов военно-психологического искусства, предполагающих неравномерное распределение сил по фронту, обход, охват, окружение противника, выделение резерва и другие, использовался Александром Невским (1242 г.) против крестоносцев, Дмитрием Донским (1380 г.) против татаро-монгольских полчищ, Иваном Грозным (1552 г.) против татарских войск.

Сегодня принципы сосредоточения основных сил на главном направлении, наличия резерва, рационального использования местности, введения противника в заблуждение и т.д. известны каждому командиру. Они обезличены, их психологическое содержание затерялось в строгих формулировках боевых уставов, но они

применимы лишь в тех случаях, когда психологические переменные вооруженного противоборства находятся в тех же соотношениях, как в сражениях при Каннах, Левктрах, Садрах, Марафоне, когда войска возглавляют современные «ганнибалы», «киры», «мильтиады», «эпаминонды», «александры», «иваны» и др. Например, попытка окружения частей Красной Армии в районе Курской дуги (1943 г.) завершилась для фашистских войск полным разгромом, причем с использованием той же «кировой» тактики. А вот разгром фашистских войск под Сталинградом (1943) не зря называют Каннами XX века, так как советскому командованию в полной мере удалось на стратегическом уровне реализовать окружение и разгром противника.

В истории военного искусства хорошо известен такой пример: на определенном этапе своего развития отечественное военное искусство рассматривало систему обороны как совокупность одиночных ячеек для стрелков. На этот счет приводились соответствующие тактические расчеты и обоснования. Однако, как оказалось, человеческая психика предъявляет свои требования к тактике обороны. Многие известные побудители боевой активности (коллективное мнение, настроение, оценки, санкции, психическое заражение, подражание, межличностное влияние и др.) при «ячеистой» обороне не срабатывали. Зато, по мнению К. К. Рокоссовского, усиливалось беспокойство, стремление воинов выбежать и заглянуть, сидят ли его товарищи в своих гнездах или уже покинули их, а он остался один. В результате понимания этого факта военными руководителями, советские войска уже в ходе войны отказались от ячеистой системы обороны и вновь перешли к траншейной.

Выдающиеся отечественные и зарубежные военные ученые, учитывая роль психологии в искусстве ведения боевых действий, утверждали, что «военная психология — душа тактики, обучения и воспитания войск, т. е. всей деятельности офицера» [252, с. 59]; «современная тактика требует не только от начальника, но и от рядового бойца знания, инициативы и умения воздействовать на других, словом, тактика сделалась более психологической» [75, с. 123, 30]; «прямым следствием изучения психики бойца в бою должна явиться выработка приемов сознательного применения законов военной психологии в практическом военном искусстве, т. е. в тактике и в стратегии» [57, с. 165]; «военная психология является... вспомогательной наукой для стратегии и тактики, в особенности к первой, которая является высшей синтетической (обобщающей) военной наукой [49, с. 19]; «как алгебра, приложенная к геометрии, родит новую дисциплину — аналитическую геометрию, так и военная психология, правильно примененная в стратегии и тактике, создаст в будущем новое умение сознательно использовать неисчерпаемые запасы психологической энергии для

достижения целей победы» [57, с. 165—166]; «командир должен делать все необходимое для выполнения возложенной на него задачи... около 80% его задачи заключается в поднятии морального состояния своих подчиненных» [252, с. 61].

Масштабы ведения современных боевых действий, иерархия управленческих систем, участвующих в принятии решения на бой конкретной воинской части, не всегда позволяют точно установить авторство того или иного решения. Нередко успех боя разделяют многие, а неуспех — один командир. Военная психология призвана сделать все, чтобы в боевых уставах, определяющих ход боевых действий, были имплицитно представлены механизмы использования психологических закономерностей достижения победы над противником, и чтобы каждый командир в полной мере мог использовать психологические возможности своих воинов.

2.3.6. Психологическое обоснование целей, принципов и методов боевой подготовки войск

Военная психология родилась с убеждением, что систематическое изучение психики бойца в бою окажет влияние не только на чисто научную часть этой дисциплины, но и даст возможность научно подойти к практическим заданиям по выработке наиболее рациональных приемов обучения, подготовки и воспитания бойца, которые обеспечили бы максимально полезную реакцию его на опасность во время боя [57, с. 163].

Боевая подготовка войск является основным видом их деятельности в мирное время и важнейшим условием достижения способности решать конкретные задачи в боевой обстановке. Главным ее принципом, выработанным военной психологией и педагогикой и проверенным кровью солдат многих армий мира, является принцип «учить войска тому, что необходимо на войне».

Реализация принципа «учить войска тому, что необходимо на войне» предполагает, что учить воинов следует прежде всего умению чувствовать и понимать бой. Для решения этой задачи вся система боевой подготовки должна быть пронизана логикой боя.

Анализ боевого опыта действий войск в Афганистане и Чеченской республике, изучение наставлений по тактической подготовке и тактике действий личного состава разных армий и иррегулярных формирований показывает, что поле современного боя практически пустынно. Это явление наблюдалось уже в ходе Первой мировой войны, когда наметился переход к действию войск не в развернутых цепях, а в составе боевых групп. Солдаты всех армий обучаются грамотному использованию защитных свойств местности, маскировке, быстрому перемещению от укрытия к укрытию, ведению безопасного наблюдения, т.е. умению «не светиться» на поле боя, не быть мишенью для противника и т.д.

В этих обстоятельствах главным условием уничтожения противника в бою является своевременное его обнаружение, быстрое производство расчетов для ведения меткого огня, четкое выполнение операций по производству выстрела, обеспечение собственной безопасности.

Неслучайно в военной психологии устоялось представление о том, что в процессе боевой подготовки важнейшими проблемами, подлежащими научному исследованию и практическому решению, являются наблюдение и действия.

На основании изучения особенностей наблюдения строится система войсковой и стратегической маскировки. Сегодня можно только восхищаться, что во время блокады Ленинграда, когда 900 дней и ночей город бомбили вражеские бомбардировщики, вели беспрерывный огонь тысячи крупнокалиберных орудий, именно с помощью психологических рекомендаций по маскировке удалось спасти величайшие шедевры отечественной культуры — здания Зимнего дворца, Исаакиевского и Кафедрального соборов, Адмиралтейства и др.

Неучет же закономерностей восприятия элементов боевой обстановки чреват крайне негативными последствиями. Так, еще в конце XIX в. психологи установили, что источники синего цвета в ночное время видны на большом расстоянии и нарушают темновую адаптацию глаз, а источник красного света, напротив, виден на меньшем расстоянии и не мешает темновой адаптации. Несмотря на это, в 1939 г. Париж и Лондон перешли на частичное затемнение путем применения синего света; синий свет применялся и для освещения орудийных башен боевых кораблей. Такое освещение постоянно ухудшало ночное зрение тех, кто защищал эти города, расчетов корабельной артиллерии, и был лучше всего виден пилотам немецких бомбардировщиков. Трудно сказать, сколькими человеческими жизнями заплатили французы и англичане за психологическую неосведомленность.

Американские военные психологи, напротив, уделяли исследованию вопроса темновой адаптации глаз большое внимание. Это позволило У. Р. Майлсу в 1941 г. разработать эффективные методы темновой адаптации при выполнении сложной, требующей освещенности работы. Майлс сконструировал плотно прилегающие красные очки, в которых можно было работать в освещенном помещении и в течение 30 мин адаптироваться к темноте. Другими словами, человек, надев такие очки в освещенном помещении, через полчаса мог спокойно выходить в ночь, и, сняв очки, сразу же действовать так, как будто он длительное время специально адаптировался к темноте. Эта работа дала гигантский эффект: освещение кораблей в боевых условиях стало производиться только красным светом невысокой интенсивности, а очки Майлса стали широко использоваться военнослужащими всех родов войск [252, с. 27—28].

Психологи выработали конкретные рекомендации воинам по ведению эффективного наблюдения в ночное время. Например, рекомендуется не сосредоточивать внимание на формах, а следить за силуэтами, сочетая зрительное наблюдение с использованием различных органов чувств [147, с. 186]. С целью их активизации в ночных условиях в элитных войсках применяется следующая методика: солдат становится под углом 45° к направлению ветра, расслабляется, дышит ровно, а затем делает быстрые и частые выдохи. Услышав посторонний звук, он поворачивает голову из стороны в сторону, пытаясь определить точное направление источника звука. Звуки, воспринимаемые спереди и сбоку, могут ввести в заблуждение, если отсутствует иная чувственная информация. Именно поэтому, определяя направление, следует поворачивать голову [147; 152].

Исследуя процессы и схемы действий воина, психологи также вырабатывают практические рекомендации по оптимизации их выполнения. Например, специалистами, исследовавшими эффективность применения стрелкового оружия в бою, были выявлены следующие закономерности: с расстояния, не превышающего 25 м до цели, эффективнее вести огонь в автоматическом режиме, при стрельбе на расстояния, превышающие 50 м, наиболее эффективным считается полуавтоматический режим ведении огня (2—3 выстрела в серии), так как уже четвертая пуля гарантированно не попадает в цель. При бое в ограниченном пространстве, при видимости до 50 м[1], стрельба с использованием прицельных приспособлений уходит на второй план. Солдат должен уметь стрелять «от бедра» («от живота») на расстояния до цели до 25 м и «навскидку» на бо́льшие расстояния. Лишь на расстоянии более 50 м до цели прицельное приспособление востребуется вновь. Учитывая, что оружие при автоматической стрельбе поднимается вверх вправо, стрелок должен целиться в нижний левый (от стреляющего) угол корпуса противника, так как при этом вероятность попадания в цель увеличивается.

В опасных ситуациях следует держать приклад автомата упертым в плечо, а дуло слегка опущенным. Это дает возможность привести оружие к бою быстрее, чем из любого другого положения. Учитывая анатомическое неудобство поворачивать оружие вправо, следует «закручивать» бой по часовой стрелке (налево от себя). При этом «закручивающий» получает преимущество в скорости, удобстве стрельбы, а противник вынужден будет постоянно менять огневую позицию, обнаруживать себя движением.

При попадании подразделения в засаду главным считается не дать убить себя в ближайшие 30 с, пока огонь попавших в засаду

[1] Например, при бое в населенном пункте около 90 % всех целей находится на расстоянии менее 50 м.

не организован, а нападающий использует эффект внезапности. Любой противник рассчитывает на то, что ответная стрельба начинается в среднем через 7—8 с, а организованное сопротивление наступает через 20—25 с, поэтому чаще всего он планирует отход через 30 с боя. Лучший вид действий в данном случае — эффективный ответный огонь по противнику или немедленная его контратака [152, с. 223, 273]. Если солдат не обучен таким методам стрельбы и действий, он априори проигрывает противнику в скорости открытия огня, точности поражения боевых целей, привычности и удобстве действий.

Ночью при ведении огня с любого расстояния наиболее эффективной является стрельба короткими очередями (по 3 патрона). Полоска белой пленки, наклеенная вдоль ствола, улучшает эффективность стрельбы. Солдаты, привыкшие корректировать огонь по следу трассирующих пуль, при стрельбе обычными патронами показывают худшие результаты, чем те, кто никогда их не использовал [147, с. 110—111].

Однако, как показывает анализ, нередко своеобразная боевая неподготовленность войск к боевым действиям в локальных военных конфликтах «закладывается» существующей системой боевой и психологической подготовки войск. Изучение действующих курсов стрельб, в соответствии с требованиями которых осуществлялась подготовка мотострелковых войск для участия в военных событиях в Афганистане и Чеченской республике, свидетельствует, что в ряде случаев они формируют у военнослужащих неверную, искаженную картину боя.

Так, реальные цели, наблюдаемые военнослужащими в бою, имеют мало общего с мишенями, на которых осуществляется их огневая подготовка. Если они и становятся видимыми, то лишь на мгновения. Они, скорее, не появляются, а «мерцают» на поле боя. Визуальный размер реальных целей в 1,5—3 раза меньше, чем учебных [105]. На это столетие назад обращали внимание военные психологи, рекомендуя тренировать стрелков по «малозаметным, плохо видимым, трудно отыскиваемым невооруженным глазом целям», так как «только такие цели в бою и будут. Цели будут не только мало заметными, но и быстро исчезающими. Поэтому надо тренировать командиров в быстрой и точной подаче команд, а солдат в быстром отыскании целей» [162, с. 49, 50].

В действующем с 1989 г. «Курсе стрельб из стрелкового оружия, боевых машин и танков Сухопутных войск» предъявляются следующие требования к условиям выполнения 1-го упражнения контрольных стрельб из автомата, которое, по существу, является своеобразной проверкой на зрелость для воина-мотострелка. Расстояние до целей установлено от 200 до 400 м. Время их демонстрации составляет от 10 до 30 с, а скорость движения постоянна и равна 2—3 м/с. Направление появления целей всегда одно — с

фронта. Воин выполняет упражнение в одиночку, медленно перемещаясь по четко обозначенному направлению.

Практика боевых действий в локальных военных конфликтах показывает, что условия данного упражнения и реальная боевая обстановка существенно различаются в когнитивном, моторном, организационно-деятельностном планах. Солдаты противника перемещаются по опасным участкам на скорости 4—5 м/с, по сложным траекториям. Время их передвижения от препятствия к препятствию составляет, как правило, не более 3 с. К тому же группы их поддержки в ходе таких перебежек ведут интенсивный огонь по противнику.

Опрос участников боевых действий показывает, что некоторые из них в боевой обстановке ни разу не пытались вычислить расстояние до цели, выставить в соответствующее положение прицельную планку при бое на равнинной и в горной местности, а вели огонь с «годной на все случаи жизни» планкой в третьей позиции[1]. Во время огня ими не велось наблюдение за местом попадания пуль (фонтанчики пыли, осколков и т. п.). Они не учитывали особенностей баллистики трассирующих пуль, стреляли преимущественно по противнику, совершающему перебежки, а не по ведущему огонь. Не были готовы в условиях ведения боя в ограниченном пространстве (в населенном пункте, в системе коммуникаций, в «зеленке», в горах и т.д.) стрелять из автомата методами «от бедра», «навскидку». Такое игнорирование психологических аспектов стрельбы не могло не сказаться отрицательно на результатах огневого поражения противника.

Воины в бою нередко стреляют, не глядя в сторону противника, высунув автомат из окопа, либо вовсе не ведут огня на протяжении всего боя и возвращаются из него с полным боекомплектом.

Вследствие несовпадения визуальной и операциональной схем боя с имеющимися у военнослужащих представлениями возникает несколько опасных для боя психологических феноменов. Во-первых, реальный уровень огневого мастерства военнослужащих в бою оказывается настолько низким, что порой не позволяет успешно решать поставленные задачи. Это происходит потому, что военнослужащие не обучены быстрому обнаружению, опознаванию и поражению реальных боевых целей. Во-вторых, неудачи создают основу для возникновения у участников боевых действий недоверия к собственным способностям и возможностям своего оружия.

---

[1] Г. Хаханьян из опыта Первой мировой и гражданской войн приводит аналогичные примеры: стреяки и пулеметчики обыкновенно не пользовались прицелами. Винтовки с прилипшими от ржавчины прицельными рамками или винтовки без прицелов, или винтовки с заржавелыми прицелами, с невидимыми делениями не были редкостью на войне. Это объясняется неупотреблением прицела в бою [261, с. 193—194]. Между тем изменение положения прицела на одно деление соответствует расстоянию в 100 м.

Все это во время боевых действий в Афганистане и в ходе военных событий в Чечне требовало переподготовки военнослужащих для ведения боевых действий в условиях военного конфликта. Причем такая переподготовка строилась не на основе каких-либо документов, а всякий раз на вновь приобретаемом боевом опыте.

Противник стремился использовать отдельные психологические особенности наших военнослужащих против них (например, некоторую безалаберность, неспособность выносить уроки из неудач, слабую дисциплинированность и др.). Наглядным примером может служить применявшаяся афганскими моджахедами тактика «провоцирования огня» и «ловли на приманку» при ведении действий в дефиле и ущельях. Она сводилась к следующему. По вошедшей в ущелье колонне наших войск с расстояния 2—3 км производилось несколько демонстративных выстрелов. В ответ нашими бойцами открывалась интенсивная и нередко беспорядочная стрельба по обозначенным противником позициям. В это время хорошо замаскированные снайперы противника с небольших расстояний, по существу в упор, расстреливали наших военнослужащих. В результате среди участников боевых действий в Афганистане длительное время был распространен миф о чрезвычайной меткости моджахедов и сверхъестественных возможностях их оружия. Это, в свою очередь, подрывало веру в свои силы и возможности своего оружия. В основе успешности этого тактического приема лежит низкий уровень дисциплины огня, характерный для наших подразделений.

В связи со сказанным, задачей военной психологии является показ того, как тактические ошибки сказываются на психических состояниях, мотивации, боевой активности воинов и результатах боевых действий. Необходимо внедрять в боевую подготовку войск когнитивные (зрительные, смысловые, познавательные) модели конкретных видов боя, добиваясь того, чтобы элементы этих моделей (характерные цели для поражения, их динамическое изменение, взаимодействие, степень важности в конкретной ситуации боя и т.д.) материализовались в структуре и динамике изменения мишенной обстановки учебных полей, в условиях выполнения упражнений по огневой подготовке, методах проведения учебных занятий.

Об эффективности психологического «проникновения» в боевую подготовку свидетельствует следующий факт. Благодаря рекомендациям психологов и введению «ускоренного» курса обучения артиллерийских расчетов для подготовленных военнослужащих лишь в одном учебном центре армии США в годы Второй мировой войны всего за полгода было сэкономлено 8 000 человеко-часов, не считая времени работы инструкторов. Общее время, сэкономленное по этой программе, составило 2 000 человеко-лет [223, с. 42].

2.3.7. Разработка теории и технологий психологической подготовки военнослужащих к боевым действиям

Психика нормального человека без специальной подготовки к действиям в боевых условиях не способна выдержать воздействия боевых стресс-факторов. Г. Е. Шумков в самом начале XX в. предупреждал: «Чтобы победить в этой кровавой битве, одного “желания”, “пыла”, “дозы самоуверенности”, “желания быть героем” и даже “умереть” в настоящее время мало». Он доказывал, что «помимо... технической подготовки», необходима подготовка «психологическая». Психологическая подготовка во многом состоит в том, чтобы «честно, откровенно, правдиво и деловито познакомить воинов с их будущей деятельностью и обстановкой. Они должны отчетливо осознавать, что война — не торжественная прогулка и даже не ряд возвышающих душу боев, а сплошные тяготы бивачной, походной, сторожевой службы, с их трудностями, лишениями, болезнями и потерями. Что современные войны выигрываются не лихими, самоуверенными наскоками и распущенными знаменами, а настойчивым измором врага... нередко подвергаясь крайнему истощению, неудачам и даже поражениям, захлебываясь порою в крови» [275, с. 76].

Для того чтобы действовать с максимальной эффективностью, солдат должен адаптироваться к психологическому воздействию боевой обстановки.

Пожалуй, наиболее эффективным средством психологической подготовки военнослужащих к бою, повышения сопротивляемости солдата к травмирующему воздействию боевого стресса является методика «боевой адаптации», или «прививка боем». Боевая адаптация происходит в процессе тренировки солдата в условиях, максимально приближенных к боевым, и основана на специфических механизмах функционирования человеческого мозга. В ходе обработки информации и использования информации любое новое впечатление сопоставляется с хранящимся в памяти аналогичным переживанием, и на основе этого анализа намечается план будущих действий. В зависимости от схожести ситуаций в настоящем и прошлом человек выносит суждение и принимает решение. В случае если в памяти не содержится соответствующей «записи», человек вынужден действовать с «чистого листа». Природа боя такова, что только фактическое участие позволяет получить о нем представление. Такое представление позволяет получить методика боевой адаптации [147, с. 40, 41, 59].

Известный западный специалист по боевой подготовке Р. Ригг, подчеркивая особую важность создания у военнослужащих объективного представления о современном бое, отмечает, что солдаты должны научиться «жить среди отвратительного запаха смерти. Чтобы успешно воспроизвести боевую действительность, надо

воздействовать на чувства. Солдат надо приучить к потерям, они должны видеть, как падают убитые и раненые, и усвоить, что сохранить жизнь и добиться успеха легче, сделав бросок на 50 м, чем укрывшись за большим камнем. Надо приучить солдата к дьявольской атмосфере огня и смерти... чтобы он чувствовал себя среди огня, дыма и смятения, как в обычной обстановке, и действовал — стрелял, двигался, сражался»; ...«лучшим памятником... погибшим в борьбе за обеспечение свободы, является учебное поле, приближенное к боевой действительности» [204, с. 16, 31].

Аналогичного принципа психологической подготовки войск придерживаются в армии Израиля. В наставлении по психологической подготовке одно из таких «полей сражения» описано следующим образом: «Деревня, вернее ее развалины, кругом валяются трупы "убитых", ощущается тошнотворный запах. Среди обломков мебели видна детская игрушка с оторванной ногой, на оконной раме болтается женский чулок. Всюду битая посуда. На пороге разрушенного дома лежит "труп" хозяйки с проломленным черепом, густо облепленный мухами. Из-под обломков торчат ноги хозяина. Все это хорошо дополняется смрадом пожара, имитируемого при помощи дымовых шашек» [цит. по: 105, с. 12—14]. В результате создания реалистичных «картин» поля боя, его вид перестает быть травмирующим для солдат.

В разных армиях мира для подготовки эффективных бойцов используют различные способы их предварительной адаптации к условиям боевой обстановки. Так, южноафриканских коммандос, вооруженных лишь стрелковым оружием, оставляют на двое суток на местности, поросшей кустарником, где они должны выжить в условиях иссушающей африканской жары и в окружении диких зверей. При подготовке российского спецназа в учебном бою вокруг головы спецназовца свистят пули, в непосредственной близости от него рвутся боевые снаряды и даже применяются средства химического поражения. Солдаты норвежской Королевской морской пехоты в полном обмундировании прыгают в полынью и самостоятельно выбираются из нее. Во время вьетнамской войны американских солдат усаживали перед экраном телевизоров и часами показывали ужасающие сцены насилия. Считалось, что воин, знакомый с видом человеческих страданий, будет не так шокирован видом реальных жестокостей... Частью подготовки кадетов морской пехоты США является недельное пребывание в травматологическом отделении крупного медицинского учреждения, где они привыкают к виду тяжелых ранений и внезапной смерти. Таким образом, будущие офицеры адаптируются не только к виду, но и к звукам и запахам, сопровождающим тяжелораненых, с которыми они неизбежно столкнутся в районе боевых действий... В процессе подготовки американских «морских львов» и «тюле-

ней» их оставляют «замерзать» в ледяной морской воде. В Эквадоре инструкторы специальных подразделений в качестве пособий по анатомии человека используют трупы. Применение боевых патронов на учениях разных армий приучает солдат к звукам, которые сопровождают применение огнестрельного оружия в конкретной обстановке [147, с. 65, 107, 175].

С аналогичными целями используются и такие приемы, как длительное пребывание в темном помещении, тушение огня, прыжки с высоты, удары током небольшой силы, прицельная стрельба при близких разрывах гранат.

Эффективность подобных мероприятий психологической подготовки была доказана еще во время Русско-японской и Первой мировой войн. Г. Е. Шумков писал, что «...предварительное ознакомление воинов с реальными явлениями в бою — в смысле боевой деятельности — есть предварительное накопление боевого опыта, а следовательно, и рациональная борьба с вредным влиянием сильных переживаний на психику воинов при чувствах тревоги и страха» [280, с. 100].

Формируемая в процессе психологической подготовки военнослужащих субъективная картина предстоящих действий должна носить предельно конкретный характер, быть максимально «привязанной» к тем природно-географическим, погодно-климатическим, социально-политическим и боевым условиям, в которых будет осуществляться решение боевых задач. Солдат должен задолго до прибытия к месту боевых событий психологически адаптироваться к визуальным, аудиальным, кинестетическим элементам боевой обстановки, перестроить динамику своих биоритмов, привыкнуть к реальной физической нагрузке, характерной для современного боя, пройти процесс «врабатывания».

Учитывая эти рекомендации военной психологии, в ходе подготовки к проведению операции «Буря в пустыне» в 1991 г. с американскими сухопутными частями в США и Саудовской Аравии было проведено около 200 учений бригадного масштаба. Еще более серьезная боевая и психологическая подготовка осуществлялась в этот период с летным составом ВВС. На авиабазе Неллис (штат Невада) была создана обстановка, максимально приближенная к боевой. В частности, в этих целях имитировалась в натуральную величину вся территория Кувейта, был создан единый каталог целей (для этого использовались специалисты, строившие объекты в Кувейте и Ираке). К обучению летчиков привлекались их коллеги из Германии, освоившие МиГ-29, и французы — специалисты по самолетам «Мираж», так как эти типы самолетов составляли основу истребительной авиации Ирака. Интенсивность полетов в американских частях в Саудовской Аравии в декабре 1990 г. составляла около 3 000 вылетов в сутки и приближалась к той, которая ожидала летчиков в войне (4 500 вылетов в сутки)

[50; 105]. Не менее тщательная и многоплановая подготовка предваряла ныне осуществляющуюся агрессию США в Ираке.

Наряду с методами «показа поля боя», привнесения в процесс боевой подготовки психологических элементов, схожих по своей структуре и содержанию с психологическими факторами боя, предварительной адаптацией к бою, в последнее время психологами разрабатываются специальные «психологические» методы психологической подготовки. Некоторые из них основаны на идеомоторном эффекте, при котором мысленное представление каких-либо действий сопровождается микродвижениями частей тела человека, позволяющими в определенной степени тренировать нужные движения. Такая тренировка давно используется для подготовки летчиков к полету, гимнастов, фехтовальщиков, стрелков и др.

На базе идеомоторного феномена С.Дудиным разработан метод словесно-образной психорегулирующей тренировки [61]. В ее процессе бойцы вводятся в легкий транс и им с помощью словесных формул, выстроенных по определенной схеме, рисуется полимодальная (зрительная, слуховая, ольфакторная — запаховая, эмоциональная, двигательная и т.п.) картина предстоящих действий по решению конкретной боевой задачи.

Аналогичный метод, называемый «Самогипноз-2», разработан зарубежными психологами. Он предполагает, что солдат мысленно представляет опасную ситуацию и себя, действующего отважно и решительно. Мозг запоминает этот сценарий как модель для будущих действий. Человеческий разум устроен таким образом, что его «файловая система» не способна отличить воображаемые события от произошедших в реальности. Следовательно, солдат, которого пугает артиллерийский огонь, может сделать себе профилактическую «прививку» против боевого стресса, представляя, как он успешно и хладнокровно справляется с боевой задачей под шквальным огнем противника [147, с. 70, 75—76].

Американские военные психологи выработали своеобразные законы психологической подготовки: 1) солдат, который действует успешно в состоянии стресса в период учебы, будет успешно действовать и в бою; 2) обучение, которое повышает самоуверенность солдата, готовит его к успешным действиям и в состоянии стресса; 3) уровень общего развития не сказывается на поведении в стрессовой ситуации; 4) физическое состояние, черты характера, оснащенность, подготовленность, опыт предопределяют успешность действий в стрессовой обстановке [252, с. 58].

Перечисленные научные наработки в отечественной и зарубежной военной психологии позволяют создавать современные методики психологической подготовки, рассчитанные на воспитание вдумчивых и сообразительных воинов, чья способность к адаптации сочеталась бы с высоким интеллектом и личной отвагой, готовностью к быстрому переключению от активных боевых

Таблица 1

Методы психологической подготовки военнослужащих

Название группы методов	Методы психологической подготовки
Когнитивные	Психологическое просвещение. Макетирование поля предстоящего боя. Моделирование (имитация) действий противника в реальных пространственно-временных параметрах с последующим групповым обсуждением их сильных и слабых сторон. Моделирование боевых событий с использованием тренажеров и компьютерных систем
Сенсорные	Психотехники адаптации органов чувств к условиям предстоящих действий (например, темновая адаптация, снижение порогов слуховой чувствительности)
Аффективные	Психотехники группового эмоционального заражения и мотивации (мобилизующие митинги; собрания-обещания; призывы; обращения; встречи с жертвами насилия противника и др.). Самоубеждение и самовнушение. Методика словесно-образного эмоционально-волевого управления состояниями. Аутотренинг. Активная и пассивная мышечная релаксация. Экспресс-методики психической саморегуляции. Сенсибилизация и десенсибилизация
Операциональные	Идеомоторная тренировка. Тренажерные методики. Тактико-специальные занятия с имитацией действий конкретного противника и психологических факторов боя
Комплексные	Гетеротренинг. Ситуативно-образная психорегулирующая тренировка. Социальное моделирование (моделирование инцидентов с местным населением). Трансовые методики и гипноз. Психологические операции, поддерживающие боевые действия. Расстановка личного состава с учетом: а) психологической совместимости, б) боевого опыта, в) динамики переживания страха. Расстановка боевого актива
Фармакологические	Применение фармакологических препаратов (психостимуляторов, актопротекторов, ноотропов, транквилизаторов и др.), поливитаминов, лекарственных травяных сборов и др.

действий к повседневной работе в условиях локального военного конфликта и решения миротворческих задач. В таблице 1 представлена совокупность методов психологической подготовки, имеющихся в распоряжении командиров и военных психологов.

2.3.8. Обоснование задач и способов психологического сопровождения боевых действий

На уровне сегодняшних представлений военно-психологической науки психологическое сопровождение боевых действий предполагает непрерывный психологический мониторинг (прогнозирование, изучение, оценка) боевой обстановки, уровня утомления, качества сна, психогенных потерь среди личного состава, а также психологическую поддержку и реабилитацию психотравмированных военнослужащих, защиту войск от психологических операций противника.

Страх, рождаемый боем, может вызвать панику, провоцировать возникновение у военнослужащих *боевых психических травм* — психогенных расстройств, характеризующихся различным временем их проявления, глубиной деформации психических функций и личностных структур, объемом требуемой психологической или психиатрической помощи.

В военной психологии в качестве важнейшей характеристики боя принято рассматривать соотношение психических и физических травм (потерь). С усовершенствованием средств поражения наблюдается тенденция нарастания общего объема психотравматизации военнослужащих в боевой обстановке, а также изменения соотношения психических и физических потерь в пользу первых.

О реальных масштабах психотравматизации военнослужащих в современной войне говорят следующие данные. В Первую мировую войну 106 000 американских военнослужащих обращались за медицинской помощью по причине психических расстройств. Из них 69 000 были признаны полностью небоеспособными и демобилизованы, 36 600 госпитализировались на срок от нескольких недель до нескольких месяцев. Во Второй мировой войне более 1 393 000 американских солдат на тот или иной срок утрачивали боеспособность в связи с психическими расстройствами. Только в наземных силах сухопутных войск 504 000 человек было выведено из строя по причине психотравматизации. Такого количества военнослужащих вполне достаточно для укомплектования 50 пехотных дивизий [39].

Из 1 587 040 американских военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях в Корее, 33 629 погибли, 109 284 были ранены, 24,2 % непосредственных участников и очевидцев боевых действий потребовалась квалифицированная психологическая и психиатрическая помощь. Во время боевых действий во Вьетнаме

за медицинской помощью по причине психических расстройств обращалось 35 200 человек [39].

Во время войны в Персидском заливе (операция «Буря в пустыне») больных с психическими расстройствами было больше, чем 467 (именно такое количество было убито и ранено во время боевых действий) [54].

В отечественной и зарубежной военной психологии пройден долгий и трудный путь к пониманию сущности психологической травмы. Первоначально, в годы Первой мировой войны и в начальный период Второй мировой войны, ученые полагали, что психотравматизации на поле боя подвергаются исключительно лица со слабой, неустойчивой психикой, имеющие изъяны в личностных структурах. То есть те, кто исходно предрасположен к психическим расстройствам. По существу, психическая травма и трусость на поле боя рассматривались как синонимы не только самими участниками боевых событий, но и психологами, психиатрами, врачами. Боевая практика войск скорректировала данные представления. Несмотря на титанические усилия, предпринятые в ряде стран по выявлению лиц с неустойчивой психикой, отсеиванию их в процессе психологического отбора, психологические потери имели тенденцию к росту. Все это заставило по-иному взглянуть на этиологию психической травмы.

Позже было установлено, что любой человек может стать психической жертвой на войне. В каждом человеке поровну заложено всего, чтобы стать героем или трусом. Солдат, сегодня вызывающий восхищение, завтра может стать психопатом. «Нервные расстройства, — подчеркивает американский военный психолог Р.А. Габриэль, — закономерный результат воздействия сильнейших психических нагрузок на разум обычного человека. Это реакция психически здорового человека на ужас смерти, и психический сдвиг — средство, с помощью которого он стремится избежать этого ужаса» [39]. И молодые солдаты, и ветераны боевых действий в одинаковой степени предрасположены к нервному срыву.

Аналогичной позиции придерживаются шведские специалисты Я. Агрель и Л. Люнгберг. Условия возникновения невроза на поле боя, отмечает Я. Агрель, те же самые, что и в мирных условиях: требования окружения, предъявляемые к личности, оказываются бóльшими, чем *ее психологический ресурс*. Поэтому стресс и его конкретное проявление на поле боя — страх — есть нормальная реакция человека [283, с. 248]. Л. Люнгберг также указывает на то, что именно превышение боевым стресс-фактором силы своего воздействия на человека, обладающего ограниченным *психологическим ресурсом*, является причиной психических расстройств на войне [364, с. 256].

Идея психологического ресурса воина и его соответствия психологическим условиям боевой деятельности представляется весьма

конструктивной и эвристической и для российской военной психологии.

Израильские специалисты в ряде исследований получили данные, несколько отличные от указанных. В частности, ими установлены прямые корреляции между отсутствием боевого опыта, наличием ранее полученной боевой психической травмы и возможностью развития психического расстройства в процессе боевых действий [16]. Боевые действия в Ливане (1982 г.) показали, что те военнослужащие, которые с самого начала имели высокую сопротивляемость организма к гиперстрессовым состояниям, оставались более стойкими к ним и в дальнейшем. При этом выявлены различия в динамике психотравматизации личного состава в зависимости от уровня интенсивности боевых действий.

Рассмотрение проблемы психологических потерь как наиболее острой и злободневной закономерно влечет за собой признание деятельности по оказанию психологической помощи военнослужащим в преодолении неблагоприятных боевых стрессоров в качестве ведущей задачи психологического обеспечения боевых действий войск и приоритетного объекта военно-психологического исследования.

Попытки русских врачей диагностировать и лечить последствия боевого шока в Русско-японской войне 1904—1905 гг. ознаменовали рождение военной психиатрии и патопсихологии. Тогда впервые в боевой практике вблизи линии фронта была развернута сеть амбулаторных пунктов, укомплектованных психиатрами (неврологами), другим медицинским персоналом (помощник врача и 3 ассистента), транспортом и соответствующими средствами. В непосредственной близости от зоны боевых действий в городе Харбине был развернут (также впервые в военной истории) центральный военный госпиталь по лечению психических расстройств. Позже были сформированы специальные поезда для эвакуации таких больных в Москву.

Именно в годы Русско-японской войны применялась схема оказания психологической помощи, которую впоследствии приняли за основу в армиях США, Великобритании, Израиля и других стран.

Становление системы психологической помощи военнослужащим в разных армиях мира показывает, что оно шло непросто — по спирали, по закону «отрицания отрицания». Так, вначале к психотравмированным военнослужащим относились как к больным и эвакуировали их из районов боевых действий в глубокий тыл. Во время Первой мировой войны англичане вывозили их в госпитали и санатории на побережье Ла-Манша и на территорию страны. В результате большинство из них на фронт не вернулось. Французы под давлением общественности страны были вынуждены отказаться от такой эвакуации и лечили пострадавших от психических травм в непосредственной близости от передовой. В итоге

процент военнослужащих, возвратившихся в свои части, здесь был значительно выше, чем в английской армии.

Американские военные медики и психиатры в ходе этой войны убедились в том, что большинство психических расстройств на поле боя не является следствием травм головного мозга, а объясняется сугубо психологическими факторами. Несколько дней отдыха в ближайшем тылу позволяли восстановить утраченное психическое равновесие. Американские специалисты практически сразу отказались от применения электрошока и гипноза при оказании психологической помощи и достигли 40%-ного уровня восстановления и возвращения в строй пострадавших [39].

Израильское военное командование длительное время игнорировало опыт организации психологической помощи военнослужащим в бою, накопленный в других странах. Категории «психологические потери», «боевая психическая травма», «психологическая помощь» в израильской военно-психологической теории и практике не выделялись. Поэтому во время Арабо-израильской войны 1973 г., когда психотравматизация израильских солдат приобрела угрожающие размеры, медицинские работники и учреждения оказались не готовыми к конкретной работе с ними. Буквально в первые дни боев в связи с массированным применением египтянами мощной артиллерии, реактивных систем залпового огня и авиации, в израильские госпитали поступило более 1 500 военнослужащих. Из них лишь 600 имели физические ранения и травмы. Психологи, находившиеся в боевых порядках войск, отмечали случаи массовых психических расстройств, утрату военнослужащими способности ориентироваться в обстановке, приступы слабоумия, потерю памяти и другие симптомы [69]. В тех условиях было принято решение об эвакуации пострадавших в тыл. В результате армия потеряла их до конца военной кампании. Но уже в войне 1982 г. функционировала стройная система психологической помощи военнослужащим.

Было установлено, что если лица, получившие боевую психическую травму, проходили процесс восстановления в непосредственной близости от линии фронта, это давало возможность возвращать в строй в течение двух суток до 60 % психотравмированных солдат [16]. Данное обстоятельство позволило военно-психологической науке сделать следующий вывод: психологическая помощь военнослужащим должна оказываться в зоне боевых действий.

Установлено также, что в случаях, когда психологическая помощь воинам с психическими расстройствами не оказывалась в экстренном порядке, немедленно, период их реабилитации затягивался на многие месяцы, годы, а иногда и десятилетия. В результате сделан вывод — «минуты года́ берегут».

Военными психологами была выявлена и такая закономерность психологической помощи: если воины быстро, без специальной

подготовки возвращались в мирные условия жизнедеятельности, то это обстоятельство нередко выступало в качестве самостоятельного фактора их психотравматизации (подобно кессонной болезни).

В ходе боевых действий были выработаны разнообразные технологии и отдельные методы психологической поддержки и реабилитации военнослужащих в боевой обстановке [2; 7; 39; 54; 69; 101—105; 183; 226; 242]. В их основе лежит положение о том, что подготовить бойца к войне — значит не только научить искусно убивать противника, но главным образом научить владеть собой в боевой обстановке [275, с. 11].

Таким образом, дальнейшая разработка методов прогнозирования и оценки психогенных потерь, психологической поддержки и реабилитации участников боевых действий является насущной задачей современной военной психологии.

2.3.9. Информационно-психологическое противоборство с противником

Столетие назад Г.Е. Шумковым обозначено еще одно направление научного интереса военной психологии. Он отмечал, что бой — это вооруженное столкновение с противником, который воздействует на бойцов не только поражающими факторами оружия, но и различными средствами, несущими в себе элементы психологического характера. И от того, насколько удастся поразить психику противостоящего войска, настолько будет обеспечен успех в сражении. Поэтому нужно «не только истреблять врага, но главным образом устрашать его, действуя на его психику, поддерживая и экономя психическую энергии в своих войсках» [275, с. 11].

Практически с первых дней своего существования отечественная военная психология исходит из того, что «подготовить бой, подготовить наступление — равносильно понятию — подорвать, расшатать, убить психические силы противника» [127, с. 163, 246]. В. Н. Полянский на основе обширного статистического материала пришел к выводу о том, что победа и поражение в бою есть величины психологические и что достаточно физически вывести из строя в среднем 17—20 % личного состава, чтобы заставить живых бойцов отказаться от продолжения боевых действий. Остальные 80 % терпят, по его мнению, чисто психологическое поражение. Из этого делается вывод: цель боя — не обязательно убить, но обязательно — устрашить [180, с. 53—54]. В этой же связи Н. Н. Головин вводит в оборот специальный термин «предел моральной упругости войск», под которым понимается способность частей и подразделений продолжать ведение боевых действий, несмотря на кровавые потери [48].

Отсюда вытекает возможность практически использовать психологические средства для достижения победы над противником

в бою. Выработка таких средств является одной из важнейших задач военно-психологической науки.

Военная психология исходит из того, что современная стратегия боевых действий должна обязательно включать информационно-психологическое противоборство, интегрирующее психологическое воздействие на противника (психологические операции) и защиту войск от психологических операций противника. Психологические операции (ПсО) рассматриваются в качестве самостоятельного вида воздействия, эффективного оружия, применение которого может позволить вообще отказаться от использования военной силы.

ПсО должны обеспечить создание на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях такой информационной и психологической среды, которая в максимальной степени способствовала бы достижению высокой эффективности боевых действий, морально-психологического превосходства своих войск над войсками противника, сводила бы до минимума негативное внешнее воздействие на военнослужащих.

Важнейшим направлением военно-психологических исследований является анализ психологических механизмов, закономерностей, факторов эффективности информационно-психологического противоборства с противником, разработка эффективных видов «психологического оружия», поиск путей надежной защиты личного состава от психологического деморализующего воздействия противника.

К основным разновидностям такого оружия можно отнести уже широко известные и апробированные на практике системы информационно-психологического воздействия, а также находящиеся в стадии активных научных и опытно-конструкторских разработок: информационное, психотропное, технопсихологическое и соматопсихологическое, психофизиологическое, виртуальное и рассматривающееся в виде гипотезы психотронное оружие (табл. 2).

Изучение показывает, что по существу не осталось ни одного из возможных на сегодняшний день видов воздействия на людей (даже эзотерических), который не был бы апробирован в качестве психологического оружия. Американские специалисты по спецоперациям разрабатывали технологию введения мощнейшего наркотика ЛСД в водопроводную сеть вражеских городов, чтобы «по городу бродили бы люди в более или менее счастливом состоянии, не особенно интересующиеся самозащитой», создавали зажигалки, содержащие вместе с горючим газом наркотический, сотрудничали с колдунами, шаманами, медиумами, осуществляли дистанционный психоанализ А. Гитлера [153] и С. Хусейна, привлекали экстрасенсов для воздействия на бывшего иракского вождя, проецировали на облака образы христианских и исламских святых и т. д.

Таблица 2

Классификация психологического оружия

№ п/п	Наименование вида оружия	Краткая характеристика оружия
1	Информационно-психологическое оружие	Информация (официальная, полуофициальная, слухи) со средствами ее производства, презентации и распространения (СМИ, Интернет, компьютерные игры, видеофильмы и т.д.), структурированная для обеспечения ее некритического восприятия в качестве побудителя и регулятора поведения объектами воздействия
2	Психотропное оружие	Фармакологические препараты, наркотические вещества, химические составы, воздействующие на биохимические процессы в нервной системе человека и задающие уровни его бодрствования, активности, качества восприятия обстановки, характеристики психического здоровья
3	Технопсихологическое оружие	Технические устройства, способные генерировать и направленно излучать электромагнитные волны со спектром частот, нарушающих биоэлектрические процессы головного мозга и периферической нервной системы и вызывающих сбои в психической деятельности человека.
4	Соматопсихологическое оружие	Технические устройства, химические составы и биологические рецептуры, вызывающие изменение в соматическом состоянии и физической активности людей и на этой основе стимулирующие развитие астенических психических состояний и импульсивных моделей поведения
5	Психофизиологическое оружие	Воздействие на органы чувств человека стимулами (нестерпимые запахи, звуки, световые мелькания, вибрации и др.), превышающими возможности человека по адаптации к ним, вызывающими шоковые состояния и психические расстройства
6	Виртуальное оружие	Генераторы (синтезаторы) голографических и видеопроекционных объектов (устрашающих, ложных целей, маскирующих и др.), рассчитанных на запугивание и введение противника в заблуждение

Даже простое перечисление имеющихся в распоряжении военных специалистов видов психологического оружия и исследуемых перспективных средств показывает, насколько велики их возможности. Нередко его эффективность сравнивают с оружием массового поражения. Некоторым подтверждением тому могут служить данные СМИ о боевых событиях, связанных с войной в Персид-

ском заливе (1990—1991 гг.). Тогда тщательно спланированная и квалифицированно проведенная ПсО в корне изменила американское общественное мнение в пользу проведения военной акции против Ирака. Результатом беспрецедентной информационно-психологической акции стал раскол некогда единого арабского мира. Часть арабских государств заняла нейтральную позицию в конфликте, а некоторые из них выступили даже в качестве военных противников Ирака.

Известно также, что эффективно проведенная ПсО позволила США в 1994 г. практически без потерь осуществить военное вторжение на Гаити.

Сам термин «психологические операции» указывает на то, что для достижения целей подрывной деятельности широко привлекаются выводы психологической науки.

Обосновывая роль психологии в организации и ведении психологической войны, известный американский специалист в этой области П. Лайнбарджер подчеркивает, что психолог способен сказать, каким образом страсти можно превратить в негодование, личную находчивость в массовую трусость, трения — в недоверие, предрассудки — в ярость [138, с. 26]. Установив, как настроен противник, и факторы, определяющие его моральное состояние, психолог может прогнозировать его поведение в той или иной обстановке. Психолог способен дать необходимые рекомендации оперативным работникам, ведущим психологическую войну, о соблюдении чувства меры, о психологически целесообразном структурировании и оформлении информации. И наконец, психолог рекомендует наиболее целесообразные средства и методы пропаганды: радио, листовки, громкоговорящие установки, а также распространение слухов, обратную засылку пленных и т.д. Он может выработать план наилучшего использования всех имеющихся средств психологического воздействия по месту, времени, соотнесенности с военными, экономическими и политическими событиями и планами.

Таким образом, психология в рамках ПсО указывает на те особенности индивидуальной и групповой психики, которые целесообразно подвергнуть воздействию; разрабатывает эффективные методы оценки психологического состояния противника; дает рекомендации специалистам, ведущим психологическую войну, по планированию операций; вырабатывает критерии и методы оценки результативности психологического воздействия на людей.

2.3.10. Социально-психологическая реадаптация участников боевых действий

Как показано выше, боевые действия накладывают заметный отпечаток на протекание психической деятельности и поведение

военнослужащих. Боевой стресс, сыграв свою положительную роль в сохранении целостности организма и личности воина в экстремальных условиях боевой обстановки, выступает причиной последующей дезадаптации и психотравматизации участников боевых событий. По мнению специалистов, именно стрессовые приспособительные трансформации за пределами жизнеопасной ситуации оказываются негативными, дезадаптивными и образуют осевую симптоматику боевых стрессовых расстройств.

Травматический опыт, запечатленный в психике ветерана, держит его в состоянии внутренней войны. После возвращения к мирной обстановке ветеран переживает новый стресс, связанный с адаптацией. На первичный стресс, полученный во время войны, накладывается вторичный, возникший при возвращении домой. Это становится внутренней основой для психической и социальной дезадаптации ветерана в обществе.

Драматическим обстоятельством является то, что на период участия в военном конфликте у основной массы солдат и сержантов приходится один из важнейших этапов личностного развития и психических трансформаций. И эти трансформации происходят в обстановке экстремальной деятельности, в ответ на ее стимулы, перестраивая всю систему ценностных ориентаций, черты характера и темперамента, способы социального взаимодействия человека под требования боевых условий.

В ряде исследований констатируется, что *посттравматические стрессовые расстройства* (ПТСР) составляют от 10 до 50 % всех медицинских последствий боевых событий. Ими по сей день страдают 29—45 % ветеранов Второй мировой войны, 25—30 % американских ветеранов вьетнамской войны. Среди лиц, получивших ранения, ПТСР достигают 42 % [242].

По прогнозам специалистов, посттравматические проявления сохранятся в течение продолжительного времени у 25 % лиц из этой категории. Все это говорит о том, что необходим специальный продолжительный организованный период перевода психики военнослужащих с военного времени на мирный режим функционирования, постепенного, «щадящего» включения их в систему социальных отношений мирных условий, т.е. период *социально-психологической реадаптации*. По существу речь идет о бескризисной деактуализации целевого психологического ресурса, необходимого для выживания и эффективных боевых действий, и восстановления психологического ресурса мирного времени.

Учитывая структуру психологического ресурса (персональный, межперсональный, надперсональный и психоэргономический компоненты), технология проведения социально-психологической реадаптации предполагает последовательное осуществление ряда мероприятий как с *ветеранами*, так и с их *непосредственным социальным окружением*. Технологическая схема этой деятельности зави-

сит от причин возникновения потребности в реадаптации (окончание боевых действий, ротация воинского подразделения, индивидуальная замена военнослужащего).

Практика показывает, что при благоприятных условиях вывода войск из боевых действий необходимо до их возвращения в условия мирной обстановки организовать специальный период жизнедеятельности, своеобразный «психологический карантин», или «психологическую дезинфекцию». Он относится к числу мероприятий психологического обеспечения, осуществляемых на тактическом (в соединениях) и оперативном (в тыловых районах группировки войск) уровнях. Целью деятельности командиров, заместителей по воспитательной работе, военных психологов и медиков на этапе «карантина» является удовлетворение естественных потребностей участников боевых событий в понимании, признании, престиже, снятие психической напряженности и психологическая подготовка их к мирным условиям жизнедеятельности. Другими словами, необходимо, с одной стороны, исключить вторичную психотравматизацию участников боевых действий при столкновении с обстоятельствами мирной жизни, а с другой — не допустить связанных с этим эксцессов в обществе.

Психологи рекомендуют проведение на этапе «карантина» следующих мероприятий.

Во-первых, осуществление тщательного разбора боевых действий личного состава, в ходе которого следует, по возможности, положительно оценить вклад каждого в решение боевых задач подразделения, части. Рекомендуется в качестве психотерапевтического средства, позволяющего позитивно структурировать когнитивную организацию ветеранов войны, метод «критического обсуждения результатов боевых операций», реализуемый сразу после окончания боевых действий. Такое обсуждение организуется командиром подразделения в тесном кругу сослуживцев. Его цель — помочь военнослужащим раскрыть чувства и облегчить душу. Кроме этого, считается необходимым предоставить каждому участнику боевых действий возможность один на один побеседовать с психиатром или священником.

Если в боевых действиях участвовали сборные подразделения и военнослужащим предстоит возвращаться в разные воинские части, то необходимо приложить исчерпывающие усилия для их всестороннего поощрения. Боевые награды, удостоверения участника боевых действий, письменные благодарности, благодарственные письма родным и близким, грамоты, фотографии совместно с руководством частей и героями боевых событий, альбомы для фотографий с символикой боевых частей и т. п. желательно выдать и отправить именно в этот период. Опыт показывает, что в пунктах постоянной дислокации это будет иметь меньший эффект, так как не все поймут цену награды. К тому же длительное

ожидание награды снизит эффект признания заслуг военнослужащего.

В процессе «карантина» целесообразно организовать встречи военнослужащих с теми политиками, представителями трудовых коллективов, деятелями искусства и культуры, родными и близкими, которые способны утвердить уверенность воинов в высокой социальной значимости их боевой деятельности. Параллельно требуется временная селекция поступающих периодических изданий, радио- и телепередач. Пропуск к военнослужащим отрицательной информации о боевых событиях должен осуществляться мелкими порциями, постепенно нарастая.

Во-вторых, вовлечение военнослужащих в динамичную, нескучную и несложную деятельность (боевая учеба, обслуживание боевой техники и оружия, подготовка обмундирования, снаряжения, фотоальбомов, написание писем, культурно-массовые и спортивные мероприятия). Опыт свидетельствует, что допустить безделье людей в этот период — значит во многом способствовать развитию негативных индивидуальных и групповых переживаний, состояний и проступков, пьянства, наркомании и т. п.

Психологи доказывают, что малоподвижные мероприятия (построения, смотры) должны быть сведены к минимуму. Необходимо организовать четкое несение службы, выполнение распорядка дня — рационального ритма учебы, службы, отдыха, сна, строгий контроль над военнослужащими. С психологической точки зрения это значительно лучше могут сделать те офицеры, которые участвовали в боях. Если военнослужащих не вернуть к уставному порядку в ходе «карантина», то в местах их постоянной службы сделать это будет значительно сложнее. Организационная структура подразделений, выводимых из боевых действий, должна сохраняться до полного выполнения необходимых реадаптационных мероприятий.

В-третьих, организация специальной психологической подготовки к жизни и деятельности в мирных условиях. Она должна включать лекции, беседы, индивидуальные консультации, групповые занятия по разбору возможных ситуаций общения с «мирными» людьми, разъяснению негативных последствий агрессивного поведения по отношению к ним, выработке эффективных стратегий поведения в сложных социальных ситуациях, обучению воинов приемам разрядки негативных эмоциональных состояний и др.

В-четвертых, тщательное и оперативное выявление военнослужащих, получивших боевые психические травмы, и оказание им психологической помощи. При этом особенно важно обеспечить конфиденциальность информации о психотравматизации того или иного воина. В противном случае не исключается проявление эффекта «психиатрической стигматизации», а на ее основе — «психиатризации» самосознания военнослужащего.

Не менее сложная работа по социально-психологической реабилитации военнослужащих, возвращающихся из районов боев, предстоит в местах их постоянной службы и проживания. Здесь должна быть создана соответствующая реадаптирующая среда.

Независимо от того, вернулся ли солдат домой победителем или побежденным, его должны достойно встретить страна, сослуживцы, члены семьи, знакомые. Постепенному снятию высокого психического напряжения, стимулированного боевым стрессом, служит вовлечение участников боевых событий в активную общественную работу (выступления с докладами и беседами перед сослуживцами, членами их семей, перед учениками школ, рабочими предприятий). Это позволяет активно задействовать такое эффективное психотерапевтическое средство, как возможность выговориться.

Из практики реадаптационной работы с участниками боевых действий известно, что их быстрому психологическому возвращению в систему социальных связей и отношений мирного времени в значительной степени способствует благоприятная морально-психологическая обстановка в семье. Военные психологи разработали специальные рекомендации членам семей военнослужащих, возвращающихся с войны. А именно: нужно предоставить ветерану (родственнику) возможность высказаться, внимательно выслушивать его, проявлять интерес и терпение к его проблемам, оказывать всяческую психологическую поддержку, создавать благоприятную интимную обстановку, помочь избежать употребления алкоголя и наркотиков.

Невыполнение этих простых мероприятий социально-психологической реадаптации чревато крайне негативными социальными последствиями. Так, по данным исследования американских ветеранов войны во Вьетнаме, проведенного в 1988 г., у 15,2 % из них наблюдались выраженные ПТСР, а еще у 11,1 % отмечались отдельные симптомы таких расстройств. Среди этих лиц в 5 раз возрастал риск остаться безработными, около 70 % из них хотя бы один раз развелись с супругами, у 35 % отмечены родительские проблемы, у 47,3 % — крайние формы изоляции от людей, у 40 % — выраженная враждебность к окружающим, 36,8 % представителей этой социальной группы совершают более 6 актов насилия в год, 50 % были арестованы и посажены в тюрьму (в том числе 34,2 % — более одного раза) [105; 242]. Менее драматичная, но весьма схожая картина наблюдается в социальном функционировании ветеранов военных конфликтов в нашей стране.

Военно-психологические исследования показывают, что реадаптационные мероприятия не должны носить характер краткосрочной и интенсивной кампании. Их нужно осуществлять по типу социально-психологического мониторинга — непрерывно отслеживать морально-психологическое состояние и состояние психи-

ческого здоровья ветеранов. Это достижимо лишь в том случае, если в стране будет создана целостная система психологической реадаптации ветеранов военных событий. Она, по оценкам специалистов, должна включать в себя следующие составляющие: правовое обоснование; материально-техническую базу психологической реабилитации; подготовленные кадры; наработанные традиции такой деятельности.

2.3.11. Профессиональный психологический отбор

По мнению военных психологов многих стран, профессиональный психологический отбор — это самый экономный и надежный метод предупреждения психотравматизации военнослужащих, профилактики их деморализации, сохранения высокого морального духа и обеспечения эффективных боевых действий военнослужащих.

К примеру, на военном судне важнейшая роль принадлежит такому специалисту, как акустик. Именно он призван своевременно, на дальних подступах обнаружить вражеские корабли, определить их тип и степень опасности. Есть люди, которые от природы способны по характерным особенностям издаваемого винтами кораблей шумов различать более 150 объектов. Подбор в акустики именно таких людей позволяет значительно повысить эффективность выполнения задач обнаружения кораблей противника и слежения за ними.

Другой пример. Ленинградские психологи, изучая слуховую чувствительность, открыли так называемый бинауральный эффект, т.е. способность пространственного слуха (по существу, «слухового видения») при врожденной потере зрения. На основе этого открытия в годы Великой Отечественной войны были сформулированы практические рекомендации командирам частей ПВО по использованию слепых с рождения людей в качестве наблюдателей на постах ПВО. Такие наблюдатели обнаруживали самолеты противника на значительно более дальнем расстоянии и высоте, чем зрячие, точно определяли направление воздушной опасности. В результате, по оценкам С.Л. Рубинштейна, эффективность действий расчетов ПВО повысилась в 4 раза [207]. А это значит, что наши зенитчики стали сбивать вчетверо больше вражеских самолетов.

Наиболее последовательные приверженцы такой позиции — американские психологи. В годы Второй мировой войны они провели психологическое обследование около 18 млн человек из боевого пополнения. Из них около 1,5 млн (18,5 % от всех, не допущенных к военной службе) человек было «забраковано» по психологическим основаниям и не призвано в вооруженные силы. Сам факт, что в момент смертельной опасности для судьбы госу-

дарства американское правительство по рекомендациям психологов отказалось от соблазна укомплектовать этими людьми более 100 дивизий, свидетельствует о том доверии у общества, которым пользовалась в то время американская военная психология.

Следует, однако, отметить, что проблема психологического отбора в военное время по сей день является дискуссионной. Ряд психологов из разных стран (Р. Габриэль, П. Х. Мокор, Э. Гинцберг, Д. К. Андерсон, С. В. Гинсбурк, Д. Л. Эрма) доказывают невозможность осуществления эффективного психологического отбора во время крупных военных событий. При этом в качестве аргумента нередко приводятся следующие данные. В годы Второй мировой войны, по сравнению с Первой мировой войной, в армии США процент отсева призывников по эмоциональным критериям вырос в 11,5 раза, по интеллектуальным основаниям — в 4,5 раза, однако уровень психотравматизации не только не снизился, а, напротив, возрос в 3—4 раза (с 9—10 до 36 случаев на 1 000 человек) [39; 223].

К противоположным выводам приводят результаты исследований, осуществленных под руководством С. Л. А. Маршалла в годы Второй мировой войны. Он установил, что лишь один солдат из четырех в бою действует активно. И это всегда один и тот же солдат. Немецкие военные психологи подсчитали, что явно выраженная активность в бою присуща обычно не более 20 % военнослужащих. Активность и пассивность, по их мнению, определяются прежде всего врожденными качествами людей. Исходя из этого, командирам вменяется в обязанность выявлять и учитывать психологические особенности подчиненных на всех этапах их боевой деятельности.

В настоящее время в армиях России, США, Великобритании, Франции, Германии сложились мощные, целостные и многоуровневые системы психологического и профессионального отбора военнослужащих, ориентированные как на мирное, так и на военное время. Они предполагают осуществление еще в мирное время профессиографического описания военных профессий и специальностей, профессионального ориентирования граждан на военную службу, профессиональный психологический отбор кандидатов на военную службу, профессионально-психологическое сопровождение профессионального становления военнослужащего.

Военные психологи разработали сотни тестов, аппаратурных средств и компьютерных программ для профессионального психологического отбора. В Российской армии выстроена своеобразная вертикаль из должностных лиц, осуществляющих такой отбор, созданы и функционируют специальные подразделения и органы (штатные и нештатные) в военных комиссариатах, воинских частях и учебных заведениях.

Несмотря на большое число исследований в области профессионального психологического отбора, осуществленных в последнее время, здесь еще широкое поле деятельности для психологической науки.

Кроме перечисленных основных задач, военная психология решает ряд специальных задач, которые связаны с ее предметом опосредованно, через облегчение, оптимизацию деятельности воина, оказание ему психологической помощи в специфических ситуациях. К специальным задачам военной психологии относятся: психологическое обоснование решений при конструировании боевой техники и оружия; психологическое обеспечение использования животных для решения боевых задач; психологическая подготовка военнослужащих к активному поведению в плену, побегу из плена, психологическая помощь освобожденным из плена; психологическое сопровождения допроса военнопленных; изучение потенциала психотропных препаратов по расширению психологических возможностей военнослужащих при решении задач в экстремальных условиях, психологическое обеспечение деятельности военных разведок и др. К решению этих задач широко привлекаются гражданские психологи из ведущих университетов государств.

2.3.12. Психологическое обоснование решений при конструировании боевой техники и оружия

Духовные явления существенно зависят от материального фактора. При этом связь между духовной и материальной сторонами каждого явления войны настолько тесна, что они неразделимы. Например: наличие лучшего вооружения повышает дух армии, обладающей им, и понижает дух противоположной стороны; не меньший моральный эффект производит и осознанное численное превосходство [49, с. 18].

В соответствии с этим и исходя из понимания своего объекта и предмета, военная психология активно исследует военнослужащего в системе «человек—техника», вырабатывая рекомендации по максимальному учету психологических, физиологических, анатомических особенностей человека, его способностей при конструировании систем вооружения и боевой техники, а также по подготовке воина к эффективному управлению ими.

Сегодня в военном деле происходит одна из самых бурных и радикальных революций. На основе массового внедрения новейших технологий в процесс производства техники и вооружения меняются стратегия и тактика действий, военные доктрины и военная политика государств.

Военные психологи рассматривают боевую технику, оружие и специальные боевые средства как естественные усилители воз-

можностей человека как бойца — его зрения, слуха, голоса, скорости передвижения, физической силы, силы удара, скорости мышления, объемов памяти, защитных свойств. То есть они исходно подчинены человеку, управляются им и без него не имеют смысла.

При разработке боевой техники и оружия учитываются не только боевые характеристики (поражающие и защитные возможности, экологичность, эргономичность), но и психологическая комфортность, цветопсихические характеристики.

Психологи исследуют скорость обнаружения целей с использованием различных технических устройств, психофизиологическую целесообразность разных конфигураций и цветового оформления приборов, утомление зрения, темновую и световую адаптацию глаз. На этой основе вырабатываются рекомендации по разработке систем сигнализации, оптических приборов, приборных панелей и др.

Результатами исследования слуха являются психологические рекомендации по разработке средств связи, звуковещания, акустики, методам ведения наблюдения, разведки и т.д.

Психологами исследуются наиболее физиологически и психологически экономные, быстрые и целесообразные боевые движения воинов и вырабатываются предложения по конструированию и расположению рычагов, штурвалов, педалей, сидений, приборов наблюдения и других технических устройств. Ими предлагаются способы отображения информации (стрелочный, цифровой, геометрический, звуковой и др.), ее оптимальное количество, методы предупреждения информационного стресса и др.

Большое внимание при разработке боевой техники, оружия и экипировки солдата обращается на их защитные и эргономические свойства, так как эти качества в значительной мере определяют психическое состояние бойцов. Учитывается, что неудовлетворительный микроклимат в боевой машине ведет к тому, что скорость ее вождения снижается на 19 %, время на выполнение огневых задач возрастает на 35 %, число промахов — на 40 %, каждый день наступательной операции ведет к снижению боеспособности личного состава на 7—10 %. Ограничение подвижности человека в течение трех суток в тесной, неудобной технике снижает его работоспособность на 30 %. Вибрация техники может совпадать с частотами колебаний важнейших органов человека, что ведет к нарушению в их функционировании и разрушающе влияет на деятельность нервной системы [105; 223].

О достижениях в области умножения боевых и психологических возможностей современного бойца говорят следующие примеры.

Каждый солдат 4-й механизированной дивизии («Железный конь») США, участвовавший во взятии Багдада, имел приемоиндикатор спутниковой навигационной связи, позволяющий точно

определить положение бойца в любую секунду и в любых условиях. Водители бронемашин выбирали оптимальные маршруты движения, используя трехмерную объемную модель (виртуальный макет) местности и городских кварталов.

Все командиры боевых подразделений дивизии и передовые артиллерийские наводчики для ориентирования на местности и передачи боевых донесений располагали карманными компьютерами (500 МГц/4 Гбайт). С их помощью через беспроводные информационные сети они имели возможность не только получать и передавать формализованную информацию о вскрытых и уничтоженных целях, потерях, расходах боеприпасов и горючего, но и видеоизображения с места боевых действий, информацию от разведывательных беспилотных летательных аппаратов, самолетов радиоэлектронной разведки и слежения за наземными целями. Они имели возможность уже в ходе марша оперативно планировать свои последующие действия, постоянно получая свежую разведывательную информацию, вступать в бой, не заботясь о тыловом снабжении, которое доставлялось в нужное время и точно в срок.

Военные руководители не рисовали карт и не передавали донесений по радио, а использовали распределенную информационную систему боевого управления FBCB2, охватывающую уровень бригады, батальона и роты. Эта система собирает и распространяет данные, поступающие от всех источников разведывательной информации: спутника, самолета, вертолета, танка и даже отдельного пехотинца. Обработка и передача данных в вышестоящие штабы не превышала 5 минут.

В настоящее время в США реализуется проект «Солдат целевых сил», в котором предусматривается следующая экипировка воина. На голове шлем с прозрачным забралом, в него вмонтированы жизненно важные для военнослужащего устройства: детектор выявления химического и биологического заражения местности, сенсор для обнаружения мин, сенсоры, контролирующие здоровье солдата, прибор ночного видения, видеокамера. Показания приборов высвечиваются на внутренней поверхности «забрала» и автоматически передаются на командный пункт. В рюкзаке размещены неприкосновенный запас, индивидуальная аптечка, радиостанция, система опознавания (командир всегда будет знать, где находится его подчиненный), индивидуальная система навигации и ориентации на местности. Ботинки смогут защитить солдата от взрыва противопехотных мин небольшой мощности. Экипировка будет включать также микрокондиционер, что позволит чувствовать себя комфортно в любых климатических условиях. Вес экипировки будет вдвое легче сегодняшней [137, с. 82, 217—218]. Такие средства способны многократно увеличить боевые возможности и выживаемость человека в бою. Вместе с тем они предъявляют более

высокие требования к технической и информационной подготовке воина.

Перечисленные факты показывают, к какой войне нужно готовить нашего солдата, с каким противником он может столкнуться на поле боя, какими качествами он должен обладать, чтобы владеть аналогичной техникой.

2.3.13. Исследование психологических аспектов плена

Война — это эпидемия жестокости, убийств, безумного, всепоглощающего страха, массового сумасшествия, тяжелых утрат, боли от ранений и травм, крушения ценностей, нечеловеческой усталости и всеобщего хаоса. Война создает множество сложнейших комбинаций, когда возможности человека оказываются на пределе. Но, пожалуй, самым худшим исходом войны для отдельного ее участника, а иногда тысяч и миллионов воинов, является плен.

Признание того, что солдаты любой, в том числе и своей, армии могут быть пленены, требует не просто трезвого взгляда на войну, но и определенного мужества. В нашей армии, к сожалению, на протяжении многих лет такая объективная реальность войны, как плен, просто игнорировалась, и практически всех военнослужащих, попавших в плен, относили к предателям. Такой подход, в конце концов, унижал нашего воина и само государство, где «предательство» приобретало гигантские масштабы. Между тем процент перебежчиков за годы войны не превысил 15 человек на 1 000 военнопленных. А это значит, что «быть пленным», «попасть в плен» и «сдаться в плен» — явления совершенно разные с нравственной, поведенческой, психологической и юридической точек зрения, так же как и «предатель», «изменник», «пленный» — характеристики совершенно разных личностей. Мы не поощряем сдачу в плен, но допускаем боевые ситуации, в которых этого нельзя избежать.

Исследование показывает, что в некоторых вооруженных конфликтах плен как результат боевых действий иногда превосходит все другие результаты. В Русско-японскую войну было пленено около 70 000 наших солдат, в Первую мировую войну — свыше 3,4 млн чел., в Великую Отечественную войну — свыше 4,5 млн [214, с. 371]. Между тем за все годы войны, по официальным докладам «наверх», попало в плен 36 тыс. наших воинов, а миллионы числились пропавшими без вести. До сегодняшнего дня, по словам генерала армии М. Шкадова, пропавшими без вести числится около 3 млн человек [74; с. 5, 27, 530, 534].

Игнорирование реальности плена ведет к тому, что не учитывается один из важнейших факторов боеспособности войск.

Военные психологи, исследуя феномен пленения, работают в двух направлениях: 1) пытаются выявить основные причины плене-

ния военнослужащих, раскрыть факторы и специфику психических состояний, сущность личностных трансформаций, имеющих место у военнопленного, показать психологическую специфику условий его жизнедеятельности, выработать рекомендации по предупреждению попадания в плен и 2) исследуют эффективные методы допроса вражеских пленных, их использования в психологическом воздействии на противника.

Вместо указания одной причины — предательство, психологи выделяют как минимум пять групп причин: военные, психофизиологические, психологические, медицинские, идеолого-политические.

Среди факторов, определяющих поведение военнопленного, выделяются мужество, патриотизм, вера, страх смерти, пыток, неизвестность, лишение сна, «сшибка» биоритмов, тоска и скука, сенсорная депривация, унижения, голод, лишения, постепенное угасание надежды, усталость, взаимное недоверие пленных, одиночество и др.

Военная психология исследует психологические последствия нахождения в плену. В последнее время говорится о таком феномене, как «психоз колючей проволоки» («невроз возвратившихся из плена», «синдром концлагеря»), при котором, по описанию В. Франкла, проявляются беспокойство, чувство усталости, ухудшение концентрации внимания, возбудимость, непоседливость, ослабление памяти, раздражительность, вегетативные симптомы, депрессии и головные боли, 78 % людей жаловались на ночные кошмары — им снился концлагерь. В целом ряде случаев до проявления подобных многочисленных симптомов проходило шесть и более месяцев, затем нередко наблюдалось замедленное протекание, в некоторых случаях без тенденции к выздоровлению. Так, многие еще через четыре года после возвращения домой страдали от последствий пребывания в концлагере, а у 44 % вернувшихся это приняло хронические формы [258, с. 147, 150].

В психике пленных происходят заметные сдвиги в сторону инфантильности. В отношениях друг с другом они могут вести себя по-детски, ссориться из-за пустяков, плакать, если сосед забирает у них какую-нибудь ничтожную тряпку или щепку; испытывать бессилие, вялость, пытаться бить друг друга, не причиняя один другому ни малейшего вреда. Так же по-детски, беззлобно и естественно, мириться, не помня недавней ссоры [80, с. 197].

В целом можно сказать, что язык психологии и психиатрии слишком беден, чтобы выразить в понятиях все то, что наблюдает эксперт при обследовании этих людей.

Военная психология вырабатывает рекомендации по психологической подготовке военнослужащих к выживанию в плену. В этих целях эффективными мерами психологической подготовки считаются информирование о сущности физических, нравственных

и психологических последствий плена и тренинг способов выживания в смоделированных условиях плена.

Специальный тренинг проходит летный состав армии США, спецназовцы многих стран мира. В соответствии с этой программой военнослужащие по 20—30 человек помещаются в условиях лагеря в грязный бункер, находящийся наполовину под землей. Некоторых из них помещают в клетки, пол которых залит зловонными помоями. С обучающимися по данной программе отрабатываются темы: «Техника увиливания во время допросов», «Борьба с усталостью», «Здоровая фантастика в условиях полной изоляции», «Натравливание людей друг на друга», «Питание во время бегства», «Оказание первой помощи и самопомощи», «Контакты с охранниками» и т.д. Обучаемых «допрашивают», подвергают различным мерам физического и морального воздействия, приучают к питанию неудобоваримыми продуктами, например бабочками, кузнечиками и др. [252, с. 187—188].

Кроме этого практически отрабатываются темы: «Термальная закалка», «Немедикаментозное обезболивание», «Тренинг одиночества», «Тренинг допроса (что можно рассказать, как рассказывать)», «Тренинг побега и выживания».

Не менее важной задачей военной психологии является разработка методов оказания психологической помощи лицам, бежавшим (освобожденным) из плена. Согласно В. Франклу, «освобожденный заключенный еще нуждается в психологической помощи. Само освобождение, внезапное снятие душевного гнета опасно в психологическом отношении. Эта опасность с характерологической точки зрения представляет собой не что иное, как психологический эквивалент кессонной болезни» [258, с. 147].

Военная психология разрабатывает также приемы эффективной работы с военнопленными противника. Американские и английские военные психологи анализируют эффективность таких, используемых на практике, способов допроса военнопленных, как убеждение, внушение, устрашение, психологическое изнурение (нарушение сна, «сшибка» биоритмов, ограничения в отдыхе, раздражающие ольфакторные, световые и звуковые эффекты, сенсорная депривация, социальная изоляция, помещение в «клаустрофобогенное» пространство, монотония, скука, нарушение отправления естественных надобностей и др.), переформирование поведения (зомбирование), гипно-суггестивный допрос, медикаментозное воздействие, моделирование социальных ситуаций (игры в «плохого» и «хорошего» следователя, использование «подсадных уток», манипулирование гордостью и личным достоинством и др.) [123; 147; 153; 252].

Классифицируя методы воздействия на человека, Р. Ронин пишет, что они могут быть щадящими (внушение) и агрессивными (шантаж), простыми (запугивание) и изощренными (зомбирова-

ние), трудноуловимыми (нейролингвистическое программирование) и дополняющими (фармакоуправление). Одни из них требуют лишь специфической подготовленности специалиста (убеждение, внушение, подкуп), а другие — еще и специальной аппаратуры (электрошок, подпороговая стимуляция и др.) [206], аппарат «электросон» и др.

Американские специалисты выделяют «советскую», китайскую и американскую системы допроса. Если первые два подхода опираются, по их мнению, преимущественно на убеждение, внушение, психологическое изнурение, то американская система — на широкое применение наркопрепаратов, гипноза, абсолютную сенсорную деприваицю и социальную изоляцию, зомбирование, «выращивание из человека растения», применение электрошокеров, аппарата электросна, полиграфа и т.п. [153].

В США изучение методов получения информации, в том числе у военнопленных, ведется непрерывно и интенсивно. Особенно активно разрабатываются направления исследований, связанные с использованием полиграфа («детектора лжи») и фармакологических препаратов («сывороток правды») [153]. С 50-х годов XX в. здесь реализуется ряд специальных исследовательских программ (BLUEBIRD, ARTICHOKE, CHARTER, MKULTRA). В интересах допроса испытываются комбинации депрессантов и стимуляторов, различные газы в герметических камерах, аппарат «электросон», различные электрошокеры. Был создан «суперполиграф», встроенный в кресло, и др. Исследовалось влияние на способность допрашиваемого сопротивляться психологическому давлению при воздействии на него ультразвуком, вибрацией, тряской, высоким и низким давлением, кофеином, утомлением, облучением, изменением температуры воздуха и освещения [153, с. 59].

Военные психологи изучают типологические особенности нервной системы, темперамента, характера, ценностных ориентаций допрашиваемых, их способность противостоять психологическому давлению, уязвимость перед различными видами воздействия.

Ясно, что работа с военнопленными связана с тонкими нравственными явлениями, с международными правилами ведения войны. Если психолог привлекается к работе в этой сфере, то он должен сверять свою деятельность с этическим кодексом психолога.

В исследованиях психологических аспектов допроса так или иначе принимали участие великие представители психологической науки и практики. В частности, А. Р. Лурия разработал способ исследования аффективных реакций человека, позволяющий фиксировать отражение изменения вегетативных функций (артериального давления, пульса, дыхания и т.д.) в речевых и двигательных процессах.

В ходе исследования испытуемому предъявляется ряд словесных стимулов, на которые он должен ответить свободной ассоциацией и одновременно нажать кнопку пальцами правой и левой рук. Изменение длительности и форм речевых и деформации двигательных ответов указывают на вызванное словом-стимулом эмоциональное состояние. По существу, эта тестовая система представляет собой своеобразный детектор лжи.

По некоторым данным косвенно вопросами психологии влияния на людей в интересах ЦРУ занимались Г. Айзенк, Дж. Гиттиннгер, Т. Лири, Г. Мюррей, М. Мид, Ч. Осгуд, К. Роджерс, Б. Скиннер и др. [153, с. 208—211]. Некоторые из них получали деньги в виде грантов лишь за то, чтобы придать легитимность и невольно замаскировать сущность деятельности созданного ЦРУ Общества экологии человека.

Отечественная военная психология разрабатывает конкретные психологические рекомендации военнослужащим о *правилах эффективного поведения в плену и на допросе*. Это в первую очередь касается военнослужащих с повышенным риском попадания в плен (летчики, десантники, разведчики, диверсанты и т.д.).

Еще в начале XX в. Н. Краинский писал, что одним из приемов деморализации неприятельской армии является воздействие на нее через пленных. Когда «распространяется слух о мягком обращении с пленными, целые толпы охотно сдаются в плен. Миллионы пленных — тому доказательство... Командующему остается лишь поощрять сдачу неприятеля. ...Широко практикуется распропагандирование пленных в лагерях, инсценируются побеги уже развращенных пленных, направляемых в свою армию для разложения» [130, с. 179—180].

В годы Первой и Второй мировых войн, войн в Корее и во Вьетнаме методы переформирования поведения (переубеждения) военнопленных были детально проработаны и сегодня достигли высоких технологических форм. Достаточно сказать о том, что к концу корейской войны (1950—1953 гг.) 70 % американских военнопленных, число которых в Китае достигало 7 190 человек, либо признались в совершении преступления, либо поставили свои подписи под призывами прекратить войну в Азии. Более того, многие из них не отказались от своих признаний и после возвращения в США [153, с. 172].

2.3.14. Военно-психологические исследования в области зоопсихологии

Физические и психологические возможности животных в интересах достижения победы над противником используются с незапамятных времен. Известны исторические факты, когда вмешательство животных коренным образом меняло ситуацию во-

оруженного противоборства. Один из первых таких широко известных примеров сохранила легенда о том, как гуси спасли Рим.

Первоначально в военных нуждах использовались преимущественно физические возможности «братьев меньших»: устрашающий или необычный внешний вид (слоны, верблюды), сила (слоны, лошади, киты), выносливость, скорость (лошади, птицы), способность летать высоко в небе (птицы) и плавать под водой (рыбы, киты). Делались даже попытки, правда не совсем удачные, использовать в качестве своеобразного оружия хищных животных (тигров, леопардов и др.). Имеются также сведения о том, что славянские воины применяли против неприятелей голодных пчел. Знания наших предков о характере отношений в животном мире позволяли им в ходе сражения выпускать одних животных против других (например, мышей против слонов, верблюдов против лошадей и т. п.). Со временем люди все чаще стали задействовать особенности генетически обусловленного поведения животных: остроту и дальность зрения, развитую обонятельную чувствительность, хороший слух, скорость реакции, способность великолепно ориентироваться в пространстве, хорошую обучаемость, преданность и др. Например, во все времена в качестве надежного ориентира использовали особенности конфигурации муравейника (более крутой его склон, как правило, указывает на север, а более пологий — на юг).

Активно развивающаяся ныне зоопсихология позволяет еще более активно применять животных в военных целях: производится селекция и выведение пород животных, обладающих заданными психофизиологическими свойствами, отбор конкретных животных для того или иного вида деятельности, их обучение (дрессировка) и др.

В табл. 3 приведены физические и психологические качества животных, наиболее часто используемые в военных целях.

На первый взгляд может показаться, что в век высокотехнологичных войн использование животных для решения каких бы то ни было боевых задач является анахронизмом. Подобные мысли высказывались еще в 20-е годы XX в., однако боевая практика потребовала использовать «братьев меньших» и во Второй мировой войне, и в локальных военных конфликтах нового века. Несомненно, для них найдется работа и в будущих войнах. Достаточно сказать, что в результате воздействия электромагнитного импульса ядерного взрыва, эффективного применения противоборствующими сторонами средств радиоэлектронной борьбы, оружия несмертельного действия существующие технические средства разведки, связи и транспортные средства могут быть выведены из строя мгновенно и на длительные сроки. В этих условиях будут вновь остро востребованы физические и психологические возможности животных.

Таблица 3

Психологические и физические качества животных, используемые для решения задач на войне

№ п/п	Животное	Физические и психологические качества	Для решения каких боевых задач используется
1	Собаки	Высокая обонятельная чувствительность. Хорошая обучаемость. Преданность человеку. Смелость. Физическая сила. Неприхотливость	Обнаружение взрывных устройств и миновзрывных заграждений. Осмотр и прочесывание местности в целях обнаружения разведчиков и диверсантов противника. Своевременное обнаружение противника при действиях в засадах. Обнаружение и эвакуация раненых. Охрана объектов, территорий, мест расположения войск и военнопленных. Подрывные работы. Транспортировка грузов. Связь
2	Голуби	Инстинкт возвращения домой. Высокая способность к ориентировке в пространстве. Выносливость. Скорость	Связь. Фото- и сенсорная разведка. Наведение систем оружия
3	Другие птицы	Фиксированный уровень суточной активации (пробуждения). Устойчивые паттерны поведения при контактах с человеком	Ориентирование во времени без часов. Обнаружение противника в условиях ограниченной видимости
4	Дельфины, тюлени, морские львы	Привязанность к людям и доброжелательность. Хорошая обучаемость. Высокая скорость перемещения. Способность нырять на большую глубину. Способность длительное время обходиться без воздуха	Связь. Транспортировка грузов и людей по воде и под водой. Водолазно-спасательные работы. Поиск и обезвреживание донных и плавучих мин. Охрана подводных объектов и береговых сооружений.

№ п/п	Животное	Физические и психологические качества	Для решения каких боевых задач используется
			Обнаружение и уничтожение водолазов-диверсантов. Обнаружение и уничтожение надводных и подводных судов противника, его береговых сооружений путем установки на них мин и зарядов. Контроль за состоянием подводных трубопроводов
5	Киты	Сила. Выносливость	Подъем грузов с больших глубин
6	Лошади	Высокие интеллектуальные способности и хорошая обучаемость. Выносливость. Сила. Привязанность к людям. Высокая обонятельная чувствительность	Транспортировка грузов и людей. Обнаружение противника (до 200 м)
7	Насекомые (клопы, тараканы)	Высокая чувствительность к тепловым и иным воздействиям. Резистентность к радиации	Обнаружение противника. Разведка

Масштабы боевого использования животных наиболее ярко можно показать на примере собаки. Собака обладает многими достоинствами, релевантными для боевой практики. Однако, пожалуй, наиболее широкое применение в военном деле нашла ее высочайшая обонятельная и слуховая чувствительность. По некоторым данным, обонятельная чувствительность собаки более чем в 10 000 раз превышает человеческую. Не менее развит у собаки и слух — он в 5—6 раз превышает слуховую чувствительность человека.

Обонятельная сверхчувствительность собак в военных условиях широко применяется для обнаружения мин, взрывчатых веществ, определения границ минных полей. В годы Великой Отечественной войны эти животные спасли жизни сотням тысяч воинов и граждан страны, обнаружив огромное количество вражеских мин и фугасов.

Во время Великой Отечественной войны беспримерная преданность, смелость и высокая дисциплинированность собак эф-

фективно использовались для поиска раненых на поле боя, доставки им средств неотложной помощи, эвакуации в медицинские подразделения. Таким образом собаки спасли жизни тысяч наших воинов.

В 1930-е годы М. Тухачевский и другие советские военачальники были увлечены тактикой диверсионных операций в глубоком тылу противника. Зимой 1934/1935 г. были проведены эксперименты по использованию собак в качестве диверсантов. Овчарки, сброшенные на парашютах в специальных коробах, относили мину к условной цели. В заданном месте они дергали зубами за специальный шнур и тем самым сбрасывали со спины рюкзак с взрывчаткой. Несколькими месяцами позже собак испытывали в качестве истребителей танков. Собаки заползали под днища танков и оставляли под ними мины. Одновременно выявляли возможности использования собак экипажами танков в качестве защиты от собак-«минеров» [80, с. 337].

В истории войн отмечено немало случаев, когда собаки выступали в качестве своеобразных почтальонов, посыльных, курьеров. С их помощью в сложных условиях боевой обстановки передавались приказы подразделениям и частям, отправлялись донесения в вышестоящие штабы и т. п.

Не остались без внимания и такие естественные, сформировавшиеся в процессе филогенеза, функции собаки, как поисковая и охранная. По существу поисково-розыскная и охранная «деятельности» стали ее основными военными «профессиями». Последняя из них даже зафиксирована в уставе гарнизонной и караульной службы ВС РФ как «караульная собака». В обеспечении охраны мест дислокации, охраняемых объектов, военнопленных хорошо обученной собаке нет равных.

Собаки оказали существенное влияние на результативность боевого применения наших войск в Афганистане. Миноискатели, работающие на принципе фиксации разной плотности грунта, в горных условиях оказались недостаточно эффективными. Ситуация побудила широко использовать опыт Великой Отечественной войны, касающийся использования собак в качестве живых миноискателей. И собаки оправдали доверие человека.

К сожалению, охранные возможности собаки в нашей армии используются крайне неэффективно. Так, во время боевых действий наших войск в Афганистане редко можно было встретить воинскую часть, а тем более подразделение, в которых несли бы сторожевую службу хорошо обученные собаки. Аналогичная картина наблюдалась и при проведении антитеррористических операций в Чечне. В результате имели место эффективные диверсионные акции противника против наших войск, особенно в ночное время.

Во все времена собаки активно использовались для поиска диверсантов противника и бежавших военнопленных. Собака обла-

дает и многими другими качествами, делающими ее бесценным спутником и соратником человека на войне. Например, она может служить для воинов и своеобразным барометром. Перед дождем животное начинает резко и своеобразно пахнуть.

Говоря о возможных масштабах использования психологических особенностей собак в военных целях, можно привести следующие данные. В годы Великой Отечественной войны в действующей армии было 168 отрядов, батальонов, полков, имевших собак, 36 батальонов нартовых упряжек, 29 рот и 19 батальонов собак-миноискателей. 13 спецотрядов и 2 спецполка выполняли военно-служебные задачи (охрана, конвоирование, разведка и т.д.). Общая ежегодная численность собак на фронте доходила до 60 000 (1944 г.). С использованием собак было подбито более 300 танков противника, доставлено 200 000 донесений, обследовано около 15 000 км^2 территории и обнаружено боле 4 000 000 мин. Благодаря этим героическим животным было выведено с поля боя более 680 000 тяжелораненых бойцов. Такого количества спасенных от гибели воинов хватило бы, чтобы укомплектовать 60 пехотных дивизий!

Ряд воинских частей, использовавших собак, получили почетные наименования и были награждены орденами.

На втором месте по использованию в военных целях стоят морские млекопитающие. В США в рамках обширной программы Navy's Marine Mammal Program исследовались возможности дельфинов и их морских собратьев для поражения кораблей, диверсантов, береговых строений в акватории Вьетнама, разведки подводных объектов, коммуникации между надводными и подводными объектами, вывода подводников на поверхность и т.д. Дельфины обучались уничтожать вражеских водолазов прикрепленными к их мордам специальными иглами. При протыкании водолаза такой иглой в его тело впрыскивался сжатый газ, находящийся в баллоне на спине дельфина. Тело водолаза, мгновенно «накачанное» газом, поднималось на поверхность [153, с. 195].

2.3.15. Изучение потенциала психотропных препаратов по расширению психологических возможностей военнослужащих при решении задач в экстремальных условиях

По мнению американского психолога и психиатра Р. Габриэля, вполне вероятно, что следующая революция в военном деле произойдет не в военной технике, а в химии. Это позволит войскам переносить напряженнейшие условия современной войны, последствия применения новых образцов боевой техники и вооружения.

Р. Габриэль отмечает: «Мысль о том, чтобы воздействовать на чувство страха, возникающее у военнослужащих на поле боя, с помощью химии, не нова. В течение столетий признавалось, что

основной враг на поле боя — страх. Во многих сражениях одна из сторон оказывалась побежденной не в результате умелых действий противника или количества потерь, а из-за подорванного боевого духа. Обычно большие потери возникали, когда одна из сторон не выдерживала и обращалась в бегство, тогда как другая устремлялась в погоню и немилосердно истребляла бегущего противника. Очень много сражений было выиграно скорее благодаря страху, чем превосходству оружия» [39].

Более двух тысяч лет назад воинственные племена кайяков, населявшие степные районы сегодняшней центральной России, наводили ужас на соседей своей жестокостью и неутомимостью в бою. Для уменьшения чувства страха, снижения чувствительности к боли и усиления боевых возможностей своих воинов они использовали мочу оленей, накормленных мухоморами, которая по своей эффективности не уступала средствам, применяемым в современных армиях. Употребление содержащихся в моче наркотических средств значительно увеличивало возможности воинов. Они становились практически не восприимчивы к боли, чувствовали прилив сил и выносливости. Вместе с тем вытяжка из мухомора не уменьшала ясности ума, напротив, могла усиливать умственную деятельность на короткое время, способствовала нормальному сну.

Гомер писал, что у древних греков существовало «непенте» — «лекарство, усыпляющее боль и гнев, позволяющее забыть любую печаль» [153, с. 84]. Мусульманские воины с давних времен употребляют в целях преодоления страха и умножения психологических возможностей гашиш, воины некоторых индейских племен — листья коки, содержащие кокаин. В этих целях применяются в британской армии двойная порция рома, в российской армии в Первую и Вторую мировые войны — водка, в американской армии, воевавшей во Вьетнаме, — марихуана, героин, алкоголь.

В российской армии на протяжении столетий широко (чаще всего неосознанно) используются психотропные препараты, содержащиеся в целебных травах. Положительную роль здесь играет давняя традиция русских людей употреблять чай с добавлением мяты, зверобоя, душицы, корня валерианы, листьев малины, смородины и других трав, снижающих тревогу, напряженность, нормализующих сон и т.д. Летчикам ночных бомбардировщиков рекомендовалось употреблять черничный кисель, обостряющий зрение, и кофеин. Военные психологи всячески способствуют сохранению этой традиции в современных Вооруженных силах России.

Вместе с тем, как отмечалось выше, еще в ходе Русско-японской войны Г. Шумковым на основе крупномасштабного исследования было установлено, что употребление алкоголя перед боем нецелесообразно.

В настоящее время создан ряд медикаментозных препаратов, способных регулировать возникновение чувства страха, но при их применении, как указывает Р. Габриэль, возникают серьезные побочные эффекты. Все они подавляют чувство страха за счет того, что не дают мозгу возможности вырабатывать обычное количество нейромедиаторов. Поэтому задача заключается в том, чтобы найти химическое соединение, которое могло бы снижать чувство страха или не допускать его возникновения, обеспечивая в то же время нормальный режим мозговой деятельности [39].

В армии США большие надежды возлагают на препарат, созданный на основе базберона. В Российской армии в ходе боевых действий в Афганистане и Чеченской республике, по некоторым данным, испытывалось применение ряда фармакологических средств: для повышения боеспособности военнослужащих — препараты сиднокарб и пирацетам; для купирования боевого стресса, острых психотических реакций военнослужащих — феназепам и седуксен; в целях повышения скорости и точности реакций водительского состава — пирроксан; для коррекции астено-депрессивных состояний — пирацетам, сиднокарб, элеутерококк, феназепам, поливитамины [222]. В процессе испытаний была обнаружена опасная тенденция привыкания к некоторым из препаратов в случае их длительного употребления.

Военные психологи и врачи должны хорошо понимать, что последствия от психотравмы могут в некоторых случаях оказаться менее опасными, чем от привыкания к наркосодержащим препаратам.

Широкое использование химических препаратов для регулирования психической деятельности военнослужащих может породить многие нравственные проблемы: увеличится не только число солдат, способных убивать, но и увеличится возможность убивать более эффективно.

Габриэль рисует мрачную картину последствий использования химических препаратов с целью повышения боевой активности воинов: «Военнослужащие с психически подавленным чувством страха будут способны убивать без ограничений. Длительному наступлению будет противостоять длительная оборона. Боевые действия, раз начавшись, завершатся только после того, как одна из сторон будет полностью и окончательно разгромлена, а все ее солдаты убиты или ранены... Начисто лишившись чувства страха, войска начнут драться до последнего, и это будет обычным явлением, так как не станет никаких объективных причин для прекращения боя». В мире солдат и офицеров с химически регулируемой психикой начисто исчезнут какие-либо нравственные начала, они будет заменены технической подготовленностью, измеряемой, в свою очередь, физическими возможностями организма. Химические вещества, используемые для подавления чувства страха, пол-

ностью изменят внутренний мир человека и создадут с медицинской точки зрения социопатическую личность. Другими словами, надо сделать из военнослужащего ненормального, чтобы заставить его действовать «нормально» на поле боя. Парадоксальность этой ситуации в том, что, для того чтобы спасти военнослужащего на поле боя, необходимо его прежде психически травмировать, а вместе с этим отказаться на войне от таких проявлений человеческих качеств, как храбрость, самопожертвование, стойкость, героизм» [39, с. 96—104].

В действительности задача военной психологии — максимально способствовать сохранению жизни, психического и физического здоровья военнослужащих и вести поиск социально и нравственно приемлемых и безопасных для людей средств для облегчения их тягот, лишений.

2.3.16. Психологическое обеспечение деятельности военной разведки

Военная психология во многих странах мира ставит перед собой задачу психологически обеспечить деятельность военных разведок. Она конкретизируется в ряде следующих частных задач:

— разработка тестовых систем для оценки психологических качеств кандидатов в разведчики;

— психологический отбор кандидатов в разведслужбы и оценка их лояльности в ходе службы;

— психологическая подготовка разведчиков;

— психологическое обеспечение специальной подготовки сотрудников спецслужб;

— психологическая реабилитация разведчиков, переживших травматические ситуации;

— психологические аспекты вербовки агентов и др.

Разведывательная работа, по существу, работа психологическая. Она во многом сводится к противоборству интеллекта, внимания, памяти, смекалки, воли, выдержки, веры в свои силы и т.д.

Известный американский разведчик Э. Захарис подчеркивал, что «психология играет выдающуюся роль. Она позволяет нам замечать и понимать характерные особенности тех, с кем мы имеем дело...» [цит. по: 252, с. 135].

Эффективность деятельности военных разведчиков в большой степени зависит от их личностных качеств, определяющих в целом их профессиональную надежность. В этой связи специалисты спецслужб обращаются с заказом к военно-психологической науке на разработку тестов, аппаратурных и других средств отбора и оценки лояльности кандидатов и действующих разведчиков и агентов. К примеру, в США в этой сфере трудился известный психолог, автор Тематического апперцептивного теста (ТАТ) Генри

Мюррей. Основные усилия психологов, по его мнению, должны направляться на то, чтобы исключить из контингента разведчиков душевнобольных, а также людей раздражительных, медлительных, ленивых, плохих актеров и болтунов, и на то, чтобы оценить способность человека выдерживать оказываемое на него давление, быть лидером, его устойчивость к спиртному, способность умело лгать и определять характер людей по внешним проявлениям [153, с. 26]. Штатный психолог ЦРУ Джон Гиттингер создал для оценки психологической надежности сотрудников отдела стратегических служб специальный тест системной оценки личности (СОЛ), который позже распространился во многих профессиональных сферах.

Психологи считают, что разведчика в ряду прочих должны отличать следующие личностные качества: феноменальная память, внимание к деталям, способность к языкам, знание практической психологии, храбрость, знание города и района действий, правовые знания, способность к перевоплощению, наблюдательность, знание приемов единоборств [252, с. 136].

В США агенты, попавшие под подозрение, подвергаются тщательному тестированию с использованием полиграфа, фармакологических препаратов, гипноза и др. Для этого, как правило, создаются специальные группы, включающие психиатра, специалиста по полиграфу (детектору лжи), обученного гипнозу, и техника.

В последнее время органы разведки идут по пути создания собственных психологических служб.

Перечень задач, решаемых военной психологией, постоянно расширяется. Например, ей не безразличны вопросы, связанные с парапсихологическими феноменами. Во многих странах мира периодически возобновляется исследование таких явлений, как телепатия (бесконтактная передача и восприятие мыслей и состояний между людьми), кожно-оптическое зрение (ви́дение с помощью кожных покровов различных частей тела), ретроспекция (способность видеть прошедшие события), психометрия (получение информации о человеке по принадлежащему ему предмету), телекинез (мысленное воздействие на окружающие предметы), левитация (парение тела в воздухе без посторонней помощи), лозоходство (поиск объектов под землей с помощью лозы или специальных рамок), дистанционное воздействие (суггестологическое внушение) [27; 175]. Исследованием паранормальных явлений с разными задачами занимались Г. Айзенк, Н. П. Бехтерева, А. Н. Леонтьев, К.-Г. Юнг и другие.

Сама возможность паранормальных явлений не исключается современными теориями живой и неживой природы. Например, теорией голографического строения Вселенной, фотонной теорией и др. Однако исследования в этой области нередко являются спекулятивными, рассматриваются в качестве способа получения

выгодных заказов, отличаются низкой результативностью. Возможно, дальнейшее развитие науки позволит открыть тайны некоторых необъяснимых сегодня явлений.

Исследования военных психологов в рассматриваемой сфере позволяют констатировать, что есть люди (чаще это смешанные типы по классификации И. П. Павлова), которые обладают более выраженными интуитивными способностями, склонностью к предугадыванию событий, способностью тоньше чувствовать изменение свойств среды.

Выше уже отмечалось, что экстрасенсы нередко привлекаются для решения различных задач. Например, в годы Второй мировой войны в германском вермахте действовали подразделения лозоходцев, искавших воду.

Таким образом, военная психология — это отрасль военной науки и психологии, область специального научного знания и практики, нацеленная на исследование психологических особенностей совместной боевой деятельности военнослужащих и обоснование методов обеспечения ее эффективности. Она решает весь комплекс задач, связанных с психологическим описанием военных профессий и специальностей, профессионально-психологической ориентацией граждан, профессиональным психологическим отбором кандидатов на военную службу, психологической и боевой подготовкой военнослужащих к войне и решению конкретных боевых задач, психологическому обоснованию стратегии, оперативного искусства и тактики, психологической поддержки и психологической реабилитации военнослужащих, социально-психологической реадаптацией участников боевых действий, информационно-психологическим противоборством с противником, а также ряд специальных задач.

Разработка указанных направлений исследований ведет к тому, что постепенно внутри военной психологии формируются своеобразные разделы (отрасли) — военная профессиология, военная конфликтология, военная психотерапия и др.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы общие задачи военной психологии?
2. Какие задачи, решаемые военной психологией, относятся к числу специальных?

Литература

Военная психология: методология, теория, практика. — М., 1988.
Луков Г.Д., Платонов К.К. Психология. — М., 1964.
Социальная и военная психология. — М., 1990.

ГЛАВА 3

СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОГО ПСИХОЛОГА

Следует так относиться к людям, как мы желали бы, чтобы они относились к нам

Аристотель

Определение психологической работы • Психологическая служба • Задачи и особенности деятельности военного психолога • Психологическая помощь военнослужащим • Психологическое изучение личного состава • Психопрофилактика и психогигиена • Психологическое обучение и просвещение военнослужащих • Деятельность психолога в боевой обстановке • Задачи психолога на различных этапах боя • Профессионально-этические нормы • Обязанности субъектов психологической работы в полку • Взаимодействие психолога и военного руководителя

3.1. Психологическая работа в Вооруженных силах. Содержание и методы деятельности психологов воинских частей в мирное время

3.1.1. Сущность психологической работы в Вооруженных силах Российской Федерации

Психологическая работа — это деятельность, проводимая в мирное и военное время командирами, офицерами органов воспитательных структур, психологами и специально создаваемыми структурами (подразделениями), направленная на изучение, формирование и развитие у военнослужащих психологических качеств и поддержание психических состояний, необходимых для успешного ведения боевых действий, выполнения служебных и учебно-боевых задач, а также на сохранение их психического здоровья [237]. Научно-теоретической основой организации и проведения психологической работы является *военная психология.*

Психологическая работа, проводимая в Вооруженных силах РФ и других силовых ведомствах, является важнейшим элементом в системе всестороннего обеспечения жизнедеятельности военнослужащих. Ее организационное оформление происходило посте-

пенно, отражая достигнутый уровень развития психологической науки и изменения в практике военного дела (появление регулярных массовых армий, новых военных профессий, усложнение оружия и боевой техники и т.п.).

С 1991 г. кардинально переработана нормативно-правовая база воспитательной работы в Вооруженных силах РФ, определен курс на создание полноценной психологической службы. *Психологическая служба* представляет собой сеть специализированных органов, подразделений и должностных лиц, объединенных в единую организационную структуру, содержание деятельности которых определяется понятием «психологическая работа». Современный этап ее становления характеризуется развертыванием в войсках штатных должностей психологов, а также центров и пунктов психологической помощи и реабилитации, подразделений профессионального психологического отбора, научно-исследовательских подразделений и центров, разрабатывающих проблемы наиболее эффективного применения потенциала психологии в армии и на флоте.

Общее организационно-методическое руководство психологической работой в Вооруженных силах осуществляет Главное управление воспитательной работы Вооруженных сил Российской Федерации (ГУ ВР ВС РФ). Оно занимается общим планированием, организацией и обобщением результатов психологической работы в войсках, организацией ее научно-методического обеспечения, а также подготовкой и расстановкой кадров психологов.

Психологическая служба ВС РФ — достаточно сложная и многочисленная организационная структура. Вместе с тем основной объем непосредственной психологической работы осуществляется в воинских частях и подразделениях. Именно здесь находят индивидуализированное выражение и решаются психологические проблемы конкретных военнослужащих. На этом уровне в большей степени востребованы и практические навыки, умения, способности психологов к профессиональному взаимодействию с другими субъектами.

3.1.2. Задачи и особенности профессиональной деятельности военного психолога

В настоящее время должности психологов введены во всех воинских частях, а также в батальонах, имеющих определенную численность личного состава. Обладая соответствующим уровнем профессиональной подготовки, психолог является главным специалистом в воинской части в области психологической рационализации жизни и деятельности военнослужащих. Его деятельность имеет существенные отличия от деятельности других офицеров, а также психологов, работающих в гражданской сфере. Специфика

проявляется в решаемых психологом задачах, применяемых методах и средствах, а также в условиях его деятельности.

Основные задачи профессиональной деятельности психолога:

— изучение индивидуально-психологических особенностей военнослужащих, социально-психологических процессов и явлений в воинских коллективах и прогнозирование их развития;

— психологическая экспертиза профессиональной пригодности военнослужащих и поступающего пополнения в целях их рационального размещения по военным специальностям, должностям и подразделениям;

— психологический анализ боевой подготовки, учебно-воспитательного процесса, выработка предложений и осуществление мер по повышению их эффективности;

— психологическое обеспечение боевой и мобилизационной готовности, выполнения боевых и учебно-боевых задач, несения боевого дежурства (боевой службы), караульной и внутренней служб;

— психологическая профилактика девиантного поведения военнослужащих, содействие формированию здорового морально-психологического климата в воинских коллективах;

— оказание психологической помощи военнослужащим, членам их семей и гражданскому персоналу, повышение психологической компетентности военных руководителей и военнослужащих;

— участие в работе по противодействию негативному информационно-психологическому воздействию на военнослужащих.

Как мы видим, налицо чрезвычайное функциональное разнообразие и сложность задач. Их решение предполагает наличие у психолога широкого научного кругозора, ориентации во многих отраслях психологии, применения методов и средств как исследовательско-диагностического, так и управляющего характера.

Анализ и учет нормативных документов, войсковой практики организации и проведения психологической работы позволяют выделить и другие *особенности профессиональной деятельности психолога*, к которым следует отнести:

— опору на положения современной психологической науки и практики, представляющие теоретическую и эмпирическую основу, необходимую для решения практических проблем;

— обязательность неукоснительного соблюдения психологом этических норм, отношение к другому человеку как к самоценности, предполагающее адекватное восприятие и оценку психологом своих возможностей и меры воздействия на другого человека;

— жесткую регламентацию деятельности психолога различными нормативными актами, сочетающуюся с насыщенностью ситуациями деятельности, требующими личностного и профессионального самоопределения ввиду чрезвычайной сложности самого предмета деятельности психолога — психики человека;

— одновременный учет и ориентацию как на интересы и личностные ценности военнослужащего, сохранение его психического здоровья, так и на необходимость качественного решения задач воинской деятельности, зачастую экстремальных по характеру воздействия на психику и личность военнослужащего;

— ограниченность возможностей у психолога для профессионального общения и самосовершенствования, обусловленная значительной удаленностью, обособленностью мест расположения воинских частей;

— необходимость выполнения (помимо осуществления непосредственно профессиональной деятельности) и других служебных обязанностей, во многом противоречащих стилю и духу профессионального взаимодействия психолога с клиентом (например, дежурство по воинской части, контроль выполнения распорядка дня, проведение служебных расследований и т.д.);

— коллективный характер психологической работы, необходимость тесного взаимодействия в интересах дела ее субъектов, что предполагает обмен между ними психологической информацией, полученной в откровенном диалоге с военнослужащими, трудности использования этой информации в практической деятельности с учетом соблюдения требования ее конфиденциальности;

— зависимость окончательного результата от согласованности совместных действий психолога и других субъектов психологической работы — командиров, штабов, офицеров воспитательных структур.

И еще, военный психолог, в отличие от его гражданских коллег, всегда на виду у военнослужащих, которые потенциально могут обратиться к нему за решением самых разных проблем. Поэтому своим поведением и деятельностью психолог должен служить примером отношения к служебным обязанностям, образцом соблюдения этических норм.

3.1.3. Основные виды профессиональной деятельности военного психолога

Выполняя свои функциональные обязанности, психолог использует разнообразные методы, техники и технологии, объединенные по решаемым задачам и характеру их применения в отдельные виды деятельности. К числу основных видов деятельности военного психолога относятся следующие.

1. Организационно-методическая работа. В рамках данного вида деятельности планируются и готовятся различного рода мероприятия, ведется документация и совершенствуются необходимая материально-техническая база, формализованные документы (справки, обзоры, донесения и т.п.) для представления их должностным

лицам, инструктируются и обучаются другие субъекты психологической работы практике использования психологических знаний, а также непосредственным действиям при проведении мероприятий психологической работы.

2. Совершенствование профессиональной компетентности. Данный вид деятельности предполагает как самостоятельное, так и специально организованное в различных формах изучение новейших сведений из различных сфер психологической науки и практики, пополнение и освоение необходимых для выполнения профессиональных обязанностей и дальнейшего профессионального роста знаний, навыков и умений.

3. Психодиагностическая деятельность. Психодиагностика является основным «инструментом» психологического изучения военнослужащих. Она представляет собой комплекс мероприятий, проводимых психологом, по выявлению, измерению и оценке индивидуально-психологических особенностей личности военнослужащего, социально-психологических характеристик деятельности воинских коллективов в соответствии с имеющимися нормами и критериями, а также факторов, снижающих эффективность воинской деятельности.

Необходимость такой работы объясняется потребностью должностных лиц в получении достоверной и полной по объему информации о психологических особенностях военнослужащих и воинских коллективов. Она осуществляется в целях индивидуализации учебно-воспитательного процесса, повышения эффективности учебно-боевой и служебной деятельности, рационального комплектования воинских подразделений, формирования кадрового резерва, оптимизации процесса адаптации военнослужащих к условиям военной службы, профилактики нервно-психических срывов и суицидального поведения. Мероприятия, проводимые в рамках данного вида деятельности, позволяют осуществить прогноз дальнейшего развития объекта обследования; определить наиболее эффективные способы работы с ним; разработать конкретные рекомендации для обследуемого, а также для должностных лиц по дальнейшей оптимизации существующих условий жизни и деятельности военнослужащих. Результаты психологического изучения во многом определяют специфику последующей работы психолога с конкретными военнослужащими, а также содержание управленческих решений должностных лиц.

Арсенал психодиагностики составляют такие методы, как тестирование, опрос, наблюдение, беседа, анализ продуктов деятельности.

В зависимости от объекта обследования различают индивидуальную и групповую психодиагностику, которая может рассматриваться и как относительно самостоятельный вид деятельности психолога (например, психологическое изучение личности воен-

нослужащего, социально-психологического климата в коллективе и т.д.), и как один из этапов деятельности психолога в решении определенной задачи (например, предварительное изучение и получение сведений о клиенте в связи с его обращением к психологу по поводу решения определенной проблемы).

Основными типами психодиагностических ситуаций, возникающих в условиях воинской части, как правило, являются ситуации, связанные:

с *мероприятиями профессионального психологического отбора и расстановкой военнослужащих* по воинским специальностям и должностям, когда необходимо оценить степень профессиональной пригодности человека, поступающего на военную службу, выявить лиц с низким уровнем нервно-психической устойчивости, склонных к различным формам девиантного поведения;

добровольным обращением военнослужащего (членов их семей) к психологу, когда необходимо выявить причины психологических проблем (затруднений) военнослужащего в профессиональной деятельности и личной жизни и определить пути их преодоления;

аттестацией должностных лиц и специалистов, когда выявляются и оцениваются их психологические качества на предмет соответствия определенной должности или возможности обучения в военном вузе;

принудительным обследованием, проводимым по решению командования для получения необходимой информации (например, обследование поступающего молодого пополнения либо выявление психологических факторов и причин, способствующих совершению проступков, происшествий, аварий и т.п.);

необходимостью изучения существующих форм, средств и методов боевой и морально-психологической подготовки военнослужащих в целях их оптимизации в интересах повышения эффективности воинской деятельности и сохранения психического здоровья личного состава;

необходимостью получения заблаговременной объективной информации относительно уровня психологической готовности и психофизической надежности военнослужащих, заступающих на боевое дежурство (в караул), допущенных к выполнению задач, требующих особой ответственности и длительного автономного функционирования.

Полученные данные могут использоваться:

— психологом воинской части для осуществления дальнейшей коррекционной или развивающей работы;

— другими специалистами, например медицинскими, социальными работниками;

— должностными лицами для формирования управленческого решения, учета информации в воспитательной работе, при обучении военнослужащих;

— другими людьми (родственниками, представителями воинского коллектива) для воздействия на жизнь обследуемого;

— самим обследуемым в целях саморазвития или коррекции собственного поведения.

Изучение индивидуальных и групповых психологических особенностей военнослужащих — важный, но в определенном смысле предварительный этап в деятельности психолога, позволяющий получить объективную информацию для последующего ее учета при принятии управленческого решения. Наряду с другими функциями оно помогает выявить лиц с теми или иными психологическими трудностями, следовательно, нуждающихся в оказании им психологической помощи.

4. Психологическая помощь. Под *психологической помощью* понимается система мероприятий, направленных на предупреждение, смягчение или преодоление различного рода психологических затруднений у военнослужащих и членов их семей, на решение психологических проблем, возникающих у отдельного человека или группы людей. Данный вид деятельности является, пожалуй, наиболее трудным, поскольку в наименьшей степени регламентирован, включает все вышеперечисленные виды деятельности и требует от психолога интенсивной эмоциональной и интеллектуальной «включенности» в ситуацию взаимодействия с клиентом.

В ходе оказания психологической помощи решаются следующие задачи:

— разрешение кризисных психологических состояний военнослужащих, членов их семей и гражданского персонала Вооруженных сил, профилактика конфликтных ситуаций в воинских и трудовых коллективах;

— поддержание и восстановление у военнослужащих необходимого уровня психологической готовности к выполнению задач в любых условиях обстановки;

— психологическая поддержка военнослужащих в период их адаптации к условиям военной службы;

— психологическая реабилитация военнослужащих, перенесших психические травмы в процессе служебной и боевой деятельности;

— повышение психологической компетентности военных руководителей и военнослужащих;

— создание психологических условий в воинской части, исключающих необоснованные чрезмерные психологические и физические нагрузки на личный состав, способствующие благоприятному психологическому самочувствию военнослужащих, сохранению их психического здоровья.

Под *психическим здоровьем понимается комплексное многоуровневое качество жизнедеятельности, выражающее соответствие психофизического состояния и самочувствия, ориентирования и поведе-*

ния уровню развития, психофизиологическим усилиям и затратам организма, потребностям и целям личностного развития, а также наличным адаптивно-компенсаторным возможностям психики человека [187].

Необходимость психологической помощи и сохранения психического здоровья военнослужащих обусловлена тем, что в условиях военно-профессиональной деятельности человек неминуемо сталкивается с многочисленными *проблемными ситуациями*, требующими наличия определенного уровня психического ресурса человека для их успешного преодоления. Чем больше энергетических усилий требует ситуация определенного класса, тем больше вероятность снижения психического ресурса соответствующего уровня и разбалансированности психического здоровья человека. Таким образом, *объектом психологической помощи* являются военнослужащие, испытывающие проблемы и трудности личностного роста, преодоления трудных ситуаций и расстройства психического здоровья.

Множество проблем, с которыми встречаются военнослужащие в своей жизни и деятельности, можно разделить на две категории: психологические и предметные, или непсихологические.

Психологическая проблема — это совокупность психологических трудностей человека, дисгармоничное состояние, вызванное определенными противоречиями в развитии или негативными изменениями (событиями) в личной и профессиональной жизни. Психологическая проблема отличается от непсихологической тем, что ее решение предполагает изменение личности (группы), в то время как непсихологическая проблема решается путем перемен в предметной среде человека. Так или иначе, изменение предметных параметров должно быть сопряжено со знанием психологической стороны проблемы, т. е. с характером отражения, восприятия различных ее аспектов человеком, знанием его психологических возможностей и особенностей и пр.

Военная служба неизбежно сопровождается значительными психическими и физическими нагрузками. Изменение ритма жизни, уставный порядок дня, регламентированный режим поведения, невозможность уединиться, усиление ответственности, непривычные природно-географические условия — все это предъявляет повышенные требования к состоянию психического и физического здоровья военнослужащих. Еще более мощные предпосылки для формирования психической патологии у военнослужащих возникают в условиях ведения боевых действий. Необходимость выжить в обстановке смертей и разрушений, отрицательные впечатления, морально-психологическая неподготовленность, боязнь не справиться с обязанностями, чувство вины перед погибшими, нарушение режима сна и отдыха и многое другое являются основными факторами негативного воздействия на психику военнослужащих.

Наиболее типична по уровню субъективной трудности для большинства военнослужащих *ситуация адаптации к условиям воинской службы*. Под термином «адаптация» понимается процесс приспособления человека к меняющейся обстановке. Процесс адаптации воина к условиям службы требует огромного нервного труда, связанного с отказом от большинства привычек и склонностей, выработанных в течение многих лет, подчинения своего поведения новым требованиям.

Адаптация протекает сложнее и чаще сопровождается различными нервно-психическими расстройствами у лиц, перенесших поражения центральной нервной системы, имеющих отклонения в домашнем воспитании, а также слабый адаптационный потенциал.

Затрудненная адаптация может наблюдаться и у лиц, имеющих какие-либо дефекты строения тела или внешнего вида (избыточная полнота или чрезмерная худоба, большие нос, уши, кривые ноги, небольшой по размеру половой член и т.п.). Чаще всего именно эти люди становятся объектом насмешек и издевательств со стороны других, а названные недостатки — предметом собственных тягостных переживаний этих воинов.

Усугублять негативные психологические проявления могут не только индивидуальные особенности конкретного военнослужащего, но и те условия макро- и микросоциальной среды, в которых осуществляется его жизнедеятельность (отношения в воинском коллективе, разрыв привычных связей, неблагоприятные вести из дома, отсутствие внимания и дефицит уважительного отношения со стороны командиров и т.п.).

Для определения необходимости оказания психологической помощи очень важны как субъективное ощущение психологического неблагополучия самим военнослужащим, так и обобщенные представления о норме психического здоровья, позволяющие с определенной долей вероятности определить наличие либо отсутствие отклонений от нее у конкретного человека.

Круг лиц, нуждающихся в оказании психологической помощи, не ограничивается теми, у кого наблюдаются некоторые отклонения от общепринятых форм поведения и реагирования. Очень часто военнослужащий, попадая в непривычные для него условия, ситуации жизнедеятельности, не может самостоятельно найти выход из сложившейся обстановки, правильно определить для себя наилучшую линию поведения или, проще говоря, не обладает необходимыми навыками принятия решений, взаимодействия с другими людьми и т.п. В этом случае также требуется квалифицированная помощь и поддержка со стороны психолога и лиц ближайшего окружения.

В зависимости от объекта психологического воздействия выделяются следующие формы оказания психологической помощи: индивидуальная, семейная и групповая.

Основными видами и методами психологической помощи являются психопрофилактика и психогигиена, психологическое консультирование, психологическое обучение и просвещение, психокоррекция, психотерапия, психореабилитация. Рассмотрим их подробнее.

Психопрофилактика и психогигиена — это система психолого-педагогических и организационных мероприятий, способствующих предупреждению разнообразных психологических проблем и направленных на сохранение психического здоровья военнослужащих, на создание нормальных условий для их жизнедеятельности. Необходимость данного вида психологической помощи обусловлена прежде всего его ролью: болезнь (проблему) легче предупредить, чем вылечить.

Психопрофилактические мероприятия по сохранению психического здоровья военнослужащих проводятся психологом в тесной взаимосвязи с другими должностными лицами воинской части и специалистами (медицинскими, социальными работниками, юристом и др.). Психологическая профилактика и психогигиена предполагают:

— своевременное выявление таких индивидуальных особенностей военнослужащего, которые могут привести к определенным сложностям, отклонениям в его психическом развитии, в его поведении, отношениях, деятельности;

— предупреждение возможных осложнений и психических расстройств в связи с возрастными и социализационными кризисами (*психическое расстройство* — общий термин, указывающий на то, что психическое состояние человека дает основание для психиатрического или психотерапевтического вмешательства);

— оценка и контроль соблюдения условий жизнедеятельности, необходимых для нормального психического развития людей (психогигиеническая оценка комфортности среды, анализ режима деятельности и отдыха, выявление ситуаций и условий воинской деятельности, вызывающих чрезмерное психофизиологическое напряжение, психологические перегрузки и негативные переживания и т.д.).

Психологическое консультирование — это вид психологической помощи, заключающейся в разъяснении человеку его психологических трудностей, снятии психологического напряжения, повышении его социально-психологической компетентности и оказании содействия в решении сложных личностных проблем, профилактике и преодолении кризисных ситуаций, а также коррекции неадаптивных способов поведения.

В ходе консультирования решаются следующие основные задачи:

— оценка уровня психического здоровья военнослужащего и определение показаний к другим видам психологической помощи;

— оказание эмоциональной поддержки, профессиональной помощи в решении заявленной проблемы;

— информирование военнослужащего о его психологических особенностях с целью более адекватного их использования, обучение его навыкам самораскрытия и самоанализа, наиболее полного использования своих психологических особенностей и возможностей;

— изменение отношения к проблеме, мобилизация скрытых психологических ресурсов клиента, обеспечивающих самостоятельное решение проблемы;

— повышение общей психологической грамотности военнослужащих и должностных лиц;

— коррекция нарушений адаптации и личностных дисгармоний;

— выявление основных направлений дальнейшего развития личности;

— развитие реалистичности и плюралистичности мировоззрения;

— повышение стрессоустойчивости;

— повышение ответственности и выработка у клиента готовности к творческому освоению мира.

Консультирование осуществляется, как правило, в форме специально организованной беседы психолога с клиентом. Оно может проводиться также путем организации почты доверия или телефонов доверия в рамках воинской части. Консультирование может быть индивидуальным или групповым.

Психологическое консультирование является одним из ведущих и «энергозатратных» с точки зрения прилагаемых со стороны психолога усилий видов его деятельности. Изучение войскового опыта показывает, что удельный вес консультирования в общем бюджете затрачиваемого служебного времени составляет у различных психологов (по стажу деятельности и уровню квалификации) от 10 до 25 % и более. Наиболее типичными темами, с которыми к психологу обращаются различные категории военнослужащих и членов их семей, являются проблемы семейных взаимоотношений, взаимоотношений между различными должностными лицами, потребность в оказании помощи в адаптации к условиям воинской службы. В структурно-психологическом плане основными состояниями, обусловливающими обращение к психологу, являются испытываемые людьми тревога, уныние, потрясение, сомнение, неуверенность, поиск участия и т.п.

Характер консультирования в условиях воинской части отличается от консультирования, осуществляемого психологами-консультантами в специализированных психологических консультациях: здесь субъектом обращения может быть не только отдельный человек (военнослужащий), но и группа военнослужащих; круг охватываемых проблем также значительно шире — наряду с помощью в решении сугубо личностных проблем осуществляется

консультирование (в том числе командиров) и по вопросам, связанным с процессами, происходящими в воинских коллективах, которые оказывают влияние на самочувствие каждого его члена.

Деятельность военного психолога отличается и спецификой ситуации, в которой требуются его профессиональные действия, и особенностью использования информации, полученной в ходе консультирования. Как показывают исследования, примерно около трети случаев, связанных с оказанием психологической помощи, инициированы не самими нуждающимися в этой помощи, а другими лицами (в основном командованием части, подразделений и самим психологом). Это обусловлено особым характером воинского труда и условий службы, связанных с повышенными требованиями и ответственностью за жизнь и безопасность военнослужащих.

Психологическое обучение и просвещение — это комплекс мероприятий по формированию представлений о закономерностях функционирования человеческой психики, механизмах возникновения негативных психических состояний, формированию и совершенствованию навыков психолого-педагогической и управленческой деятельности, а также навыков психической саморегуляции, построения оптимальных форм взаимоотношений и взаимодействия с другими людьми.

Задачи психологического просвещения:

— ознакомление военнослужащих с основными закономерностями и условиями благоприятного психического развития человека;

— популяризация и разъяснение результатов новейших психологических исследований;

— формирование потребности в психологических знаниях, желания использовать их в работе с людьми или в интересах развития собственной личности;

— достижение понимания необходимости практической психологии и работы психолога, специфики его деятельности, возможностей и ограничений в его работе и др.

От консультирования просвещение отличается прежде всего наличием более широкого контекста и предметной области излагаемых психологических сведений, не соотносимых напрямую с актуальными психологическими проблемами конкретных военнослужащих.

Психологическое просвещение и обучение реализуются в системе общественно-государственной, командирской и боевой подготовки, а также в процессе повседневной жизнедеятельности: в ходе бесед, лекций, проведения демонстрационных психологических практикумов, тренингов, группового психологического консультирования лиц, обратившихся по поводу тех или иных проблем. Формами психологического просвещения могут быть так-

же выставки, подборка литературы, показ учебных и художественных кино- и видеофильмов, оформление сменных тематических стендов по актуальным проблемам социальной, возрастной и педагогической психологии. Эффективной формой психологического обучения являются различного рода тренинги (психофизические, социально-психологические).

Психокоррекция представляет собой психологическое воздействие, направленное на определенные психические структуры в целях оптимизации развития и функционирования индивида в конкретных условиях жизнедеятельности. Термин «коррекция» буквально означает «исправление». Психокоррекция, таким образом, — это система мероприятий, направленных на исправление недостатков психики или поведения человека с помощью специальных средств психологического воздействия. Психокоррекции подлежат недостатки, не имеющие органической основы и не представляющие собой такие устойчивые качества, которые формируются довольно рано и в дальнейшем практически не изменяются. Психокоррекционные мероприятия проводятся тогда, когда психологом выявлены негативные отклонения от *нормы* в развитии и функционировании психики конкретного человека.

Психотерапия (от греч. *psyche* — душа и *therapeia* — лечение) представляет собой систему лечебного воздействия психологическими средствами (вербальными и невербальными) на психику, а через нее на весь организм и поведение клиента. Психотерапия является деятельностью, направленной на обеспечение личностного роста военнослужащих, воссоздание гармоничных отношений с окружающей средой, ослабление действия психотравмирующих факторов, формирование и развитие качеств, необходимых для их профессиональной деятельности, а также оптимизацию социально-психологического климата в воинском коллективе.

В психотерапии как форме психологической помощи различают ее *медицинское направление*, охватывающее лечение психологическими средствами нервно-психических, психосоматических болезней и расстройств человека, и *немедицинское*, ориентированное на здорового человека и занимающееся преодолением его психологических трудностей, оказанием помощи в его личностном развитии.

Основное отличие психокоррекции от воздействий, направленных на психологическое развитие человека, заключается в том, что психокоррекция имеет дело с уже сформированными качествами личности или видами поведения и направлена на их переделку, в то время как основная задача развития состоит в том, чтобы при отсутствии или недостаточном развитии сформировать у человека нужные психологические качества.

Различие между психотерапией и психокоррекцией заключается и в том, что психотерапия имеет дело с различного рода нарушениями у людей, страдающих различными видами соматических или психических заболеваний (расстройств).

Психические заболевания — это поведенческие расстройства, которые приводят к более высокому уровню заболеваемости и смертности. Многие аномалии психики и поведения людей, которые проявляются в заболеваниях, похожи на те, с которыми имеет дело психолог, занимающийся психокоррекцией. Однако людей, обращающихся за помощью к психотерапевту, обычно называют больными или ***пациентами***, а тех, кто нуждается только в коррекционной помощи, именуют ***клиентами***.

Психореабилитация, использующая в основном методы и процедуры психотерапии, характеризуется как деятельность, направленная на восстановление психических функций и личностного статуса человека, нарушенных вследствие действия психотравмирующих факторов.

Психореабилитационные мероприятия проводятся, как правило, в системе комплексной реадаптационной программы, предполагающей не только специализированную медицинскую и психологическую помощь, но и создание необходимых социальных условий.

Перечисленные виды деятельности военного психолога образуют целостную систему, обеспечивающую вследствие комплексного применения процедур исследовательского и управляющего характера решение задач оптимизации условий жизнедеятельности военнослужащих, обеспечения эффективного выполнения ими военно-профессиональных обязанностей и сохранения их психического здоровья. При этом каждый из выделенных видов деятельности (если за критерий их сравнения брать *отношение к норме*, рассматриваемой как оптимальное состояние объекта) выполняет свою специфическую функцию:

психодиагностика — как деятельность по определению актуального состояния объекта изучения с точки зрения нормы и прогнозированию его будущего состояния;

психологическое консультирование и просвещение — как деятельность, направленная на осознание военнослужащими (членами их семей) феноменологических проявлений нормы в жизнедеятельности людей и собственном поведении;

психотерапия, психокоррекция и психореабилитация — как психологическое воздействие на объект, находящийся в состоянии отклонения от нормы, в целях возвращения его в нормальное состояние;

психопрофилактика и психогигиена — как воздействие на объект, находящийся в нормальном состоянии, с целью предупредить возможные последующие отклонения.

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое психологическая работа?
2. Что представляет собой психологическая служба в Вооруженных силах России?
3. Кто осуществляет общее организационно-методическое руководство психологической работой в Вооруженных силах?
4. Каковы основные задачи профессиональной деятельности военного психолога?
5. Какие особенности отличают профессиональную деятельность военного психолога от деятельности других специалистов?
6. Что такое психологическая помощь?
7. Каковы основные типы психодиагностических ситуаций в условиях воинской части?
8. Что понимается под психическим здоровьем?
9. Какие причины лежат в основе затрудненной адаптации военнослужащих к условиям военной службы?

Литература

Абрамова Г.С. Практическая психология: введение в практическую психологию. — Екатеринбург, 1998.

Барабанщиков А.В., Феденко Н.Ф. История советской военной психологии. — М., 1983.

Военная психология: методология, теория, практика: учебно-методическое пособие: в 2 ч. — М., 1998.

Военно-психологические взгляды русских военных деятелей XVIII—XIX вв. — М., 1993.

Караяни А.Г., Сыромятников И.В. Прикладная военная психология. — М., 2006.

Попов В.Е. Психологическая реабилитация военнослужащих после экстремальных воздействий (на материале землетрясения в Ленинакане, межнационального конфликта в Фергане и боевых действий в Афганистане): дис. ... канд. психол. наук. — М., 1992.

Психологическая психотерапия в условиях воинской деятельности / под общ. ред. П.А.Корчемного, А.Н.Харитонова. — М., 2001.

Рабочая книга войскового психолога: модель, алгоритм, технология эффективной профессиональной деятельности. — М., 1996.

Руководство по психологической работе в ВС РФ. — М., 1996.

Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. — М., 1999.

Социальная и военная психология / под ред. Н.Ф.Феденко. — М., 1990.

Сыромятников И.В. Психодиагностика: учеб. пособие. — М., 2005.

Сыромятников И.В. Становление профессиональной деятельности психолога воинской части сухопутных войск. — М., 1997.

Феденко Н.Ф., Раздуев В.А. Русская военная психология (середина IX—начало XX века). — М., 1993.

Хаханьян Г.Д. Основы военной психологии. — М.; Л., 1929.

3.2. Роль и место военного психолога в боевой обстановке

3.2.1. Функции психолога полка в боевой обстановке

Боевая деятельность является ведущим видом воинской деятельности. Все остальные ее разновидности (учебная, служебная, общественная и др.) направлены на всестороннюю и качественную подготовку к бою или на обеспечение эффективного выполнения боевых задач. Вся повседневная мирная жизнедеятельность военнослужащего лишь школа, экзаменом в которой выступает бой.

Как отмечалось выше, для того чтобы военнослужащий смог преодолеть психотравмирующие обстоятельства боевой обстановки, действовать активно, смело, самоотверженно, сохранить свою жизнь, физическое и психическое здоровье, он нуждается в постоянной психологической поддержке. Совокупность психологических мероприятий, направленных на максимальное расширение, сохранение и своевременное восстановление психологических возможностей военнослужащих и воинских коллективов в целях эффективного решения ими боевых задач, выживание, сохранение физического и психического здоровья составляют *психологическое обеспечение боевых действий.*

В процесс психологического обеспечения боевых действий войск вовлекается широкий круг субъектов (командиры, штабы, органы военного управления, медицинские работники, военные ученые, сами военнослужащие и др.). Однако при его осуществлении в звеньях «воинская часть» и «соединение» важнейшая роль принадлежит практическому психологу. Эта роль и место психолога в боевой обстановке определяются выполняемыми им функциями, системой взаимодействия с должностными лицами, этапами и последовательностью реализации своих обязанностей, «весом» его вклада в систему психологического обеспечения боя.

Рассмотрим функции психолога в боевой обстановке подробнее.

Функциональное поле деятельности военного психолога в боевой обстановке по своей конфигурации незначительно отличается от структуры функций мирного времени. В нем интегрированы элементы теоретической, прикладной и практической работы, реализующиеся в исследовательско-прогностической, нормотворческой, диагностической, консультативной, коррекционно-развивающей, управленческой, интерактивной и заразительной функциях. Кроме последней, все перечисленные функции реализуются психологом и в мирное время. Однако в бою эти функции наполняются новым, специфическим содержанием [6, с. 269; 7].

Исследовательско-прогностическая функция осуществляется в ходе прогнозирования, изучения и оценки психологических условий предстоящей и осуществляемой личным составом боевой

деятельности, в процессе построения ее психологической модели (осмысления деятельности в психологических терминах). Эта модель должна включать описание того, какие побудители (мотивы, установки) могут определять боевую активность воинов, какие из их психологических качеств, умений и навыков и как повлияют на успех выполнения боевой задачи, каким образом на боевой деятельности личного состава скажутся конкретные боевые, социально-психологические, психологические, психоэргономические обстоятельства боевой деятельности.

Нормотворческая функция заключается в выработке той ориентировочной нормы состояния психологических возможностей (психологической готовности и устойчивости, психологической совместимости, сплоченности, боевого опыта и др.), которая обеспечивает активные и самоотверженные действия военнослужащих на поле боя. Другими словами, именно психолог должен просчитать, какие мотивы и установки должны быть задействованы, какой психологический настрой создан, что должны знать и уметь воины, как они должны взаимодействовать в системе межличностных и боевых отношений, как поддержать боевую активность в ходе боя, чтобы успешно выполнить боевую задачу.

Диагностическая функция состоит в изучении и оценке текущего состояния психологических возможностей воинов по отношению к норме, определяющей успешные боевые действия.

Консультативная функция помогает расширять психологические возможности воинов и командиров при выполнении ими своих функциональных обязанностей за счет обогащения их представлений о психологических аспектах боевых действий и психологических механизмах поведения людей в жизнеопасных обстоятельствах, за счет разъяснения нормы состояния психологических возможностей воинов и способов их поддержания в заданных пределах.

Командиры воинских подразделений и частей получают рекомендации о том, как управлять психологическими состояниями и боевой активностью подчиненных, а личный состав — о способах психологической поддержки сослуживцев и приемах психической саморегуляции, немедикаментозного обезболивания, сохранения психического здоровья, эффективного поведения в плену и др.

Коррекционно-развивающая функция заключается в осуществлении практических мер по формированию и поддержанию психологических возможностей воинов в пределах нормы, восстановлению утраченных или нарушенных элементов психологического ресурса. Формами реализации этой функции являются: психологическое обеспечение боевой подготовки, участие в психологической подготовке, психологическое просвещение, психогигиена и психопрофилактика, психологическая поддержка, психологическая реабилитация и др.

Управленческая функция возникла в связи с введением в ВС РФ должностей психологов батальонов (дивизионов), а также созданием в частях постоянной боевой готовности пунктов психологической помощи и реабилитации (ПППиР), в штат которых включены два психолога (начальник пункта и ведущий психолог). Она заключается в том, что психологи вышестоящих инстанций участвуют в подборе, расстановке, обучении психологов нижестоящих инстанций, в постановке задач, оказании практической помощи в организации и осуществлении психологических мероприятий, в контроле над эффективностью работы низовых психологов и оценке их деятельности.

Важно отметить, что полковой психолог не является прямым начальником батальонных психологов, поэтому его управление носит во многом рекомендательный, методический характер. Аналогично он реализует управленческую функцию по отношению к должностным лицам пункта психологической помощи и реабилитации.

Интерактивная функция (*функция взаимодействия*) состоит в осуществлении тесного и продуктивного взаимодействия со всеми должностными лицами, от которых в той или иной мере зависит эффективность психологической работы в боевой обстановке. Так, взаимодействуя с начальником штаба и разведки полка, психолог получает информацию о противнике, вооружении и тактике его действий и т.д.

Одновременно психолог информирует начальника штаба о психологических особенностях противника, сильных и слабых сторонах индивидуальной и групповой психологии, о возможных психологических уловках, ухищрениях и т.д. Взаимодействуя с начальником полкового медицинского пункта, психолог уточняет порядок организации психологической реабилитации военнослужащих, места размещения ПППиР и др.

Заразительная функция (*функция боевого примера*) состоит в том, что в боевой обстановке, в отличие от мирных условий, психолог обязан, кроме всего прочего, показывать пример эффективных профессиональных действий, выступать своеобразным примером-символом для сослуживцев. Если психолог в бою проявит трусость, неспособность управлять своими психическими состояниями, то как профессионал он потеряет в глазах военнослужащих весь свой авторитет. То, что участники боевых действий могут простить военному врачу, специалисту по военно-социальной и культурно-досуговой работе, они никогда не простят психологу. С крушением образа психолога как человека, «знающего все о человеческой психике», умеющего управлять психикой, может рухнуть и вера комбатантов в свои возможности, в действенность тех психологических методов самомобилизации, релаксации, взаимопомощи, которым он обучал военнослужащих.

3.2.2. Обязанности военного психолога на различных этапах боевых действий

Перечисленные функции реализуются в обязанностях психолога. По сложившейся практике психолог отвечает за организацию и проведение психологической работы по поддержанию боевой и мобилизационной готовности; участвует в профессиональном психологическом отборе личного состава, расстановке его по отделениям, расчетам и экипажам; обучает офицерский состав методам обеспечения устойчивости навыков военнослужащих овладения оружием, боевой техникой, привычек боевого поведения; обучает военнослужащих методам преодоления чрезмерной психической напряженности и страха, волевой самомобилизации, оказанию экстренной психологической помощи сослуживцам; участвует в формировании и развитии у военнослужащих боевого настроя на активные действия; прогнозирует возможные психогенные потери на различных этапах боя, изменения в морально-психологическом состоянии подразделений; принимает участие в восстановлении психической устойчивости и боеспособности военнослужащих, подвергшихся панике, оказывает помощь военнослужащим с психическими травмами; участвует в мероприятиях по противодействию психологическим операциям противника; вырабатывает предложения командиру по повышению психической устойчивости военнослужащих; участвует в развитии материально-технической базы психологической работы и т.д.

Анализ перечисленных функций позволяет сформулировать основные обязанности психолога на различных этапах боевых действий.

Рассмотрим обязанности психолога на этапе подготовки к боевым действиям.

1. Психолог обязан осуществлять прогнозирование и анализ психологических условий предстоящих боевых действий, выявлять их требования к психологическим возможностям военнослужащих и воинских коллективов.

Выполнение этой задачи начинается с *изучения психологических особенностей личного состава войск противника*, выявления его сильных и слабых сторон, вероятных схем поведения в различных боевых ситуациях, наиболее уязвимых звеньев групповой и общественной психологии, возможных ухищрений, имеющихся у неприятеля сил, средств и типичных способов психологического воздействия на наши войска. Не менее важная задача психолога на этапе подготовки боевых действий состоит в *исследовании общественного мнения и настроения населения региона боевых действий*, прогнозировании его отношения к противоборствующим сторонам, характера возможного воздействия на личный состав группировки наших войск.

Например, в ходе выполнения боевых задач в Чеченской Республике были зафиксированы следующие факты: боевики нередко используют местное население для задержки продвижения наших войск в качестве своеобразного «живого щита» при нападении на них. На первых этапах антитеррористической операции эти факты практически не учитывались, воспринимались как данность, как своего рода стихийное бедствие. В результате иногда войска опаздывали с выходом в районы выполнения боевых задач, боевики успевали уйти или подготовиться к сопротивлению. Более того, случалось, что, ведя огонь из-за спин женщин, боевики поражали или брали в плен наших военнослужащих.

Сегодня, оценивая обстановку предстоящих боевых действий, психолог акцентирует внимание на возможности подобных действий противника и вырабатывает предложения командиру полка по учету и пресечению подобных и иных ухищрений.

Психолог призван *анализировать психологические аспекты тактики действий противоборствующих сторон* и возможное влияние тактических решений на психическое состояние и поведение воинов. Известно, что преимущество в бою получает та из противоборствующих сторон, которая достигает психологического эффекта внезапности, привносит новизну в тактику действий, методы применения оружия и боеприпасов. С психологической и тактической точки зрения большей эффективностью обладают такие методы боевых действий, в которых используются эффекты внезапности (засада, налет), психологического изнурения (рейды, зачистки) и другие, характерные для войск специального назначения. По оценкам специалистов (в частности, С. Григорьева), эффективность поражения огнем стрелкового оружия в налетах и засадах повышается в 4—7 раз, гранатометов и огнеметов — в 16—30 раз, мин и минно-взрывных заграждений — в 60—75 раз. Борьба с диверсионными подразделениями требует значительно больше сил и средств, чем ведение боевых действий с равными по численности общевойсковыми подразделениями. Это объясняется тем обстоятельством, что действия таких групп не связаны с удержанием каких-либо объектов, рубежей, районов.

Например, в Афганистане зона ответственности нашей дивизии составляла до 200 тыс. км^2, полка — 70—100 тыс. км^2. Эффективно удерживать и даже контролировать такие районы имеющимися в распоряжении полков и дивизий силами невозможно [3].

Психолог, осуществляя психологическое прогнозирование предстоящих боевых действий, «вводит» в тактические расчеты психологические факторы, которые в качестве своеобразных коэффициентов влияют на эффективность решения боевой задачи.

Важнейшая задача психолога состоит в *оценке реальных характеристик и потенциально возможных изменений природно-географических, погодно-климатических, технико-технологических, гигиени-*

ческих, экологических и иных обстоятельств боевой деятельности с точки зрения их влияния на психику и поведение личного состава противоборствующих сторон.

Например, психолог учитывает, что быстрая переброска с помощью транспортной авиации морских пехотинцев с Дальнего Востока в Грозный (через 7—8 часовых поясов) будет сопровождаться кардинальной перестройкой у них суточных биоритмов. В период адаптации биоритмов военнослужащих в часовом поясе Грозного (от трех и более суток) у них будут существенно (до 30 %) снижены качества внимания, памяти, мышления, выносливость и физическая сила. В это время наши бойцы будут уступать противнику в скорости обнаружения целей, точности ведения огня, боевой активности.

Не меньший негативный эффект дает быстрая доставка военнослужащих на вертолетах с равнинной местности на высоты более 3 500 м. У военнослужащих наблюдаются реакции, характерные для алкогольной интоксикации, — резкие перепады настроения, дурашливость либо угрюмость, нарушение внимания, кратковременной и долговременной памяти, скорости и логичности мышления, снижение физической выносливости, потеря способности к сосредоточению, тремор (дрожание конечностей, всего тела), хроническая усталость и др. В результате меткость стрельбы на больших высотах над уровнем моря снижается почти на 50 %. Особенно нарушается кучность стрельбы. Для акклиматизации солдата в горной местности требуется до двух недель [105; 147, с. 52, 67]. Это обстоятельство также учитывается психологом при планировании психологического обеспечения операции.

Существенное влияние на боевую активность воинов оказывает качество сна. Недосыпание принято считать основной причиной боевого стресса. Зависимость работоспособности личного состава от продолжительности сна исследовалась американскими специалистами. Результаты этих исследований представлены в табл. 4 [3, с. 93].

Нарушение естественных ритмов сна в ночной период, особенно с 2.00 до 6.00, когда сон наиболее глубок, значительно снижает способность солдата думать и действовать. Согласно исследованиям, проведенным в США и Великобритании, отсутствие сна в течение 48 ч и более практически полностью деморализует боевое подразделение, солдаты начинают страдать психическими отклонениями, в частности слуховыми и зрительными галлюцинациями. При этом страдают память и способность к принятию решений, повышается беспокойство, нарушаются биоритмы организма [147, с. 54]. Недосыпание обостряется при действиях в условиях плохой видимости.

Существует своеобразный «закон сна», требующий ежесуточного выделения четырех часов на сон солдату и шести часов —

Таблица 4

Зависимость работоспособности военнослужащих от продолжительности сна

Продолжительность сна (в часах в сутки)	Состояние боеспособности личного состава
0	Сохраняется боеспособность к выполнению боевых задач в течение трех дней. На четвертый день весь личный состав выходит из строя
1,5	50 % боеспособности военнослужащих сохраняется в течение шести дней. К седьмому дню из строя выходит 50 % личного состава
3	91 % боеспособности воинов сохраняется свыше девяти дней

командиру; при непрерывном ведении боевых действий необходимо соблюдать закон: «четыре через четыре» (четыре часа боевой активности, дежурства следует чередовать с четырьмя часами сна, отдыха).

Однако если такой режим сна обеспечить невозможно, то, как рекомендуют американские военные психологи, его может частично заменить краткий сон в течение 20—30 мин с таким же по продолжительности переходом к бодрствованию. Если солдат научится спать в таком режиме, то сможет частично восстанавливать силы и будет менее подвержен воздействию боевого стресса.

При оценке психологических возможностей наших войск психолог вводит «поправку» на уровень их боеспособности с учетом критерия качества сна.

Изучение конфликтов XX столетия показало, что боевые действия, продолжавшиеся несколько дней подряд, становились причиной серьезной психологической травмы у каждого четвертого солдата. Причем этот показатель увеличивался с каждым ратным днем [147, с. 41].

Психологами Е. Динтер, Р. Габриэль, Р. Свонк и У. Маршан выявлена своеобразная закономерность: процесс адаптации военнослужащих к боевым действиям длится примерно 15—25 сут., по истечении которых военнослужащий достигает пика морально-психологических возможностей. После 30—40 сут. непрерывного пребывания в непосредственном соприкосновении с противником наступает их быстрый спад, истощение духовных и физических сил. Поэтому считается, что пребывание воинов на передовой не должно превышать 40—45 сут. Если после этого срока военнослужащие не будут отправлены в тыл, то они по своим психофизиологическим возможностям окажутся небоеспособны-

ми — у 98 % из них возникают те или иные психические расстройства [3, с. 86—88].

Исследования зависимости человеческого фактора от эргономических условий показывают, что пребывание военнослужащих в бронетехнике на протяжении длительного времени является причиной повышенной утомляемости, значительного замедления реакций, падения работоспособности. Известно, что в случае нарушения вентиляции и при создании в машине концентрации окиси углерода в 1,5 единицы на 1000 единиц воздуха смерть экипажа наступает в течение одного часа. При медленном поглощении небольших доз этого газа у воинов появляются чувство усталости, интеллектуальная пассивность, большие ошибки в определении дистанции, замедленные ответные реакции. Известны случаи, когда длительное пребывание в бронетехнике провоцировало развитие у личного состава агорафобии — навязчивого психоневроза, при котором человек испытывает страх перед открытым пространством [1].

Психолог призван вырабатывать рекомендации по продолжительности маршей, по проверке эргономичности и экологичности боевой техники.

Давно установлено, что на психическое состояние военнослужащих серьезное влияние оказывает адекватное использование боевой техники. К примеру, городские улицы — это для танка, пожалуй, самое опасное место в бою. Здесь существенно снижается сектор обзора поля боя. Если члены экипажа вне машины могут вести постоянное круговое наблюдение за боевыми событиями, видеть маневры своих сослуживцев, вести огонь из стрелкового оружия одновременно по многим ярусам, то в танке (БМП) у военнослужащих эти возможности ограничены. При малейшем нарушении связи у экипажа может возникнуть ощущение своей изолированности от основных сил, что влечет за собой усиление беспокойства, тревоги, страха. Если в неисправном состоянии окажутся приборы ночного видения, то экипаж, по существу, лишается связи с внешним миром. Таким образом, танк в городских условиях не эргономичен. Действия в нем снижают потенциальную эффективность экипажа [3, с. 95—96].

Ясно, что выявленные тенденции должны быть обязательно учтены военным психологом и «примерены» на свои войска. В противном случае можно получить искаженную картину психологических возможностей военнослужащих, заложить неверные коэффициенты в тактические расчеты и в конечном счете сорвать выполнение боевой задачи.

Поэтому психолог обязан осуществлять экспертизу психологической готовности военнослужащих к боевым действиям в конкретных боевых, социальных, эргономических условиях военного конфликта, степень их возможной подверженности негативному

информационно-психологическому воздействию со стороны противоборствующих сил.

2. Психолог обязан участвовать в расстановке военнослужащих для решения конкретных боевых задач в соответствии с их психологическими возможностями, межличностной совместимостью, боевым опытом, динамическими показателями переживаний страха, ценностными ориентациями.

Целесообразное распределение военнослужащих предполагает наполнение ими воинских подразделений с учетом межличностной совместимости и боевой целесообразности. Психолог обязан учитывать три вида психологической совместимости военнослужащих: психофизиологическую, профессиональную, совместимость ценностных ориентаций.

Психофизиологическая совместимость военнослужащих в значительной степени определяется совместимостью их темпераментов. Известно, что темперамент отражает тип приспособления человека к окружающему миру, характер и интенсивность его реакций на происходящие события, различную степень открытости для общения с сослуживцами и др. Следовательно, чем более «подходящими» окажутся темпераменты воинов, тем больше шансов у их носителей для лучшего взаимопонимания и взаимодействия в боевой обстановке.

Совместимость темпераментов особенно важна в мелких воинских подразделениях (экипаж, расчет, боевая группа) и в том случае, когда они пополняются людьми молодого возраста, не имеющими опыта интенсивного социального взаимодействия, или лицами с низким интеллектуальным уровнем. Последствия такой несовместимости наиболее отчетливо проявляются на начальных этапах становления воинского коллектива, когда происходит своеобразная психологическая «притирка» людей, осуществляется захват социальных позиций, распределение социальных ролей, когда отсутствуют общие нормы взаимоотношений и санкции за их нарушение.

Высокая совместимость характерна для пар, которые в психологическом отношении взаимно дополняют друг друга: «холерик — флегматик» и «сангвиник — меланхолик». Здесь, например, взрывчатость холерика нейтрализуется спокойствием флегматика, а пониженный тон настроения меланхолика компенсируется жизнерадостностью сангвиника.

Средней совместимостью отличаются пары: «холерик — меланхолик», «меланхолик — флегматик», «флегматик — сангвиник», «сангвиник — холерик».

Для пары «сангвиник — холерик» свойственно постоянное напряжение из-за выяснения вопросов о том, кто из них главный и кто должен выполнить грязную или тяжелую работу. Пару «холерик — меланхолик» характеризуют резкие перепады активности (от

кипучей деятельности до полной пассивности) и эмоциональная нестабильность. В паре «меланхолик—флегматик» наблюдаются отчужденность друг от друга и отсутствие какой бы то ни было инициативы. У пары «флегматик—сангвиник» не хватает взаимного интереса, понимания друг друга, сочувствия и поддержки.

Низкой совместимостью характеризуются военнослужащие, наделенные одинаковыми типами темперамента. В таких контактных группах постоянно ощущается дефицит в одном случае спокойствия (в паре «холерик—холерик»), в другом — взаимного уважения, сочувствия и последовательности (в группе сангвиников), в третьем — бодрости и активности (у меланхоликов), в четвертом — инициативы и творчества (у флегматиков).

Не менее важно учесть при комплектовании подразделений и боевых групп ***профессиональную совместимость*** военнослужащих.

Идеалом такой совместимости является воинское подразделение, состоящее из профессионалов высокого класса, говорящих на одном профессиональном языке, одинаково представляющих себе способы взаимодействия, общие алгоритм совместного решения боевых задач и т. п. Однако в реальной жизни достичь такой совместимости одновременно во многих, а тем более во всех воинских коллективах невозможно. Поэтому на профессиональном уровне совместимости необходимо добиться хотя бы того, чтобы экипажи, расчеты, отделения не были целиком укомплектованы исключительно молодыми, неопытными, необстрелянными воинами. Целесообразно, чтобы в них сочетались опытные, бывалые и неопытные военнослужащие. Первые в этом случае будут выступать своеобразными центрами сплочения, арбитрами в разрешении конфликтов, эталонами межличностных отношений, источниками опыта деятельности и уверенности в успешном решении предстоящих задач.

Опыт Великой Отечественной войны, боевых действий в Афганистане и Чечне свидетельствует о том, что бывалые бойцы нередко выполняют роль своеобразных «адапторов», трансформирующих высокий накал боевой обстановки в спокойные, уверенные, согласованные действия сослуживцев. В дальнейшем профессиональная совместимость в значительной степени будет определяться тем, насколько близкими окажутся представления военнослужащих о целях, способах, пространственно-временных характеристиках, динамике, последовательности совместных действии, о том, кто, что, с кем, где, когда и как должен делать в той или иной ситуации.

Совместимость ценностных ориентаций означает отсутствие у военнослужащих подразделения непримиримых противоречий в оценке социальной значимости и характера совместно осуществляемой деятельности (военных действий) и других важных для коллектива и его членов событий. В одно подразделение нецеле-

сообразно назначать воинов — представителей противоборствующих и тем более враждующих этнических, конфессиональных, неформальных, политических и иных групп. Ясно, что в любом воинском подразделении, готовящемся или ведущем боевые действия, психологически не приживутся и будут источником перманентной конфликтности лица, обструкционистски оценивающие цели, способы, результаты совместной деятельности.

Немаловажен и следующий момент, связанный с психологически обоснованным распределением военнослужащих по боевым подразделениям, группам и боевым порядкам. В военной психологии давно установлено, что абсолютно бесстрашных, психически здоровых людей не бывает. По оценкам экспертов [8, с. 248—249] около 90 % военнослужащих в бою испытывают сильный страх. Американский военный психолог Э. Боринг конкретизирует физиологические формы проявления страха. На примере масштабных научных исследований в годы Второй мировой войны он показывает, что у солдат в бою отмечаются: учащение сердцебиения (у 86 %), ощущение тошноты в желудке (75 %), волнение (59 %), дрожь и подергивание (56 %), холодный пот (55 %), напряжение стенок желудка (53 %), слабость и тошнота (51 %), рвота (24 %), потеря контроля над выделением кала (10 %), потеря контроля над выделением мочи (10 %) [19, с. 499].

К сожалению, некоторые командиры, обученные мыслить в категориях количества, совершенно не интересуются, каково «качество» их подчиненных, и не учитывают психологических потерь в своих боевых расчетах. Между тем не учитывать перечисленных обстоятельств нельзя. Поэтому психолог настойчиво ищет способы нейтрализации воздействия неблагоприятных факторов боя на активность воинов. В частности, привлекается опыт боевых действий в Афганистане, который показал, что вовлечению воинов в решение боевой задачи способствует разделение подразделений на «тройки», «пятерки» во главе с опытным, волевым военнослужащим, способным психически поддержать и мобилизовать сослуживцев. В таком случае каждый воин находится на виду у товарищей и жестко связан с ними отношениями функциональной зависимости.

Снижению негативного влияния страха на боевую деятельность способствует правильная расстановка военнослужащих по этапам выполнения боевых задач с учетом выявленной немецкими психологами закономерности об индивидуально-типологических реакциях на опасность в бою: около 39 % участников боевых действий переживают пик страха преимущественно перед боем, порядка 35 % — в бою и 16 % — после боя [19, с. 500], остальные испытывают страх либо всегда, либо всякий раз в разные периоды боя. Следовательно, последние две типологические группы можно использовать перед боем в качестве боевого актива, осуществля-

ющего психологическую поддержку, позитивное эмоциональное заражение сослуживцев, выполнение наиболее сложных задач. Первую и третью группы можно активно задействовать в качестве стержня психологической устойчивости воинского подразделения в бою. Первую и вторую группы следует использовать для ликвидации негативных последствий боя и оказания психологической поддержки воинам из третьей группы.

3. Психолог обязан осуществлять массовое психологическое просвещение и консультирование военнослужащих для разъяснения симптомов боевого стресса и психической травмы, психологического эффекта применения противником нетрадиционной тактики и оружия. С этой целью используются групповые и индивидуальные беседы, демонстрация видеофильмов на военную тематику и учебных фильмов о боевом стрессе и др.

4. Психолог призван обучать военнослужащих приемам психической саморегуляции и оказания экстренной психологической поддержки сослуживцам. В этом отношении высокой эффективностью обладают психофизический тренинг, психогимнастика, методы активного социально-психологического обучения.

5. Обязанностью психолога является консультирование командиров подразделений и частей о методах эффективного воздействия на подчиненных в боевой обстановке, оказание им практической помощи в сплочении воинских подразделений, выявлении негативных социально-психологических явлений в коллективах, в психологическом обеспечении боевой подготовки подразделений.

6. В обязанность психолога входит участие в психологической подготовке личного состава к боевым действиям, определение ее целей, психологических качеств и состояний воинов, которые необходимо сформировать, наиболее эффективных средств и способов решения этой задачи.

Психолог стремится к тому, чтобы вопросы психологической подготовки отрабатывались на каждом занятии по огневой, тактической, технической, медицинской и другим видам подготовки. Чтобы на этих занятиях ощущалось «присутствие» конкретного противника, мишени для отработки техники стрельбы соответствовали реальным целям на поле боя, каждый военнослужащий реально испытывал опасность, неизвестность, внезапность, напряженность и другие факторы боя.

Кроме этого, он активно использует такие специальные методы психологической подготовки, как психофизиологический тренинг, словесно-образная психорегулирующая тренировка, психологический настрой, аутотренинг и т.д.

В ходе боевых действий возможности непосредственной психологической работы с военнослужащими резко сокращаются. Основные обязанности психолога приобретают аналитико-прогностический и консультационно-терапевтический характер.

Психолог обязан осуществлять непрерывный прогноз, анализ и оценку морально-психологического состояния военнослужащих своих войск и войск противника, контроль за состоянием утомления и качеством сна и принимать меры по их оптимизации.

На основе психологического анализа обстановки боя психолог вырабатывает предложения заместителю командира полка по воспитательной работе по поддержанию у личного состава высокого морально-психологического состояния и осуществлению информационно-психологического воздействия на противника.

Наконец, психолог организует, контролирует и в некоторых случаях непосредственно осуществляет психологическую реабилитацию воинов, подвергшихся психотравматизации, на начальных этапах развития психических расстройств с использованием возможностей Пункта психологической помощи и реабилитации (ППП иР).

После окончания боя психолог сосредоточивает свою работу на психологической реабилитации психотравмированных военнослужащих и первичной социально-психологической реадаптации лиц, завершающих участие в боевых действиях и подлежащих замене (ротации, демобилизации).

На основе анализа результатов боевых действий психолог вырабатывает предложения по оптимизации системы психологической работы в части.

Ясно, что перечисленные задачи сформулированы довольно общо и в каждом конкретном случае (определенные условия ведения боевых действий, видородовая принадлежность воинской части и т.д.) они должны быть обязательно конкретизированы.

3.2.3. Основные схемы функционирования психолога в боевой обстановке

До сегодняшнего дня официально не уточнены и не закреплены местонахождение психолога в боевой обстановке, акценты в его профессиональной деятельности на различных этапах боя, изменение функционально-ролевого профиля в динамике боя и т.д.

Исходя из опыта психологической работы в боевой обстановке и решения задач экстремальной деятельности, обозначим лишь общие схемы действия психолога, в которых зафиксированы цель и способ его действий, место нахождения в ходе боя. По этим основаниям можно выделить следующие схемы действий психолога в боевой обстановке: «Аналитик», «Организатор», «Исполнитель», «Универсал».

Схема **«Аналитик»** предполагает, что психолог находится на командном пункте полка, постоянно отслеживает психологическую обстановку в ходе боя, оперативно вырабатывает предложения по психологическому воздействию на действия своих войск и войск противника.

Схема **«Организатор»** заключается в том, что психолог работает в подразделениях, находящихся на направлении главного удара, и непосредственно организует работу должностных лиц, участвующих в психологическом обеспечении боя. Впоследствии он действует по схеме «Аналитик» при командире данного подразделения, одновременно выполняя функции представителя руководства полка.

Схема **«Исполнитель»** состоит в том, что психолог непосредственно выполняет какую-либо из наиболее важных задач психологической работы. Например, с началом боевых действий он может находиться в пункте психологической помощи и реабилитации и участвовать в скорейшем возвращении в боевой строй психотрамированных военнослужащих.

Схема **«Универсал»** предполагает, что на различных этапах боя психолог выступает в различных ипостасях («Аналитик», «Организатор», «Исполнитель»).

Во всяком случае, место психолога полка в бою и схема его деятельности определяются конкретными условиями боевой обстановки, решением командира по организации психологического обеспечения боя, наличием сил и средств для его претворения в жизнь.

Вместе с тем психолог, по какой бы схеме он ни работал, всегда должен быть готов выработать предложения командиру полка по психологическому обеспечению боевых действий. Эти предложения основываются на выводах, сделанных на основе психологической оценки боевой обстановки. Такая оценка может осуществляться с использованием, например, матрицы попарного сравнения психологических факторов боя (табл. 5).

Основываясь на выводах из психологической оценки обстановки, психолог способен предложить важнейшие основания для принятия командиром боевого решения по следующим пунктам:

— направление главного удара в зависимости от психологического состояния частей противника, психологической оценки местности и др.;

— время удара по противнику, способ воздействия (сокрушительный удар, изнурение и т.д.), средства воздействия (боевые, психологические и т.д.), исходя из оценки режимов жизнедеятельности войск противника, их этнических, религиозных особенностей, состояния обученности и др.;

— построение боевого порядка, привлечение воинских подразделений для выполнения главной задачи (исходя из морально-психологического состояния подразделений полка);

— мероприятия по дезориентации и дезорганизации противника (исходя из психологического состояния войск противника).

Для обеспечения этих положений психолог разрабатывает п р е д л о ж е н и я по организации психологической работы в полку, определяющие:

Таблица 5

Матрица парного сравнения психологических возможностей (целевого психологического ресурса противоборствующих сторон)

Оцениваемый показатель своих войск	Шкала оценки 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Оцениваемый показатель войск противника
Наличие боевого опыта		Наличие боевого опыта
Психологическая готовность к бою		Психологическая готовность к бою
Психологическая устойчивость		Психологическая устойчивость
Психологическая совместимость военнослужащих		Психологическая совместимость военнослужащих
Сплоченность подразделений (коллективизм, взаимопомощь)		Сплоченность (коллективизм, взаимопомощь) подразделений (бандформирований)
Поддержка общественного мнения (духовное единство с народом)		Поддержка общественного мнения (духовное единство с народом)
Сформированность и действенность боевых традиций		Сформированность и действенность боевых традиций
Групповой боевой настрой		Групповой боевой настрой
Доверие к командирам		Доверие к командирам
Позитивное отношение населения в зоне боевых действий		Позитивное отношение населения в зоне боевых действий
Отсутствие изоляции от основных сил		Отсутствие изоляции от основных сил
Низкие возможности противника в ведении ПсО		Низкие возможности противника в ведении ПсО
Адаптированность к природно-географическим, погодно-климатическим условиям, биологическим ритмам		Адаптированность к природно-географическим, погодно-климатическим условиям, биологическим ритмам

Окончание табл. 5

Оцениваемый показатель своих войск	Шкала оценки 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Оцениваемый показатель войск противника
Привычность режима боевой жизнедеятельности (рваный режим, нарушения сна, действия ночью и т.д.)		Привычность режима боевой жизнедеятельности (рваный режим, нарушения сна, действия ночью и т.д.)
Психологическая обоснованность и освоенность применяемых тактических действий		Психологическая обоснованность и освоенность применяемых тактических действий
Использование эффективных психологических и тактических ухищрений		Использование эффективных психологических и тактических ухищрений
Уверенность в средствах защиты, оружии и боевой технике		Уверенность в средствах защиты, оружии и боевой технике
Низкая интенсивность боевых действий		Низкая интенсивность боевых действий
Вера		Вера
Непродолжительное пребывание войск в постоянном боевом соприкосновении с противником (до 30 сут.)		Непродолжительное пребывание войск в постоянном боевом соприкосновении с противником (до 30 сут.)

Примечание: ——— — профиль психологических возможностей своих войск; – – – — профиль психологических возможностей войск противника.

— где, когда, какие мероприятия, с кем, кому провести;
— расстановку сил и средств психологической работы и порядок их перемещения в ходе боя (места, маршруты);
— порядок управления силами и средствами психологической работы (рубежи, связь, сигналы и т.д.);
— свое местонахождение на различных этапах боя и др.

Качество перечисленных предложений военного психолога позволяет оценить его возможности как одного из основных организаторов боевых действий полка.

На основании решения командира полка и указаний заместителя командира по воспитательной работе психолог составляет раздел «Психологическая работа» в плане морально-психологического обеспечения конкретных боевых задач, решаемых полком. Этот раздел включает мероприятия по:

— прогнозированию, изучению и оценке психологических условий боевых действий;

— психологическому консультированию офицеров;

— психологическому обеспечению боевой подготовки;

— психологической подготовке личного состава, целесообразной расстановке, сплочению воинских подразделений;

— психологической помощи военнослужащим;

— психологическому воздействию на противника и население района боевых действий;

— организации работы пунктов психологической помощи и реабилитации.

План является законом для всех субъектов морально-психологического обеспечения боевых действий полка и во многом определяет слаженность, последовательность, преемственность и эффективность их деятельности.

Таким образом, роль психолога в организации и осуществлении психологического обеспечения боевых действий полка реализуется в виде выполняемых им функций и обязанностей. На основе осуществляемой психологом оценки боевой обстановки и выработанных предложений не только строится система психологического обеспечения боевых действий, но и формируется решение командира полка. Грамотные, научно обоснованные, выстроенные на точной оценке обстановки предложения психолога о психологическом обеспечении боя могут создавать основу для определения его важнейших параметров и характеристик: построение боевого порядка, время и направление главного удара и сосредоточения основных усилий, способ действий, мероприятия по введению противника в заблуждение и т.д.

Место психолога полка в бою определяется конкретными условиями боевой обстановки и интегрируется в схемах аналитической деятельности, организации и непосредственного осуществления психологической работы.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы основные функции, выполняемые военным психологом в боевой обстановке? Чем они отличаются от функций мирного времени?

2. Что лежит в основе логики выделения обязанностей военного психолога на разных этапах ведения боевых действий?

3. На каких основаниях выделяются различные «схемы» действий военного психолога в бою?

4. Каков вклад психолога полка в эффективность его боевых действий?

5. Каковы основные тенденции развития военно-психологического сообщества России?

Литература

Калинчук Л.В., Караяни А.Г., Логинов И.П. Технологии морально-психологического обеспечения: актуальные проблемы теории и практики. — М., 1996.

Караяни А.Г. Психологические особенности боевых действий воинов в различных видах и условиях боя // Современная военная психология. — Минск, 2003. — С. 456—468.

Караяни А.Г. Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей Сухопутных войск в локальных военных конфликтах. — М., 1998.

Караяни А.Г. Современный бой и его влияние на психику воинов // Современная военная психология. — Минск, 2003. — С. 443—456.

Караяни А.Г., Сыромятников И.В. Прикладная военная психология. — М., 2006.

Современная буржуазная военная психология / под ред. А.В.Барабанщикова и Н.Ф.Феденко. — М., 1964.

Сыромятников И.В. Организация психологической работы в части в мирное время. — М., 2000.

3.3. Профессионально-этические нормы деятельности военного психолога

Профессиональная деятельность психолога — это весьма сложная и ответственная область, требующая соответствующего образования, мастерства, так как затрагивает судьбы людей. Она связана с познанием сугубо индивидуальных личностных особенностей людей, их глубоких внутренних переживаний и состояний. В процессе работы психолог оперирует информацией, небрежное использование которой может нанести непоправимый вред отдельным людям, семьям, коллективам, авторитету самой психологии. Психолог должен вырабатывать предложения и рекомендации должностным лицам, предоставлять им необходимые данные о личном составе в интересах принятия управленческих решений, проведения воспитательной работы. Кроме того, психолог самостоятельно осуществляет целенаправленное вмешательство в мысли, чувства, мировоззрение и поведение военнослужащих.

В данной связи к психологам предъявляется ряд социально-этических и профессиональных требований, соблюдение которых позволяет специалисту пользоваться доверием людей, правильно ориентироваться в ситуациях конфликта между нормами субор-

динации и нравственности, потребностями и интересами отдельных людей и различных групп.

Профессионально-этические нормы — требования, предъявляемые к уровню профессиональной квалификации психолога, реализации им в своей деятельности специфических нравственных норм поведения как во взаимоотношениях с коллегами, научным сообществом, так и с испытуемыми и клиентами.

Профессионально-этические требования сформулированы в ряде принципов. Рассмотрим их подробнее.

Принцип соблюдения тайны. Этот принцип означает, что любая информация, сообщенная клиентом психологу, не может быть передана без его согласия ни в какие общественные или государственные организации, должностным или частным лицам, в том числе родственникам, друзьям и т.д. Оговаривается не только сам факт возможности или невозможности передачи информации, но также и объем этой информации, круг лиц, которым она может быть передана, цели и порядок использования информации этими людьми. Из указанного правила есть исключения, о которых клиент всегда должен быть предупрежден заранее. Примером может служить ситуация, когда психолог узнает во время приема о чем-то таком, что является серьезной угрозой для чьей-либо жизни или здоровья.

Принцип ненанесения ущерба. Он предполагает, что психолог не должен распространять информацию и специальные психологические знания, которые могут быть использованы для манипулирования людьми, ухудшения отношений между ними.

Психолог обязан:

— уважать личную неприкосновенность военнослужащих, их право на участие или неучастие в исследованиях, на психологическую консультацию без присутствия третьих лиц;

— разъяснять цели и задачи психологических исследований, порядок использования полученной информации;

— не использовать методики и процедуры, ущемляющие личное достоинство человека;

— оценивать любую профессиональную ситуацию с этической точки зрения и информировать командиров (начальников), других лиц об этических требованиях, предъявляемых к этой ситуации, и о собственной этической позиции.

Результаты психологического обследования предоставляются испытуемому лицом, проводившим обследование, в доступной для правильного понимания форме.

Принцип научной обоснованности используемых психологических методик и объективности выводов. Данный принцип требует, чтобы методы и средства, применяемые психологом, были валидными и надежными, т.е. давали такие результаты, которым можно вполне доверять. Психолог должен использовать методы и техники, меха-

низм действия которых сам ясно понимает, считает достаточно освоенными и последствия применения которых предвидит. Выводы, которые делает психолог, должны вытекать из результатов самого обследования, а не зависеть от субъективных установок тех, кто его проводит или пользуется его итогами.

Принцип комплексной диагностики и психологической помощи. Этот принцип предполагает сочетание различных методических приемов при диагностике одного и того же психического свойства. В ходе оказания психологической помощи должна быть вскрыта система причин, вызвавших предложенную психологу-консультанту ситуацию. В определении факторов, которые обусловливают возможность позитивных изменений, должен преобладать комплексный подход, учитывающий возможность реализации данных факторов в системе профессиональных действий как самого психолога, так и других должностных лиц, специалистов и окружения клиента.

Принцип безоценочного отношения к клиенту и уважения его личности. Психолог создает такие условия, при которых обратившийся за помощью военнослужащий (клиент) чувствует себя спокойно и комфортно во время беседы. Необходимо принимать людей такими, какими они есть. Ради создания атмосферы доверия, способствующей более полному раскрытию личности, психолог стремится избегать каких-либо оценочных суждений. Что бы ни говорил человек — все достойно доброжелательного внимания.

Принцип эффективности рекомендаций. Этот принцип предполагает, что рекомендации психолога обязательно должны быть безусловно полезными для того человека, которому даются. Они должны быть выполнимыми как для самого человека, так и для должностных лиц, имеющих отношение к решению конкретной задачи. Эффективность рекомендаций предполагает их конкретность, учет компетентности и компетенции тех лиц, которым они адресуются.

Принцип рефлексии профессиональных ограничений. Военный психолог должен отвечать за последствия своей профессиональной деятельности, четко представлять пределы своих возможностей в решении стоящих задач, применять только проверенные и освоенные методы работы, прогнозировать последствия своих действий, сводить к минимуму риск непреднамеренного отрицательного воздействия на людей.

Должностным лицам, получившим психологическую информацию от психолога, необходимо воздерживаться от применения административных мер без тщательного и всестороннего анализа и учета полученных сведений и возможных последствий применяемых воздействий. В интересах клиента психолог должен активно сотрудничать с врачами, юристами, должностными лицами органов воспитательной работы. Он уполномочен лично препятство-

вать некорректному и неэтичному осуществлению мероприятий психологической работы. Нарушение психологом этических норм и принципов работы не совместимо с исполнением им обязанностей по занимаемой должности.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем суть принципа соблюдения тайны?
2. Что предполагает принцип не нанесения ущерба?
3. В чем состоят требования принципа научной обоснованности используемых психологических методик и объективности выводов?
4. На что ориентирует принцип комплексной диагностики и психологической помощи?
5. В чем суть принципа безоценочного отношения к клиенту и уважения его личности?
6. Что требует от психолога принцип рефлексии профессиональных ограничений?

Литература

Абрамова Г.С. Практическая психология. Введение в практическую психологию. — Екатеринбург, 1998.

Вачков В.В., *Гришпун И.Б.*, *Пряжников Н.С.* Введение в профессию «психолог». — М., 2003.

Караяни А.Г., *Сыромятников И.В.* Прикладная военная психология. — М., 2006.

Психологическая психотерапия в условиях воинской деятельности / под общ. ред. П.А.Корчемного, А.Н.Харитонова. — М., 2001.

Рабочая книга войскового психолога: модель, алгоритм, технология эффективной профессиональной деятельности / под ред. Л.Г.Лаптева. — М., 1996.

Руководство по психологической работе в ВС РФ. — М., 1996.

ГЛАВА 4

ПСИХОЛОГИЯ ОВЛАДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПСИХОЛОГА

Теория без практики мертва, а практика без теории слепа.

Философская мудрость

Проблема профессионального самоопределения психолога • Личностные качества психолога • Критерии эффективности психологической работы • Психологические противопоказания к деятельности психолога • Профессиональное образование психологов • Содержание профессиональной компетентности психолога • Формы профессионального совершенствования военного психолога • Факторы, затрудняющие профессиональное становление военного психолога

4.1. На пути к профессии военного психолога: проблема профессионального выбора

Профессиональный выбор является частью более общего процесса — профессионального самоопределения, т.е. определения своей позиции в проблемной ситуации. *Проблема самоопределения* не является предметом изучения одной лишь психологии. Она всегда рассматривалась как серьезная мировоззренческая проблема и в этом отношении представляет междисциплинарную область исследований. Вопросы о смысле существования человека, его места в окружающем мире являются, пожалуй, наиболее древними, составляя одну из ведущих проблем философской антропологии. Размышления на эти темы свойственны и юношескому возрасту, в котором, по сути, определяется «эскиз» собственного профессионального будущего.

Проблема профессионального самоопределения становится особенно актуальной в старшем школьном возрасте, однако не может быть ограничена только им. Первичный выбор профессии, создавая специфический психологический настрой молодого человека на определенную перспективу, подлежит переосмыслению на дальнейших этапах профессионализации, в том числе и в процессе обучения в вузе или по его окончании.

Многообразны по сложности переплетения воздействующих на человека факторов и ситуации профессиональной деятельности, которые требуют ответственного и адекватного выбора того или иного варианта профессиональных действий или поведения. Это могут быть ситуации профессионального общения с коллегами, профессиональной переориентации, профессиональной и межрегиональной мобильности в связи со сменой специальности, совершенствования в профессии и т. п. Неадекватность профессионального самоопределения проявляется в издержках (психологических и материальных) не только для человека, но и для общества в целом.

Таким образом, проблема профессионального самоопределения, имея несколько аспектов рассмотрения (психологический, социальный, экономический и пр.), непосредственно связана с поиском путей гармонизации интересов личности и профессии, общественных отношений в профессиональной сфере, оптимизации финансовых затрат на подготовку и переобучение кадров.

Особенностью сегодняшнего дня является то, что профессиональный выбор совершается молодыми людьми зачастую не вполне осознанно. Это означает, что при выборе профессии преобладают либо внешние факторы (советы друзей, родственников, выбор «за компанию», «модный выбор», «продолжение династии» и т. п.), либо молодой человек или девушка принимает во внимание отдельные (как правило, наиболее выигрышные) аспекты будущей профессии: ее престижность, условия труда, расположение вуза и т. п. В меньшей степени осознается то обстоятельство, что выбранная специальность требует для ее освоения не только личностных предпосылок, но и значительного усердия, а иногда и существенных самоограничений.

Профессия психолога сегодня относится к числу наиболее распространенных, «модных», но одновременно и востребованных в обществе. Видимо, в значительной степени в этом сказывается идущий из древности интерес человека к самопознанию. Вместе с тем иллюзия доступности и сходства житейских рассуждений с комментариями, размышлениями психологов существенно влияет на восприятие психологии как относительно доступной, легкой для освоения сферы деятельности. Это серьезное замечание, однако оно не должно «сбивать» романтический настрой в отношении психологии тех молодых людей и девушек, которые решили (в том числе не без прагматических соображений, и это правильно) посвятить ей свою жизнь. Кроме того, внутреннее убеждение в правильности выбора и интерес к профессии психолога являются мощным фактором ее успешного освоения. Другим, не менее значимым, фактором является наличие необходимых личностных качеств, важных для психолога, и, что еще важнее — отсутствие черт личности, характера, являющихся противопоказаниями для данного специалиста.

Рассуждая на тему о том, какие личностные качества побуждают людей заниматься психологией, В.Н.Дружинин приводит приписываемые В.М.Бехтереву слова: «Психологи — с психинкой, неврологи — с нервинкой». В.Н.Дружинин показывает, что подобных примеров немало: «Близорукие занимаются зрением, социальные психопаты — нравственной регуляцией поведения, люди, неоднократно состоявшие в браке, изучают психологию брака и семьи, а поэты-неудачники изучают психологию творчества. С одной стороны, кажется, этому есть примеры. Ч.Дальтон открыл явление цветовой слепоты — неразличения красного и зеленого цветов (дальтонизм). В то же время он сам имел этот дефект. З.Фрейд, по воспоминаниям близких ему людей, был сексуальным невротиком. С другой стороны, Ф.Гальтон, занимавшийся проблемой способностей, был гением, а уровень интеллекта "самого" Пиаже был исключительно высок» [60, с. 31].

По мнению В.Н.Дружинина, выбор конкретной области психологии может быть обусловлен либо «избытком», либо «недостаточностью» какого-либо «психического качества» у человека. Возможно, чувство дезадаптации, ощущение своей непохожести на других людей и побуждает человека к занятиям психологией. Как было показано А.Адлером, комплекс неполноценности является источником активности во многих сферах человеческого творчества.

Обосновывая это положение, В.Н.Дружинин отмечает, что к занятиям психологией людей во многих случаях побуждает «чувство непохожести на других... душеведческая направленность ума — результат его жизни, порожденный необычностью внутреннего мира, неадаптированностью к внешнему миру, чувствительностью к состояниям и поведению другого и стремлением эту неадаптированность преодолеть рациональными методами, путем исследования особенностей психики других людей. Отсюда психологам присуща терпимость, снисходительность к людям, поскольку изначально они допускают возможность различных, нестандартных форм поведения, мыслей, переживаний». Изначальная неадаптированность преодолевается психологом с помощью выработки в себе чрезвычайно адаптивной картины мира, адаптивных критериев оценки других людей, адаптивных способов взаимодействия с ними [60, с. 31—32].

Личностная предрасположенность к профессии, как правило, дополняется типичными представлениями-стереотипами в отношении профессии психолога [22, с. 6—10]:

— психология представляет науку, которая все знает о человеке, а человек, овладевший ею, будет «видеть людей насквозь»;

— психолог — это человек, который от природы наделен особым даром к общению, к пониманию других людей;

— психолог — это человек, умеющий влиять особыми техниками на поведение, мысли, чувства других людей;

— психолог — человек, досконально знающий себя и владеющий собой в любых обстоятельствах;

— психолог — это мудрец, знающий о жизни больше других.

Все это (стереотипы, мотивы, собственные личностные качества) в своей совокупности формирует особое информационно-мотивационное поле, на базе которого человек формирует для себя ту причину выбора профессии, что соотносится с его личностным смыслом именно на этом конкретном этапе его жизненного пути. Эта формулировка, например «хочу научиться разбираться в людях», «хочу понять себя и окружающих» и т.п., со временем становится, может быть, менее романтичной, но более содержательной. В нее «включаются» ориентиры, связанные со специализацией в определенной сфере психологии, временны́е и содержательные аспекты профессиональных достижений, в том числе научного и карьерного роста.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие факторы влияют на выбор профессии психолога?
2. Какую роль играет ощущение своей непохожести на других людей при выборе профессии психолога?
3. Каковы наиболее типичные представления в отношении профессии психолога у молодежи?

Литература

Вачков В.В., Гришпун И.Б., Пряжников Н.С. Введение в профессию «психолог». — М., 2003.

Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. — СПб., 2001.

Елбаев Ю.А. Психологические основы повышения эффективности профессионального психологического отбора в высших военно-учебных заведениях: дис. ... канд. психол. наук. — М., 1991.

Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. — М., 2004.

Маркова А.К. Психология профессионализма. — М., 1996.

Ожерельева И.Г. Психологические особенности профессионального самоопределения военнослужащих, проходящих военную службу по контракту. — М., 2006.

Пряжников Н.С. Методы активизации профессионального и личностного самоопределения: учеб.-метод. пособие. — М., 2002.

4.2. Профессионально важные качества личности военного психолога. Квалификационные требования к психологам в России и за рубежом

Квалификационные требования определяют уровень профессиональной подготовки выпускников вуза по специальности «Пси-

хология», который позволяет им успешно выполнять соответствующие функциональные обязанности.

Вместе с тем, учитывая многообразие видов деятельности психолога, ее многоаспектность, сложность, следует признать, что на сегодняшний день не существует системы универсальных критериев ее успешности. Это затрудняет решение проблемы выработки «оптимальной модели» личности самого психолога. Несмотря на то что понятие «психолог» свидетельствует о некоей обобщенной сфере профессиональной деятельности человека, нельзя быть психологом «вообще». На это, в частности, указывает внутренняя дифференциация психологии, чего не наблюдается ни в какой другой сфере теории и практики профессиональной деятельности.

Результаты исследований в области профессионализма психолога, проведенных рядом ученых (Н. А. Аминов, М. В. Молоканов, В. Н. Дружинин, В. Н. Карандашев и др.), доказывают, что сообщество психологов можно вполне обоснованно разделить на группы «психолог-практик» и «психолог-исследователь».

Этот подход максимально конкретно, математически выражен Р. Кеттелом и его научными соратниками, исследовавшими психологические факторы эффективности деятельности психологов-исследователей и психологов-практиков [60, с. 32].

Р. Кеттелу удалось вывести своеобразные формулы факторов эффективности деятельности:

а) для психолога-исследователя:

$$Э_и = 0{,}31A + 0{,}78B + 0{,}47N;$$

б) для психолога-практика:

$$Э_п = 0{,}72A + 0{,}29B + 0{,}29H + 0{,}29N,$$

где А — готовность к контактам; В — общая интеллектуальность; Н — ненасыщаемость контактами с другими людьми; N — умение поддерживать контакт [60, с. 32].

Из представленных формул видно, что психолога-практика отличают высокая готовность к общению с другими людьми, отсутствие утомления от контактов с окружающими, в то время как для психолога-исследователя эти качества являются второстепенными, а на первый план выходит общая интеллектуальность.

Однако само по себе разделение психологических профессий на «теоретические» и «практические», по сути, достаточно условно, так как, в какой бы сфере деятельности ни работал психолог, его работа всегда связана с людьми. Душа человека, его внутренний мир — это то общее, что, собственно, и объединяет всех специалистов психологического профиля. Тем не менее «теоретики» и «практики» — два разных типа деятельности психолога, которые соответственно предъявляют и разные требования к про-

фессиональной подготовке специалиста, даже в том случае, когда их обучение осуществляется в едином образовательном пространстве.

При определении квалификационных требований к уровню профессионализма и эффективности труда психолога, наряду с выработкой обобщенных норм, необходимо учитывать и специфику конкретного вида деятельности. При этом критерии, определяющие возможность исполнения функций психолога, являются разноплановыми, более или менее детализированными.

Так, например, в большинстве развитых стран предполагается наличие у психолога определенного опыта практической деятельности. Чтобы допустить специалиста к самостоятельному исполнению обязанностей психолога-консультанта или психотерапевта, в нормативных документах предусмотрено обязательное прохождение им практики (500—600 ч) под руководством опытных психологов, а также достижение определенного возраста (27—29 лет).

Анализ зарубежного и отечественного опыта показывает, что объективная оценка уровня квалификации психологов представляет собой важнейший элемент в общей системе государственного регулирования их деятельности. Так, во многих странах лицензирование и сертификация психолога являются необходимыми условиями для начала самостоятельной деятельности и расширения ее сферы. Правом наделять полномочиями и регулировать практическую деятельность психологов пользуются, как правило, специальные комиссии, или экспертные советы, в которые входят представители университетских кафедр, клиник, реабилитационных центров и др. Для комплексной проверки кандидата на получение лицензии проводится экзамен, в ходе которого оцениваются знания и умения специалиста.

Следует отметить, что для каждого из осуществляемых военным психологом видов профессиональной деятельности по тому или иному направлению психологической работы существуют свои *критерии и показатели*, лежащие в основе оценки как профессиональной компетентности, так и успешности самой деятельности.

Профессиональная компетентность — это определенный уровень знаний, навыков и умений, позволяющий психологу самостоятельно и в полном объеме выполнять профессиональные обязанности, обеспечивая соответствие процессуальной и результативной сторон деятельности нормативным требованиям.

К числу основных показателей профессиональной компетентности военного психолога могут быть отнесены следующие:

— психологические знания об объекте деятельности и практических способах его изучения и управления;

— знание требований, определяющих порядок организации и проведения психологической работы в воинской части;

— знание и соблюдение этических норм деятельности;

— самостоятельность в применении различных методов и средств деятельности (опора на собственный профессиональный опыт, наличие/отсутствие затруднений, ошибок и т.п.);

— владение навыками эффективной профессиональной коммуникации;

— умение планировать работу, оптимально распределять трудозатраты служебного времени;

— полнота отражения признаков профессиональной деятельности и др.

Показателями эффективности психологической работы в воинской части являются:

— удовлетворенность военнослужащих условиями жизнедеятельности в воинской части, обеспечивающими нормальное функционирование психики;

— способность командиров и должностных лиц опираться в своей работе на психологические знания;

— учет информации психолога должностными лицами при принятии ими управленческих решений и практической работе с людьми;

— удовлетворенность военнослужащих, обращавшихся за психологической помощью к психологу, результатами проведенной с ними работы;

— объективность и точность психологической информации, своевременность и конкретность рекомендаций и предложений должностным лицам;

— систематичность проведения и действенность мероприятий психологического обеспечения задач служебной и учебно-боевой деятельности.

В работе военного психолога приобретенные им знания, умения и навыки являются, безусловно, существенными, ведь они представляют важнейший инструмент реализации профессиональной деятельности. Но не менее важно, в какие руки попадает этот инструмент, как им воспользуется специалист, а это уже зависит от его личности, в частности от уровня развития его моральных, нравственных, этических качеств. По мнению известного психолога Р. Мэя, личность психолога является основным орудием его труда и соответственно ее полнота и цельность приобретают особое значение для достижения профессиональной эффективности.

Система профессионально важных качеств рассматривается в науке как сложная структура, в иерархии которой личностная составляющая занимает одно из приоритетных мест.

Выявление наиболее типичных для деятельности психолога личностных свойств является сложной и пока еще до конца не решенной задачей. Так, Е.А. Климов, относя деятельность психо-

лога к профессиям типа «человек — человек», отмечает, что к ее особенностям можно отнести чрезвычайную сложность, нестандартность, текучесть предметов рассмотрения или воздействия. Зачастую сам предмет труда появляется в результате напряженного творческого поиска.

Одна из важных особенностей личности психолога, по мнению ученого, — это душеведческая направленность к проявлениям чувств, ума и характера другого человека, наблюдательность к проявлениям его душевной деятельности, умение мысленно представить его внутренний мир, способность сопереживать, доброжелательность, терпение и снисходительность к различным нестандартным проявлениям поведения, образа мыслей, выдержка и умение «не выходить из себя». При этом большую роль играют жизненный опыт человека, коммуникативные качества (общительность, умение слушать собеседника, умение правильно (понятно, ясно, связно) излагать свои мысли, владение устной речью, способность предвидеть реакции собеседника на собственные высказывания).

На эти и другие характеристики личности психолога указывают многие авторы. Вместе с тем специалисты практически в один голос говорят о том, что разработка «модели личности психолога» является одной из наиболее острых и сложных проблем. В личностном профиле психолога требуются такие качества, которые очень трудно измерить в баллах: добродушие, порядочность, честность, естественность, житейская мудрость и т.п. В результате нередко специалисты иногда идут «от противного», пытаясь выделить явные противопоказания для работы в качестве психолога.

К таким противопоказаниям для работы в качестве психолога, в частности, относятся:

1) ненависть к людям. Она характерна для людей, часто без причины озлобленных, нуждающихся в психологической помощи, непригодных к психологической работе, но каким-то образом получивших дипломы о высшем психологическом образовании и «пробравшихся» в психологическую практику;

2) откровенное психическое нездоровье. Психически больной психолог может оказаться опасным для своих клиентов, особенно когда он работает с детьми и подростками;

3) неумение общаться, неспособность выстраивать с людьми отношения на взаимоуважительной основе. Это не просто бестактность или невоспитанность, это препятствие для построения подлинно диалогического взаимодействия с клиентом (или с коллегами), это основа будущей манипуляции сознанием клиента, что для психолога должно рассматриваться как страшнейший «профессиональный грех»;

4) лень, безынициативность, пассивность при овладении психологическими знаниями [22, с. 227].

Вопросы для самоконтроля

1. Какие личностные качества психологов способствуют их успешности в исследовательской и практической деятельности?
2. Кто пользуется правом наделять полномочиями и регулировать практическую деятельность психологов?
3. Какие показатели лежат в основе оценки профессиональной компетентности военного психолога?
4. Каковы показатели эффективности психологической работы в воинской части?
5. Какими личностными качествами должен обладать психолог?
6. Какие личностные качества являются противопоказанием для профессии психолога?

Литература

Аминов Н.А. Диагностика педагогических способностей. — М., 1997.

Бачманова Н.Ф., Стафурина Н.А. К вопросу о профессиональных способностях психолога // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. — Л., 1985. — Вып. 5. — С. 78—86.

Вачков В.В., Гришпун И.Б., Пряжников Н.С. Введение в профессию «психолог». — М., 2003.

Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. — СПб., 2001.

Манухина С.Ю. Психологические детерминанты профессиональной успешности психолога-диагноста кадровой службы (в сфере бизнеса): автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 2006.

Маркова А.К. Психология профессионализма. — М., 1996.

Молоканов М.В. Двухмерное пространство моделей коммуникативного взаимодействия. Ролевая определенность практического психолога // Вопросы психологии. — 1995. — № 5. — С. 51—60.

Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. — М., 2004.

Сыромятников И.В. Становление профессиональной деятельности психолога воинской части сухопутных войск. — М., 1997.

4.3. Отечественный и зарубежный опыт подготовки психологов

Вхождение человека в профессиональную деятельность предполагает прохождение им определенных этапов профессионального образования. Основу профессионального образования психологических кадров составляет систематическое обучение в учебных заведениях различного типа. *Профессиональное образование* рассматривается как система образовательных технологий, ориентированных на формирование у человека необходимых для данной профессии знаний, умений и качеств.

Для реализации целей образования в стране функционирует *система образования*, представляющая собой совокупность:

— системы образовательных программ и государственных образовательных стандартов различного уровня и направленности;

— сети реализующих их образовательных учреждений различных типов и видов с различными организационно-правовыми формами;

— системы органов управления образованием и подведомственных им учреждений и предприятий.

Приобретаемые в ходе профессиональной подготовки специальность и квалификация в значительной мере определяют потенциальные границы включения психолога в те или иные сферы и виды деятельности.

Высшее образование в области психологии предполагает несколько самостоятельных циклов обучения, каждый из которых завершается получением соответствующей степени, дающей определенные права при продолжении обучения и при устройстве на работу.

Так, в США психологическое образование включает три ступени. Первая ступень представлена двухгодичными колледжами, осуществляющими подготовку кадров среднего звена (как правило, вспомогательный или технический персонал, принимающий участие в психологическом обслуживании под наблюдением квалифицированного специалиста). Выпускникам двухгодичного колледжа присуждается степень младшего специалиста. К высшим учебным заведениям второй ступени относятся четырехгодичные колледжи, самостоятельные или входящие в состав университета. Выпускникам четырехгодичного колледжа присуждается степень бакалавра. Высшими учебными заведениями третьей ступени, ориентированными на подготовку специалистов высокого класса и дающими право на получение степени магистра и доктора наук, являются в основном университеты. В рамках университета, как правило, функционируют исследовательские школы, готовящие научных работников и осуществляющие фундаментальные исследования, а также профессиональные школы, ведущие подготовку специалистов-практиков.

Многообразие научных дисциплин, изучаемых сегодня студентами психологических факультетов, иллюстрирует классификация психологических отраслей, принятая организаторами XXVI Международного психологического конгресса, состоявшегося 16—21 августа 1996 г. в Монреале (Канада).

В список входят следующие отрасли: 1. История и теория. 2. Методы исследования и статистика. 3. Поведение животных. 4. Сенсорные и моторные процессы. 5. Внимание и восприятие. 6. Нейронауки. 7. Нейропсихология. 8. Эмоции и мотивация. 9. Обусловливание и научение. 10. Память и познание. 11. Язык, речь и общение.

12. Когнитивная наука и интеллектуальные системы. 13. Человеческий фактор и эргономика. 14. Стадии развития. 15. Процессы развития. 16. Психология образования. 17. Личностные процессы и надиндивидуальные различия. 18. Социальная психология. 19. Социальные проблемы. 20. Половые различия. 21. Психология и право. 22. Кросскультурная психология. 23. Политическая психология. 24. Клиническая и консультационная психология. 25. Психология здоровья. 26. Индустриальная и организационная психология. 27. Психология среды. 28. Психология как научная дисциплина.

Внутри каждой категории существует группа от трех до десяти более мелких (но не менее важных) отраслей. Например, категория 28 включает: преподавание психологии, этику психологии, организационные проблемы, отношение психологии к другим наукам, развитие психологии в разных странах.

Перечень учебных дисциплин, подлежащих изучению в определенном вузе, достаточно широк и отражает специфику будущего профессионального предназначения выпускника. Кроме того, необходимо учитывать и то, что психология — молодая наука, которая находится в развитии. Процессы дифференциации и интеграции психологического знания, запросы практики приводят к возникновению новых отраслей и теоретических направлений.

В нашей стране психологов готовят на психологических и психолого-педагогических факультетах классических и педагогических университетов. Специальность 030301.65 «Психология» включена в классификатор направлений и специальностей высшего профессионального образования. По неполным данным, к концу 1990-х гг. в государственных и негосударственных вузах Российской Федерации было создано около 150 психологических факультетов и отделений. До 1991 г. в России существовали лишь факультеты психологии в Московском, Ленинградском и Ярославском университетах, отделения психологии в Саратовском и Ростовском университетах, а также факультеты педагогики и психологии в МГПИ им. В.И.Ленина.

Социально-экономические реформы начала 1990-х гг. привели к формированию спроса на практических психологов в различных сферах: политике, рекламе, производстве и пр. Если до 1990-х гг. подготовка психологов имела академическую направленность и студенты ориентировались на преподавательскую и научную работу, то сегодня большинство выпускников связывают свою карьеру с практической работой, а специализация приобрела конкретно-прикладную направленность.

Программа подготовки психологов-бакалавров (4 года) в соответствии с Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования предполагает прохождение следующих обязательных дисциплин: общей психологии; общего психологического практикума; истории психологии; социальной

психологии; клинической психологии; психофизиологии; педагогической психологии; возрастной психологии и психологии развития; психологии труда; психодиагностики; зоопсихологии и сравнительной психологии; экспериментальной психологии; психогенетики; анатомии центральной нервной системы; физиологии центральной нервной системы; физиологии высшей нервной деятельности и сенсорных систем; антропологии; математических методов в психологии. Кроме того, программой подготовки предусматриваются спецкурсы по выбору студентов и факультативные психологические курсы.

Подготовка магистров (2 года) предполагает специализацию в одном из основных направлений психологической науки.

Сегодня в стране образовано множество учебных заведений, открыты факультеты психологического и психолого-педагогического профиля. Некоторые из них осуществляют подготовку психологов для Вооруженных сил России и других силовых ведомств с присвоением выпускникам вузов офицерского звания «лейтенант запаса». Такая подготовка, в частности, ведется на факультетах психологии Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Уральского государственного университета (г. Екатеринбург), Московского городского психолого-педагогического института, Дальневосточного государственного университета и ряда других вузов. По численности обучаемых крупнейшими в России являются психологические факультеты Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Военного университета Министерства обороны РФ (Москва), Ярославского государственного университета им. Н.П.Демидова.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие элементы включает в себя система образования?
2. Каковы основные ступени психологического образования в нашей стране и за рубежом?
3. Какие психологические дисциплины изучаются студентами факультетов психологии?
4. Где осуществляется профессиональная подготовка психологов?

Литература

Вачков В.В., Гришпун И.Б., Пряжников Н.С. Введение в профессию «психолог». — М., 2003.

Володарская И.А., Лизунова Н.М. Система подготовки психологов в США // Вестник Моск. ун-та. Серия 14, Психология. — 1990. — № 1.

Карандашов В.Н. Как стать психологом: введение в профессию. — Вологда, 1999.

Спиркина Е.А. Подготовка психотерапевтов и психологов-консультантов (проблемы адаптации западного опыта) // Психол. журнал. — 1994. — № 6. — С. 121—127.

Современная психология : справочное руководство. — М., 1999.

4.4. Содержание и специфика профессиональной подготовки психологов для Вооруженных сил РФ и других силовых структур

Профессиональная подготовка психологов для Вооруженных сил РФ и других силовых ведомств осуществляется гражданскими и военными учебными заведениями.

Ведущим гуманитарным вузом в структуре Министерства обороны РФ является Военный университет, осуществляющий подготовку психологов для данного ведомства. При Военном университете ежегодно проходят повышение квалификации и переподготовку офицеры, назначенные на должности психологов воинских частей и соединений ВС РФ и других силовых ведомств. Кроме того, в последние годы начата подготовка психологов в ряде военных вузов для конкретных видов и родов войск, например, в Новосибирском, Воронежском, Ростовском, Ульяновском и других военных институтах.

Период освоения профессии психолога в вузе — важный этап процесса профессионализации личности. Именно в ходе обучения у будущего специалиста формируются основные представления о содержании и особенностях избранной профессии, происходит становление первичных профессиональных навыков и умений, развитие профессиональной направленности личности.

Основным нормативным документом, определяющим целевые ориентиры и формально-содержательные аспекты подготовки психологов, является Государственный образовательный стандарт (ГОС). Эти целевые ориентиры применительно к подготовке военного психолога уточняются, исходя из представлений о его будущей профессиональной деятельности, и находят свою конкретизацию в специальном документе — квалификационных требованиях к выпускнику вуза. В нем изложены профессиональные знания, навыки и умения, необходимые для выполнения конкретных видов деятельности. Овладению этими профессиональными знаниями, навыками и умениями в необходимом объеме способствуют адекватные специфике деятельности военного психолога содержание и технология образования.

В самом общем виде *содержание профессионального образования* — это весь тот научный и культурный потенциал общества, который в определенных объемах и формах включается в контекст образовательного процесса учебного заведения.

Основными элементами содержания профессионального образования психолога являются:

научные психологические знания об объектах и процессах окружающего мира, способные послужить основой для их привлечения в профессиональной деятельности и жизнедеятельности будущего специалиста;

нормативные представления об основных видах и способах профессиональной деятельности выпускника, о профессионализме психолога и динамике его развития;

ценностные отношения к объекту профессиональной деятельности, себе, членам профессионального сообщества;

способы профессионального и научного мышления.

Коротко остановимся на каждом из выделенных компонентов содержания обучения.

Научные знания по психологии, выражая сущность психических явлений, находят отражение в таких компонентах, как теории, концепции, научные факты и выводы, гипотезы, принципы, закономерности, научные понятия и проблемы и т. п. В них отражены попытки объективного и целостного объяснения закономерностей проявления, развития и взаимосвязей различных психических явлений. Отличительной чертой научного знания в условиях учебного заведения является его целесообразное структурирование и адаптация с учетом логики образовательного процесса, а также закономерностей познавательной деятельности обучаемых и необходимости использования в будущей профессиональной деятельности.

В структурно-содержательном отношении все учебные дисциплины по психологии, подлежащие изучению, состоят из следующих основных блоков:

— учебные дисциплины, являющиеся едиными и обязательными для изучения всеми студентами, кто обучается по специальности «Психология»;

— дисциплины специализации, устанавливаемые вузом, а также дисциплины по выбору самих студентов (в военном вузе — курсантов и слушателей).

Общеобразовательные дисциплины по психологии являются важной частью учебной программы и вносят существенный вклад в общее профессионально-личностное развитие обучаемых. Они направлены на усвоение научных основ будущей профессии. Изучение ведущих отраслей психологии, уяснение их предметной сферы, особенностей исследования различных аспектов психического помогают сформировать у слушателей и курсантов научный интерес, что имеет большое значение для их научно-профессионального самоопределения.

Практико-ориентированные дисциплины формируют обучаемого как практического психолога. К данному блоку дисциплин от-

носятся *дисциплины специализации*, в которых освещаются теоретические, гуманитарные и прикладные аспекты психологии как области психологической практики. Усваиваемые в ходе занятий по данным дисциплинам знания и навыки направлены на развитие способности будущих психологов осуществлять основные виды деятельности, которые в совокупности представляют собой единый технологический цикл психологического обеспечения функционирования индивидов и групп в различных ситуациях воинской деятельности. В Военном университете МО РФ, например, к ним относятся: военная психология; психологическая работа в воинской части в мирное время; психологическое обеспечение боевых действий полка; психологическая реабилитация военнослужащих; психология военного управления; военная конфликтология; медицинское обеспечение; психологические основы боевой подготовки; психологическая подготовка военнослужащих; основы психотерапевтической помощи военнослужащим; психологические основы военной профессиологии; психологическое консультирование; психология семьи.

Нормативные представления об основных видах и способах профессиональной деятельности военного психолога (как элементах содержания образования, подлежащих усвоению) призваны воссоздать нормативно заданные параметры функционирования и взаимодействия психолога с другими военнослужащими и должностными лицами.

Соответственно содержание подготовки военного психолога в высшем учебном заведении призвано сформулировать у обучаемых модель их будущей деятельности и на ее базе организовать вхождение будущего специалиста в профессию (рис. 4). Профессиональные задачи моделируются и представляются обучаемым в виде учебных задач, требующих для решения определенных учебных действий. По своему характеру они имеют аналогию с реальными задачами, но направлены главным образом на самого обучаемого, на развитие у него определенных профессионально важных качеств.

Для обучаемого наличие такой модели означает, что в своей самостоятельной работе он должен воспроизводить значимые черты профессиональной деятельности, овладевая тем самым логикой профессиональных действий психолога. При этом в качестве основного — в какой-то мере отсроченного — результата процесса обучения рассматриваются не сами знания и умения, а стоящие за ними способы мышления и деятельности.

Кроме репрезентации типичных ситуаций профессиональной деятельности, нормативных моделей поведения и способов решения профессиональных задач, важным моментом является также ознакомление обучаемых с основными этапами, закономерностями и технологиями развития профессионализма самого психолога.

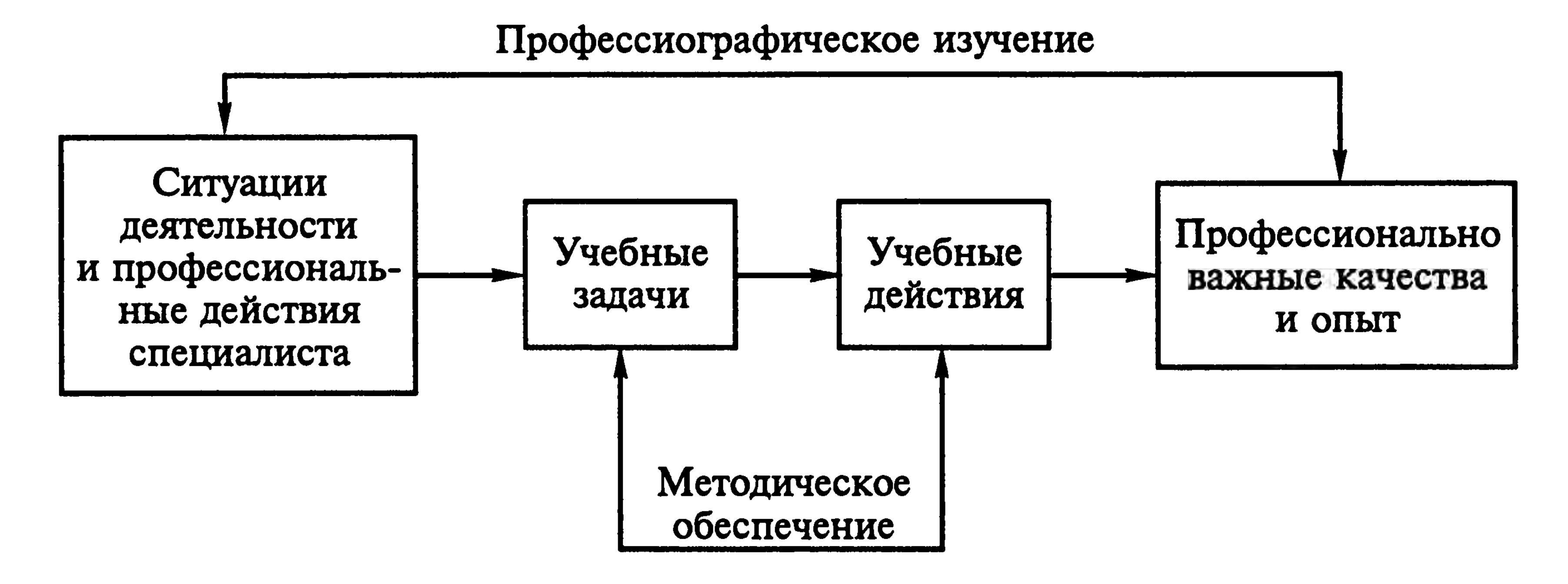

Рис. 4. Алгоритм выделения профессионально значимых элементов деятельности психолога и их моделирования в учебном процессе

Следующим важным элементом содержания образования являются **ценностные отношения** будущего специалиста в сфере профессиональной деятельности. Речь идет о формировании ценностных приоритетов, характеризующих мировоззренческие установки личности военного психолога как субъекта деятельности. Необходимость формирования в вузе особого качества — *профессиональной субъектности* будущего психолога — обусловлена самим характером его профессиональной деятельности. Деятельность данных специалистов весьма специфична по характеру сопряженности психологических, этических, правовых и иных аспектов той информации, которая имеет отношение к ее главному предмету, — психической реальности людей.

В этой связи важными задачами являются формирование у обучаемых адекватного понимания необходимости и меры своего профессионального вмешательства в личную жизнь другого человека, понимание будущими специалистами гуманистического характера профессии психолога, признание самоценности человеческой личности, уважение прав человека на свободу самовыражения и т. п.

Решение данных задач лишь в рамках формирования профессионализма и профессиональной компетентности представляется не вполне достаточным. Дело в том, что профессионализм всегда предполагает определенную ограниченность развития личности психолога кругом проблем данного конкретного вида деятельности. В то же время в профессиональной практике достаточно часты ситуации, требующие перехода от ролевых отношений к личностно-смысловым. Чаще всего это происходит в тех случаях, когда перед психологом возникает проблемно-конфликтная ситуация, преодолеть которую с помощью ранее усвоенных стереотипов социального поведения не представляется возможным — от него требуется способность к ориентировке в сложной системе ценностей и смыслообразующих мотивов. Именно в подобных ситуаци-

ях свободного выбора личность психолога особенно рельефно проявляется как субъект деятельности.

И наконец, в вузе формируется **профессиональное мышление** будущего психолога. Необходимость развития мышления также обусловлена особенностями его профессиональной деятельности, которая отражает чрезвычайную сложность и многофункциональность задач, а также особый характер основного предмета деятельности.

Дело в том, что психологические явления не лежат на поверхности. В большинстве случаев задача психолога — не только различение психологического явления в обыденной жизни, но и определение его качественных характеристик на предмет соответствия известным нормам, поиск и применение адекватных способов и средств психологического воздействия на него. Сравнивая реальное положение вещей и «нормативную модель» (то, каким это явление должно быть «в норме»), психолог сталкивается с необходимостью сопоставить два «образа» одного и того же объекта, находящихся в разных качественных плоскостях своего проявления и описания. Нормативная модель всегда представлена в виде научных понятий и терминов, а реальная деятельность и объект этой деятельности — в виде процессов и явлений, непосредственно происходящих в жизни. Соотнесение двух таких разнородных представлений возможно только за счет использования специальных познавательных средств — критериев и показателей, на которые ориентируется мышление психолога. В итоге мышление психолога выступает в роли своеобразного оператора, позволяющего привести объект к нормальному функционированию за счет реализации мысленно обоснованных практических действий.

Таким образом, можно отметить, что совокупный *результат процесса обучения* состоит в формировании у обучаемого целостной системы знаний, умений, навыков, способов мышления и ценностного отношения к действительности. Решению данной задачи во многом способствуют адекватность и эффективность применяемых в вузе педагогических технологий.

Технология обучения — это способ организации и осуществления образовательного процесса, опосредованный применением совокупности методических средств в конкретных организационных формах педагогического взаимодействия преподавателей и обучаемых. В современной образовательной практике находят применение разнообразные педагогические технологии, ориентированные на различное соотношение продуктивных и репродуктивных форм познавательной активности обучаемых, их возрастно-психологические особенности и особенности осваиваемой ими деятельности.

Необходимый в профессиональной подготовке психолога человеко-центристский ориентир с его направленностью на форми-

рование профессиональной субъектности предопределяет ведущий статус технологий, активизирующих различные типы мыследеятельности обучаемых (управленческий, исследовательский, проектировочный), способствующих формированию их личностного отношения к различным аспектам моделируемых профессиональных ситуаций: этическим, правовым, собственно профессиональным. В этой связи в ходе профессионального обучения существенную роль играют активные формы и методы с преобладанием диалогических форм педагогического взаимодействия: тренинги, практикумы по психодиагностике и оказанию психологической помощи, разбор конфликтных ситуаций, организационно-деятельностные, ролевые и деловые игры.

Для самих обучаемых образовательный процесс в вузе представлен определенной хронологией событий, разворачивающихся внутри так называемого *дидактического пространства*, организационной единицей которого является учебное занятие, а логико-дидактической — учебная дисциплина. Именно в их рамках обеспечивается целесообразный синтез научного и учебного знания, элементов будущей профессиональной деятельности и методических средств в интересах формирования профессиональной готовности к предстоящей деятельности.

К основным видам учебных занятий в вузе относятся лекции, семинары, практические и групповые занятия, самостоятельная работа, индивидуальные собеседования с преподавателем, а также различные формы контроля текущей и итоговой успеваемости (зачеты, экзамены). Согласно Госстандарту объем аудиторных занятий для студентов и курсантов не должен превышать 32 ч в неделю.

Кроме учебной деятельности предполагается осуществление курсантами самостоятельной исследовательской деятельности в рамках избранной специальности. В этих целях в учебном плане подготовки психологов предусмотрены такие виды учебно-познавательной деятельности, как выполнение лабораторных работ в рамках общего психологического практикума, написание курсовых работ по специальности и итоговой квалификационной работы.

Выполнение *лабораторных работ* обеспечивает овладение навыками применения отдельных методических приемов и средств психологического исследования по заранее указанной тематике и представление полученных результатов по достаточно формализованной схеме.

Специфика *курсовой работы* состоит в том, что она предполагает углубленное усвоение отдельной учебной дисциплины, изучение теоретических источников, в которых представлены материалы по выбранному предмету исследования.

Итоговая квалификационная работа выполняется на основе широкого круга исследовательских мероприятий, в том числе само-

стоятельного выбора темы дипломной работы, разработки методического замысла, сбора эмпирического материала и обобщения полученных данных в виде научного текста. В работе фиксируются результаты теоретического анализа научных подходов и собственного эмпирического исследования.

Помимо исследовательской деятельности в ходе учебных занятий курсанты могут принимать участие в заседаниях кружков и секций военно-научного общества, в разработке научных работ, представляемых для участия в конкурсах, в научных конференциях. Лучшие научные работы могут быть опубликованы в печати, а их авторы — награждены медалями Министерства образования РФ, дипломами, грамотами.

Развитию практических навыков и умений психолога способствуют проводимые в течение всего периода обучения различные виды практик: учебно-ознакомительная (3 недели), научно-исследовательская и квалификационная (10 недель), педагогическая (6 недель) и производственная (6 недель).

Курсанты проходят производственную практику (в военных вузах она называется войсковой стажировкой) в воинских частях, исполняя в этот период обязанности психолога полка, а также осуществляя исследовательскую деятельность по проблеме своей дипломной работы.

Педагогическая практика осуществляется в вузах Министерства обороны. За период ее прохождения курсанты приобретают навыки самостоятельного проведения учебных занятий, изучают передовой педагогический опыт лучших преподавателей, усваивают содержание и особенности различных видов деятельности в вузе: учебной, методической, научной и воспитательной работы.

По результатам педагогической практики и войсковой стажировки курсанты публично отчитываются о качестве их прохождения перед специальной комиссией, состоящей из профессорско-преподавательского состава и представителей Главного управления воспитательной работы ВС РФ.

Результаты обучения курсанта в вузе, его общественно-служебная, научная активность учитываются при распределении выпускника на соответствующие должности в воспитательных структурах МО РФ, включая право наиболее достойным выбирать место прохождения военной службы. Курсанты, проявившие склонность к научно-исследовательской деятельности, могут быть рекомендованы для назначения в научно-исследовательские центры и подразделения МО РФ.

Вопросы для самоконтроля

1. Где осуществляется подготовка психологов для Вооруженных сил России?

2. Какие документы определяют содержание и уровень профессиональной подготовки военных психологов?

3. На какие группы делятся все учебные дисциплины по психологии?

4. Для чего необходимо развивать профессиональное мышление и формировать ценностные отношения у будущих психологов?

5. Для чего предназначены курсовые и лабораторные работы?

6. Какие виды практик должен пройти за время обучения в вузе будущий психолог?

Литература

Бадмаев Б.Ц. Психология: как ее изучить и усвоить. — М., 2000.

Бархаев Б.П. Методическое обеспечение преподавания психологии. — М., 1999.

Бархаев Б.П., Сыромятников И.В. Введение в профессию: от социальной роли к профессиональной субъектности. — М., 2003.

Вачков В.В., Гришпун И.Б., Пряжников Н.С. Введение в профессию «психолог». — М., 2003.

Государственный образовательный стандарт высшего образования. Специальность 020400 «Психология». Квалификация — «Психолог. Преподаватель психологии». Утвержден заместителем министра образования РФ 17.03.2000.

Ляудис В.Я. Методика преподавания психологии. — М., 1999.

Карандашов В.Н. Как стать психологом: введение в профессию. — Вологда, 1999.

4.5. Профессиональное совершенствование психологов после окончания высшего учебного заведения

Профессиональное развитие психолога не заканчивается с получением диплома об окончании вуза. Необходимость профессионального совершенствования обусловлена тем, что, приобретя теоретические знания, выпускник не имеет в полном объеме того опыта, который позволял бы эти знания эффективно применять в разноплановой по своему характеру профессиональной деятельности. Осознание этого факта происходит достаточно быстро.

В данной связи показательным является период, совпадающий с началом самостоятельной деятельности после окончания вуза, когда значительно изменяются тип и характер взаимодействия начинающего психолога с другими субъектами. Относительно структурированная (в плане целенаправленного и контролируемого освоения содержания профессии) учебная среда вуза сменяется обстановкой, в которой резко возрастает самостоятельность психолога в решении реальных проблемных ситуаций, с которыми он сталкивается в своей деятельности. Здесь и проявляются его личностно-профессиональный потенциал, его способность на основе

собственного понимания ситуации обеспечить адекватный выбор способов деятельности. Таким образом, процесс вхождения психологов в новую должность оказывается на деле достаточно сложным.

Как показывают исследования [238], трудности начального этапа профессиональной карьеры обусловлены следующими видами противоречий: между реальным уровнем профессиональной компетентности психолога и нормативными требованиями профессии; между самооценкой результатов собственной деятельности, ее целей и критериев эффективности и оценкой их со стороны должностных лиц; между стремлением психолога к специализации в определенной области психологической науки и практики и необходимостью выполнять многофункциональные обязанности; между стремлением офицера к профессионально-служебному росту в рамках избранной специальности и несовершенством организационно-штатной структуры; между высокой интенсивностью социальных контактов, необходимостью постоянного эмоционального «выкладывания» и ограниченной способностью психологов сохранять свой эмоционально-психологический потенциал; между ориентацией на интересы воинской деятельности и ориентацией на личность военнослужащего.

По оценке самих военных психологов в числе факторов, затрудняющих процесс их становления, наибольшее негативное влияние оказывают: отсутствие системы и необходимого минимума профессионального общения между психологами различных уровней; неопределенность и формальность критериев оценки эффективности профессиональной деятельности психологов; большой объем разноплановых функциональных обязанностей; выполнение поручений и обязанностей, не связанных напрямую с задачами профессиональной деятельности; недостаточная осведомленность командования о специфике деятельности психолога; субъективность в оценке его труда; некорректная постановка задач; недостаточная методическая и материальная обеспеченность психологической работы в ряде воинских частей.

Таким образом, сталкиваясь с суровой реальностью, вчерашние курсанты, получившие в вузе одинаковые стартовые возможности для карьеры, начинают по-разному оценивать сложившуюся ситуацию и свои возможности. Одни ищут иные сферы приложения своим знаниям, другие сужают функциональный контур своего «присутствия» в профессии, выполняют главным образом те виды деятельности и поручения, которые наименее трудозатратны, которых ждет начальство, третьи делают акцент на собственное профессиональное развитие, восполняя и развивая необходимые профессиональные знания и умения.

Варианты этого профессионального развития всегда индивидуализированы, но имеют и общие основания. Прежде всего

следует отметить, что возможность для такого развития реально существует: речь идет о включенности психолога в те или иные организованные формы обучения, научно-исследовательской деятельности, повышения квалификации и профессиональной переподготовки.

Например, по окончании вуза любой начинающий офицер-психолог, проявивший склонность к исследовательской деятельности, может поступить в военную адъюнктуру, при этом предусматриваются варианты очной и заочной форм подготовки. Время обучения в адъюнктуре (по очной форме подготовки — 3 года, по заочной — 4 года) предоставляется для разработки диссертационного исследования по проблеме, имеющей научную и практическую значимость для военно-психологической теории и практики. В случае успешного окончания адъюнктуры и на основании публичной защиты диссертации в диссертационном совете психологу присуждается ученая степень кандидата психологических наук. Данная ученая степень в совокупности с имеющимися у офицера личностными склонностями к педагогической деятельности предоставляет возможность преподавания психологии в высших учебных заведениях.

В дальнейшем не исключен вариант продолжения научно-изыскательской деятельности на более высоком уровне — при разработке докторской диссертации. Для этого существует возможность поступить в докторантуру при одном из вузов, где имеется профильный диссертационный совет. Срок подготовки в докторантуре составляет 3 года.

Защита кандидатских и докторских диссертаций проводится по следующим специальностям:

19.00.01 — общая психология, психология личности, история психологии;

19.00.02 — психофизиология;

19.00.03 — психология труда, инженерная психология, эргономика;

19.00.04 — медицинская психология;

19.00.05 — социальная психология;

19.00.06 — юридическая психология;

19.00.07 — педагогическая психология;

19.00.10 — коррекционная психология (психология слепых, глухонемых и умственно отсталых детей);

19.00.13 — психология развития, акмеология.

Заниматься разработкой диссертационных исследований можно и без отрыва от военной службы — в виде соискательства. Соискатель, в отличие от кандидатов на поступление в адъюнктуру, не сдает вступительные экзамены. Ему предоставляется право использовать один рабочий день в неделю для работы над диссертацией, а также один раз в год предоставляется возможность оплачивае-

мого проезда к месту соискательства для консультаций с научным руководителем и сдачи кандидатских экзаменов.

Кроме работы над диссертационными исследованиями военный психолог может принимать активное участие в деятельности военно-психологического сообщества — в работе научных конференций, семинаров, круглых столов, публиковать результаты собственных исследований и практической деятельности в научных журналах и методических сборниках. Все это способствует обогащению его опыта, расширяет горизонты видения перспектив развития психологии и своего профессионального развития.

Вариант профессионального совершенствования, связанный с получением специализации в определенной области психологической теории и практики, предполагает окончание соответствующих курсов переподготовки или повышения квалификации. В этих целях при Военном университете МО РФ создан и функционирует специальный факультет, обучение на котором ежегодно проходят сотни офицеров — как вновь назначенные на должности, так и получившие определенный опыт деятельности по специальности. Для военных психологов, проходящих военную службу в крупных научно-образовательных центрах, существует возможность обучения на аналогичных курсах при других военных или гражданских вузах.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие трудности характерны для этапа профессионального становления военного психолога?
2. Какие возможности для профессионального совершенствования представляет адъюнктура?
3. По каким специальностям осуществляется защита кандидатских и докторских диссертаций?

Литература

Абрамова Г.С. Практическая психология. Введение в практическую психологию. — Екатеринбург, 1998.

Бадмаев Б.Ц. Психология: как ее изучить и усвоить. — М., 2000.

Бархаев Б.П., Сыромятников И.В. Введение в профессию: от социальной роли к профессиональной субъектности. — М., 2003.

Вачков В.В., Гришпун И.Б., Пряжников Н.С. Введение в профессию «психолог». — М., 2003.

Карандашов В.Н. Как стать психологом: введение в профессию. — Вологда, 1999.

Положение о подготовке научно-педагогических и научных кадров в системе послевузовского профессионального образования в Министерстве обороны Российской Федерации. — М., 2003.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Военная психология является важнейшей составной частью военной науки и психологии. Она представляет собой область специального научного знания и практики, нацеленную на исследование психологических особенностей боевой деятельности военнослужащих и обоснование методов обеспечения ее эффективности.

Впитывая в себя богатый психологический опыт военно-психологического искусства, накопленный полководцами в течение тысячелетий, теоретические положения общей, социальной, возрастной, клинической психологии, психологии труда и управления, военная психология вырабатывает собственные принципы и методы и решает широкий комплекс фундаментальных и прикладных задач.

Отечественная военная психология опирается на положение о психологическом обеспечении воинской деятельности как системе мероприятий, направленных на психологическое прогнозирование и оценку предстоящей боевой деятельности, отбор (подбор) военнослужащих, потенциально способных выполнять боевые задачи определенного типа (класса), их психологическую подготовку, реабилитацию, защиту от психологического воздействия противника в интересах эффективного достижения целей боевой деятельности. Завершается эта система социально-психологической реадаптацией. Психологическое обеспечение пронизывает всю воинскую деятельность от «входа» до «выхода» и определяет систему задач, решаемых военной психологией.

Центральной фигурой психологического обеспечения выступает военный психолог, действующий в рамках целостной психологической структуры ВС РФ. Сегодня данная структура объединяет должности психологов батальонов, полков, вышестоящих звеньев управления, а также пункты (центры) психологической помощи и реабилитации.

Военный психолог отличается от иных психологических профессий тем, что он призван решать большой круг задач, связанных не только с психологическим изучением военнослужащих, но и с оказанием на них квалифицированного психологического воздействия в интересах выполнения боевых и служебных задач, развития личности и воинского коллектива. Эти задачи нередко решаются психологом в экстремальной, опасной для жизни обстановке. В сложных ситуациях он обязан демонстрировать пример

выдержки, самообладания, эффективного выполнения своих профессиональных обязанностей.

Двойственность субординационного положения и амбивалентность профессиональной идентичности порождают своеобразную «сшибку», конфликт социальных ролей и этических норм. Искусство военного психолога проявляется в умении конструктивно разрешать этот конфликт.

Военный психолог действует в динамично формирующемся военно-психологическом сообществе, интегрирующем военных ученых, педагогов и практиков, активно взаимодействует с коллегами — специалистами профессионального психологического отбора и информационно-психологического противоборства. Он решает свои задачи, находясь в постоянной готовности выполнить свое главное предназначение в боевой обстановке — создавать и развивать психологические возможности (психологический ресурс), что дает возможность выжить в современной войне, сохранить психическое и соматическое здоровье, достичь морально-психологического превосходства над врагом. Решение этой задачи требует от психолога высокого профессионализма, личного мужества, умения регулировать эмоционально-волевые состояния.

Система подготовки военных психологов для Вооруженных сил РФ призвана обеспечить формирование высококлассного современного специалиста. Для этого существуют реальные возможности, воплощенные в научно-педагогическом и материально-техническом потенциале учебных заведений, осуществляющих профессиональное образование психологов.

Особенностью профессиональной подготовки психологов является вариативность и гибкость применяемых педагогических технологий, нацеленных на обеспечение передачи и усвоения «живого знания», способного обогатить внутренний мир и личностный опыт обучаемого. Это диктуется самим характером деятельности психолога, чрезвычайной сложностью душевного мира людей, являющегося для психолога основным предметом познания.

Для решения профессиональных задач психолог призван на деле воплощать антропоцентристский подход — быть чутким к проявлениям эмоций, интеллекта и характера другого человека, строго соблюдать этические нормы, проявляя при этом принципиальность в отстаивании собственной позиции в отношениях с вышестоящими начальниками. Все это требует от обучаемого по специальности «Психология» огромной внутренней работы, развития способностей к мысленному представлению, осознанию, проектированию и развитию собственного внутреннего мира, личностных и профессиональных качеств, необходимых для предстоящей деятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абрамова Г. С.* Практическая психология. Введение в практическую психологию. — Екатеринбург, 1998.

2. *Абдурахманов Р. А.* Психологические трудности общения и их коррекция у ветеранов боевых действий в Афганистане : дис. ... канд. психол. наук. — М., 1994.

3. *Айрапетов М. Г.* Здоровье, эмоции, красота. — Ставрополь, 1978.

4. *Александровский Ю. А., Лобастов О. С., Спивак Л. И., Щукин Б. П.* Психогении в экстремальных условиях. — М., 1991.

5. *Аминов Н. А., Молоканов М. В.* О компонентах специальных способностей будущих школьных психологов // Психол. журн. — 1992. — № 5. — С. 104—110.

6. *Ананьев Б. Г.* Из оборонного опыта советской психологии // Сов. педагогика. — 1943. — № 2.

7. Антология тяжелых переживаний. Социально-психологическая помощь. — М., 2002.

8. *Анцупов А. Я.* Психологический анализ внезапности в вооруженной борьбе // Пути повышения эффективности морально-политической и психологической подготовки личного состава в подразделении, части. — М., 1989. — С. 149—156.

9. *Анцупов А. Я., Шипилов А. И.* Конфликтология. — М., 2001.

10. *Арзамаскин Ю. Н., Бублик Л. А., Караяни А. Г., Черкасов А. В.* Морально-психологическое обеспечение деятельности Вооруженных сил Российской Федерации : в 2 ч. — М., 1997.

11. *Арзамаскин Ю. Н., Караяни А. Г., Ососков В. П.* Морально-психологическое обеспечение подготовки и ведения боевых действий. — М., 1999.

12. *Байков Л. Л.* Свойства боевых элементов и подготовка войск к войне и бою. — Одесса, 1910.

13. *Барабанщиков А. В., Феденко Н. Ф.* История советской военной психологии. — М., 1983.

14. *Бархаев Б. П., Сыромятников И. В.* Введение в профессию: от социальной роли к профессиональной субъектности. — М., 2003.

15. *Бачманова Н. Ф., Стафурина Н. А.* К вопросу о профессиональных способностях психолога // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. — Л., 1985. — Вып. 5. — С. 78—86.

16. *Беленки Г., Ной Ш., Соломон З.* Стресс на поле боя: опыт Израиля // Милитари ревью. — 1985. — № 7. — С. 28—37.

17. *Богданов С. А.* О современных подходах к теории военных конфликтов и их предотвращению // Воен. мысль. — 1993. — № 7. — С. 36—42.

18. *Богданова Д. Я.* Психология спорта. — М., 1999.

19. *Боринг Э.* Психология для Вооруженных сил. — М., 1943.

20. *Брей Р.М., Кэмлин К.С., Фэабэнк Д.А., Дантеман Д.Х., Виллис С.К.* Воздействие стресса на работоспособность военнослужащих мужского и женского пола // Армд Форсиз энд Сэсайти. — Т. 27. — 2001. — № 3. — С. 397—417.

21. *Брудере Г.* Партизанская война в Афганистане // Если завтра война? Малая война. Организация и тактика боевых действий малых подразделений: хрестоматия. — Минск, 2003. — С. 347—368.

22. *Вачков В.В., Гришпун И.Б., Пряжников Н.С.* Введение в профессию «психолог». — М., 2003.

23. Введение в профессию: основы деятельности психолога батальона, полка (корабля 1-го ранга). — М., 2004.

24. Введение в профессию: учебно-методическое пособие для войсковых психологов и социологов. — М., 1994.

25. *Верняева Т.А.* Профессионально-личностный портрет психолога: дис. ... канд. психол. наук. — СПб., 1997.

26. *Ветохов А.М.* Современная буржуазная военно-инженерная психология: дис. ... канд. психол. наук. — М., 1974.

27. *Винокуров И., Гуртовой Г.* Психотронная война: от мифов к реалиям. — М., 1993.

28. Военная профессиология / под ред. А.Г.Караяни, Ю.Г.Сулимова. — М., 2005.

29. Военная психология: методология, теория, практика : в 2 ч. — М., 1998.

30. Военно-психологические взгляды русских военных деятелей XVIII—XIX вв. — М., 1993. — Ч. 1.

31. Военно-психологические взгляды русских военных деятелей XVIII—XIX вв. — М., 1993. — Ч. 2.

32. Война в Персидском заливе. Операция «Буря в пустыне». — М., 1991.

33. Война. Океан. Человек: о морально-политической и психологической подготовке советских моряков / под ред. В.М.Гришанова. — М., 1974.

34. *Володарская И.А., Лизунова Н.М.* Система подготовки психологов в США // Вестник Моск. ун-та. — Серия 14. — 1990. — № 1.

35. *Вольф К.М.* Из дневника командира полка // Военный сборник. — 1908. — № 6.

36. *Воробьев А.* Разработка методов и средств предупреждения боевых психических травм в армии США // Зарубежн. воен. обозр. — 1992. — № 3—5. — С. 43—45.

37. *Выборнов С.* Несмертельное оружие // Зарубежн. воен. обозр. — 1993. — № 4. — С. 10—14.

38. *Гаах Н.А.* Социальная самореализация военнослужащих-женщин Вооруженных сил Российской Федерации: (Социально-философский анализ) : дис. ... канд. филос. наук. — М., 2001.

39. *Габриэль Р.* Героев больше нет. — Нью-Йорк, 1987.

40. *Гаврилов В.А.* Психологические особенности боевой деятельности личного состава армии Китая в условиях современной войны : дис. ... канд. психол. наук. — М., 1989.

41. *Гаврилович В.* Психологическая подготовка личного состава армий империалистических государств // Зарубежн. воен. обозр. — 1986. — № 10. — С. 16—20.

42. *Гандер Д.В., Паркин А.Д., Лысаков Н.Д., Караяни А.Г.* Психологические особенности управленческой деятельности офицеров в боевой обстановке. — Монино, 2004.

43. *Геродот.* История // Историки Античности : в 2 т. — М., 1989. — Т. 1. — С. 33—404.

44. *Гершельман С.К.* Нравственный элемент в руках А.В.Суворова. — Гродно, 1900.

45. *Гилген А., Гилген К.* Американская психология во время Второй мировой войны // Психол. журн. — 1994. — № 2. — С. 162—170.

46. *Глоточкин А.Д., Барабанщиков А.В., Феденко Н.Ф., Шеляг В.В.* Проблемы психологии воинского коллектива. — М., 1973.

47. *Головин Н.Н.* Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. — СПб., 1907.

48. *Головин Н.Н.* Наука и война. — Париж, 1928.

49. *Головин Н.Н.* Предисловие // Краснов П. Душа Армии: очерки по военной психологии. — М., 1997. — С. 5—6.

50. *Григорьев С.* Чеченская операция в свете ей подобных // Независимая газета. — 1995. — 21 июня.

51. *Григорьев А.* Из опыта современной малой войны // Если завтра война? Малая война. Организация и тактика боевых действий малых подразделений: хрестоматия. — Минск, 2003. — С. 477—486.

52. *Гусейнова В.В.* Практика использования психолога на предприятии сферы материального производства и проблемы подготовки психолога-практика // Вестник Моск. ун-та. — Сер. 14, Психология. — 1989. — № 4.

53. *Данилов А.* Профилактика боевых психологических травм в ВС США // Зарубежн. воен. обозр. — 1991. — № 9. — С. 11—16.

54. *ДиДжовани К. мл.* Человеческий фактор в боевых операциях: поддержание боевого духа и сокращение психических жертв : пер. с англ. — М., 1997.

55. *Дмитриевский А.М.* «За» и «против» психологии г-на Ш-ва // Военный сборник. — 1912. — № 11.

56. *Дмитриевский С.К.* Страх и борьба с ним // Журнал Общества ревнителей военных знаний. — 1913. — Кн. 1.

57. *Дрейлинг Р.* Военная психология. — Белград, 1935 // Душа армии. — С. 156—166.

58. *Дробов М.А.* Малая война: партизанство и диверсии. — М., 1931 // Если завтра война? Малая война. Организация и тактика боевых действий малых подразделений : хрестоматия. — Минск, 2003. — С. 6—85.

59. *Дружинин К.И.* Исследование душевного состояния воинов в различных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904—1905 гг. — СПб., 1910.

60. *Дружинин В.Н.* Экспериментальная психология. — СПб., 2001.

61. *Дудин С.И.* Профилактика боевых психических расстройств у военнослужащих специальными методами психологической подготовки // Информ.-метод. сб. ЦВСППИ МО РФ. — 1993. — № 4. — С. 38—45.

62. Душа армии: Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российских Вооруженных сил. — М., 1997.

63. *Дьяченко М.И.* Психологический анализ боевой деятельности советских воинов : дис. ... д-ра психол. наук. — М., 1969.

64. *Дьяченко М.И.* О психологических основах управления поведением воинов в боевой обстановке // Воен. мысль. — 1972. — № 5. — С. 40—51.

65. *Дьяченко М.И., Кандыбович С.Л.* История русской военной психологии. — М., 2000.

66. *Дьяченко М.И.* Психологический анализ боевой деятельности советских воинов. — М., 1974.

67. *Елбаев Ю.А.* Психологические основы повышения эффективности профессионального психологического отбора в высших военно-учебных заведениях: дис. ... канд. психол. наук. — М., 1991.

68. *Заглухинский В.В.* Психика бойцов во время сражений // Военный сборник. — 1911. — № 1.

69. *Захарик С.В.* Формирование психологической устойчивости у воинов-десантников к влиянию факторов современного боя (на основе боевых действий в Афганистане) : дис. ... канд. психол. наук. — М., 1993.

70. *Зачепинский Р.А.* О факторах, определяющих успешность в психотерапии. (Обзор современной американской литературы) // Журн. неврологии и психиатрии им. С.С.Корсакова. — 1979. — Т. LXXIX. — Вып. 5. — С. 639—647.

71. *Зенченко М.В.* Сообщение на тему «Анализ нравственных сил бойца». — СПб., 1892.

72. *Зыков А.С.* Как и чем управляются люди. — СПб., 1898.

73. *Зыков А.С.* Дисциплина и инициатива // Разведчик. — 1909. — № 956.

74. *Ибатуллин Т.Г.* Война и плен // Проблемы военной психологии: хрестоматия / сост. К.В.Сельченок. — Минск, 2003.

75. *Иванова Ю.Н.* Храбрейшие из прекрасных: женщины России в войнах. — М., 2002.

76. *Иволгин А.* Тайна греческого огня // Тайны веков. — М., 1977. — С. 252—258.

77. *Изместьев П.И.* Из области военной психологии. — Варшава, 1911.

78. *Изместьев П.И.* Психологические основы тактики // Воен. мысль. — 1921. — Кн. 8.

79. *Ильин Е.П.* Психология воли. — СПб., 2000.

80. *Казаринов О.И.* Неизвестные лики войны. Между жизнью и смертью. — М., 2005.

81. *Казаринов О.И.* Обратная сторона войны. На полях сражений XX века. — М., 2006.

82. *Калмыкова Е.С., Мисько Е.А., Тарабрина Н.В.* Особенности психотерапии посттравматического стресса // Психол. журн. — 2001. — № 4. — С. 72.

83. *Кальмансон А.А.* Война глазами социолога // Социс. — 1995. — № 8. — С. 119—121.

84. *Кампеано М.* Опыт военной психологии, индивидуальной и общей. — СПб., 1902.

85. *Карагалов В.В., Сахаров А.Н.* Полководцы Древней Руси. — М., 1972.

86. *Карандашев В.Н.* Психология: Введение в профессию. — М., 2003.

87. *Караяни А.Г., Малебашева Г.В.* Портрет военного психолога в свете гендерного анализа // Соискатель. — 2006. — № 2. — С. 89—102.

88. *Караяни А.Г., Корчемный П.А.* «Психологическое оружие» в современной войне. Исследования, разработки, опыт применения // Сб. науч. трудов. — 1998. — № 2.

89. *Караяни А.Г.* и др. Информационно-психологическое противоборство: сущность, содержание, методы. — М., 2000.

90. *Караяни А.Г.* Влияние боя на психику воина. К чему и как готовятся военнослужащие в зарубежных армиях // Ориентир. — 1994. — Август. — С. 76—78.

91. *Караяни А.Г.* Влияние боя на психику воина. Пути и способы повышения психологической готовности к выполнению боевых задач // Ориентир. — 1997. — № 2. — С. 54—56.

92. *Караяни А.Г.* Военная психология в годы Второй мировой войны // 60 лет Великой Победе: история, уроки, современность. — М., 2005. — С. 144—155.

93. *Караяни А.Г.* Военная психология в зеркале трех столетий // Ежегодник Российского психологического общества. — Т. 3. — 2005. — С. 151—154.

94. *Караяни А.Г., Евенко С.Л.* Психология отклоняющегося поведения военнослужащих в боевой обстановке. — М., 2006.

95. *Караяни А.Г.* Зоопсихология и война // Журн. приклад. психологии. — 2001. — № 6.

96. *Караяни А.Г.* Информационно-психологическое противоборство в современной войне. — М., 1997.

97. *Караяни А.Г.* Место психических явлений в детерминации войны // Ежегодник РПО : Психология и ее приложения. — М., 2002.

98. *Караяни А.Г.* Морально-психологическое обеспечение боевых действий войск (сил) в локальных войнах и военных конфликтах // Ориентир. — 1996. — № 9.

99. *Караяни А.Г.* О психологической сущности войны // Ежегодник РПО: Психология и ее приложения. — М., 2002.

100. *Караяни А.Г.* Отечественная психология в годы Великой Отечественной войны: профессиональный подвиг или упущенные возможности // Ежегодник Российского психологического общества. — Т. 3. — 2005. — С. 190—203.

101. *Караяни А.Г.* Психологическая реабилитация участников боевых действий // Психологическая реабилитация участников боевых действий / под ред. А.Г.Караяни, М.С.Полянского. — М., 2003.

102. *Караяни А.Г.* Социально-психологическая реадаптация участников боевых действий // Ежегодник ИРИ АН РФ. — 2003/2004.

103. *Караяни А.Г.* Психологические особенности боевых действий воинов в различных видах и условиях боя // Современная военная психология. — Минск, 2003. — С. 456—468.

104. *Караяни А.Г.* Психологическое обеспечение боевых действий войск как технология управления целевым психологическим ресурсом // Материалы III съезда РПО. — СПб., 2003.

105. *Караяни А.Г.* Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей Сухопутных войск в локальных военных конфликтах. — М., 1998.

106. *Караяни А.Г.* Психология войны // Ежегодник ИРИ АН РФ. — 2002.

107. *Караяни А.Г.* Психология Германии во Второй мировой войне // Воен.-ист. журн. — 2003. — № 5.

108. *Караяни А.Г.* Психология и война // Психология и война / под ред. А.Г.Караяни, Э.П.Утлика. — М., 2003. — С. 4—28.

109. *Караяни А.Г.* Психология США в годы Второй мировой войны // Психол. журн. — 2002. — № 2.

110. *Караяни А.Г.* Пути противодействия психологическим операциям противника // Информационно-психологическая и психотронная война. — Минск, 2003. — С. 157—172.

111. *Караяни А.Г.* Слухи как средство информационно-психологического противодействия // Психол. журн. — 2003. — № 6.

112. *Караяни А.Г., Размазнин А.Н., Целыковский В.А.* Информационно-психологическое противоборство: сущность, содержание, методы. — М., 2000.

113. *Караяни А.Г., Сыромятников И.В.* Прикладная военная психология. — М., 2006.

114. *Кекчеев К.Х.* Как лучше видеть в темноте // Пограничник. — 1943. — № 5—6.

115. *Кекчеев К.Х.* К проблеме работоспособности // Гигиена и санитария. — 1946. — № 11.

116. *Кекчеев К.Х.* Психофизиология маскировки и разведки. — М., 1942.

117. *Керсновский А.А.* Философия войны // Философия войны. — М., 1995.

118. *Китаев-Смык Л.А.* Психология стресса. — М., 1983.

119. *Китаев-Смык Л.А.* Стресс под прицелом снайпера // Миллениум. — 2001. — № 2—3.

120. *Клаузевиц К. фон.* О войне : в 2 т. — М., 2002. — Т 1.

121. *Кампеано М.* Опыт военной психологии, индивидуальной и общей : пер. с фр. — СПб., 1902.

122. *Колодзин Б.* Как жить после психической травмы. — М., 1992.

123. *Кордуэлл М.* Психология. А—Я : словарь-справочник. — М., 1999.

124. *Коробейников М.П.* Современный бой и проблемы психологии. — М., 1972.

125. *Коробейников М.П.* Психологические проблемы подготовки советских воинов к современной войне : дис. ... д-ра психол. наук. — М., 1969.

126. *Корф Н.А.* О воспитании воли военачальников // Общество ревнителей военных знаний. — 1906. — Кн. 1.
127. *Корчемный П.А.* Психологическая подготовка летного состава ВВС к активным боевым действиям в условиях современной войны : дис. ... д-ра психол. наук. — М., 1990.
128. *Корчемный П.А.* Военная психология. — М., 2005.
129. *Коробчевский Д.А.* Психология войны. — СПб., 1892.
130. *Коупленд Н.* Психология и солдат. — М., 1990.
131. *Краинский Н.* Психика и техника как факторы войны. — Париж, Б.г. — С. 3—16 // Краснов П. Душа армии. — М., 1997. — С. 167—186.
132. *Краснов П.* Душа армии. Очерки по военной психологии. — Берлин, 1927 // Душа армии / под ред. А.С.Савинкина. — М., 1998.
133. *Краснов А.* Использование несмертельного оружия в ограниченных конфликтах // Зарубежн. воен. обозр. — 1996. — № 7.
134. *Крысько В.Г.* Влияние национально-психологических особенностей на деятельность личного состава империалистических государств : дис. ... д-ра психол. наук. — М., 1988.
135. *Крысько В.Г.* Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). — Минск, 1999.
136. Курс военной психологии: в 2 ч. / под ред. Н.Ф.Феденко. — М., 1995.
137. *Лавренов С.Я.* Война XXI века: Стратегия и вооружение США. — М., 2005.
138. *Лайнбарджер П.* Психологическая война : пер. с англ. — М., 1958.
139. *Ланг П.А.* Активная сторона в чувстве самосохранения. Военно-психологический этюд // Воен.-инж. журн. — 1910. — № 2.
140. *Лешан Л.* Если завтра война? Психология войны / пер. с англ. Е.О.Рычковой. — М., 2004.
141. *Ливий Т.* История от основания Рима // Историки Античности : в 2 т. — М., 1989. — Т. 2. — С. 51—186.
142. *Лобов В.Н.* Военная хитрость: из теории и истории. — М., 1992.
143. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. — М., 1999.
144. *Луков Г.Д., Платонов К.К.* Психология. — М., 1964.
145. *Лэннинг М.Л.* 100 великих полководцев. — М., 1998.
146. *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1999.
147. *Макнаб К.* Психологическая подготовка подразделений специального назначения. — М., 2002.
148. *Макнаб К., Фаулер У.* Современный бой: оружие и тактика. — М., 2003.
149. *Малкина-Пых И.Г.* Экстремальные ситуации : справочник практического психолога. — М., 2005.
150. *Манухина С.Ю.* Психологические детерминанты профессиональной успешности психолога-диагноста кадровой службы (в сфере бизнеса) : автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 2006.
151. *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. — Сухуми, 1989.

152. *Маркин А.В.* Основы тактической подготовки современного солдата. — Минск, 2006.

153. *Маркс Дж.* ЦРУ и контроль над Разумом. Тайная история науки управления поведением человека. В поисках «манчжурского кандидата». — М., 2003.

154. *Маршалл С.Л.А.* Американцы в бою // Офицер Вооруженных сил : пер. с англ. — М., 1991.

155. Международное право ведения боевых действий. — М. 1995.

156. *Меринг Ф.* История войн и военного искусства. — СПб., 2000.

157. *Михайлов Б.* Психологические операции ВС США в конфликтах малой интенсивности // Зарубежн. воен. обозр. — 1996. — № 8. — С. 2—8.

158. *Модестов С.* Война, к которой готовится Америка. Эволюция вооруженной борьбы в эпоху информатизации // Независимая газета. — 1996. — № 5.

159. *Мокржецкий А.А.* Принцип деятельности в деле боевой подготовки армии // Русский инвалид. — 1907. — № 189.

160. *Мокржецкий А.А.* Кабинет и казармы // Офицерская жизнь. — 1909. — № 176—177.

161. *Мокржецкий А.А.* Трусость и храбрость // Русский инвалид. — 1909. — № 178.

162. *Мокржецкий А.А.* Положение об обучении пехоты // Русский инвалид. — 1914. — № 69.

163. *Молоканов М.В.* Двухмерное пространство моделей коммуникативного взаимодействия. Ролевая определенность практического психолога // Вопросы психол. — 1995. — № 5. — С. 51—60.

164. *Молоканов М.В.* Изучение соотношения показателей теппинг-теста с профессионально значимыми качествами практического психолога // Психол. журн. — 1995. — № 1. — С. 75—83.

165. *Монетчиков С.Б.* Стреляющая Чечня // Если завтра война? Малая война. Организация и тактика боевых действий малых подразделений : хрестоматия. — Минск, 2003. — С. 315—320.

166. Морально-политическая и психологическая подготовка личного состава ВДВ. — М., 1983.

167. *Мясоед П.Я.* Теория и практика в работе школьного психолога // Вопр. психол. — 1993. — № 4. — С. 73—79.

168. *Незнамов А.К.* К вопросу о военной психологии // Военный вестник. — 1922. — № 17—18.

169. *Николин В.С.* Психологические условия компьютеризации исследовательской деятельности военного психолога : автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 1994.

170. *Новичков Н.Н., Снеговский В.С., Соколов А.Г., Шварев В.Ю.* Российские Вооруженные силы в чеченском конфликте: Анализ. Итоги. Выводы: (По материалам открытой российской и зарубежной печати). — М., 1995.

171. *Оглезнева Н.В.* Профессиональная деятельность школьного психолога по созданию системы взаимодействия участников коррекционного процесса : дис. ... канд. психол. наук. — Тверь, 1995.

172. *Осипова А.А.* Справочник психолога по работе в кризисных ситуациях. — Ростов н/Д, 2005.

173. *Остапенко П.В.* Тайная война в Древнем мире. — Минск, 2004.

174. *Ответчиков А.В.* Предупреждение страха и паники в условиях воинской деятельности : дис. ... канд. психол. наук. — М., 1980.

175. Парапсихология и современное естествознание / А.П.Дубров, В.Н.Пушкин. — М., 1990.

176. *Пинегина Н.М.* Развитие рефлексивной культуры практического психолога : дис. ... канд. психол. наук. — Калуга, 1998.

177. *Плотников Н.* Бескровное и бесшумное средство // Независимая газета. — 1996. — 27 января.

178. *Плутарх.* Избранные жизнеописания : в 2 т. — М., 1987. — Т. 1.

179. *Полянский В.Н.* Иллюзия закрытия // Русский инвалид. Приложение. — 1909. — № 272.

180. *Полянский В.Н.* Моральный элемент в области фортификации. — СПб., 1910.

181. *Пономаренко В.А.* Психология жизни и труда летчика. — М., 1992.

182. *Пономаренко В.А.* В слове — позиция. — Красноярск, 2004.

183. *Попов В.Е.* Психологическая реабилитация военнослужащих после экстремальных воздействий (на материале землетрясения в Ленинакане, межнационального конфликта в Фергане и боевых действий в Афганистане) : дис. ... канд. психол. наук. — М., 1992.

184. *Потапов А.А.* Бой в сумраке леса // Если завтра война? Малая война. Организация и тактика боевых действий малых подразделений : хрестоматия. — Минск, 2003. — С. 427—457.

185. Психолог в погонах: кто в ответе за его судьбу? // Ориентир. — 1996. — № 3. — С. 27.

186. Психологическая подготовка личного состава подразделений Сухопутных войск к бою. — М., 1993.

187. Психологическая психотерапия в условиях воинской деятельности / под общей ред. П.А.Корчемного, А.Н.Харитонова. — М., 2001.

188. Психологическая работа в железнодорожных войсках Российской Федерации. — М., 1998.

189. Психологические операции и противодействие им. — М., 1993.

190. Психологическое воздействие отравляющих веществ на человека // Зарубежн. воен. обозр. — 1991. — № 6. — С. 28—29.

191. Психология и педагогика. Военная психология / под ред. А.Г.Маклакова. — СПб., 2004.

192. Психология экстремальных ситуаций / под ред. А.Е.Тараса. — Минск, 1999.

193. *Пузыревский А.К.* Исследование боя в древние и новейшие времена. — СПб., 1911.

194. Рабочая книга войскового психолога: модель, алгоритм, технология эффективной профессиональной деятельности / под ред. Л.Г.Лаптева. — М., 1996.

195. Рабочая книга практического психолога : пособие для специалистов, работающих с персоналом / под ред. А.А.Бодалева, А.А.Деркача, Л.Г.Лаптева. — М., 2006.

196. Рабочая книга практического психолога: технология эффективной профессиональной деятельности (пособие для специалистов, работающих с персоналом). — М., 1996.

197. Рабочая книга психолога Внутренних войск / под ред. С.Ф.Кавуна. — М., 1997.

198. Рабочая книга школьного психолога / под ред. И.В.Дубровиной. — М., 1991.

199. *Раздуев В.А.* Развитие военной психологии в России (середина IX—начало XX века) : дис. ... канд. психол. наук. — М., 1993.

200. *Реан А.А.* Психологическая служба школы (принципы деятельности и работы с «трудными»). — СПб., 1993.

201. *Резанов А.С.* Паника. Психологический этюд // Воен. сб. — 1910. — № 7.

202. Рекомендации по психологической подготовке личного состава частей Сухопутных войск ВС СССР. — М., 1972.

203. *Ремарк Э.М.* На западном фронте без перемен. — М., 1972.

204. *Ригг Р.* Боевая подготовка войск : пер. с англ. — М., 1956.

205. *Рогов Е.И.* Настольная книга практического психолога в образовании : учеб. пособие. — М., 1996.

206. *Ронин Р.* Своя разведка: способы вербовки агентуры, методы проникновения в психику, форсированное воздействие на личность, технические средства скрытого наблюдения и съемка информации. — Минск, 2002.

207. *Рубинштейн С.Л.* Советская психология в условиях Великой Отечественной войны // Под знаменем марксизма. — 1943. — № 9—10. — С. 45—61.

208. *Рубцов В.* Астравидья: миф или реальность?// Тайны веков. — М., 1977.

209. *Руф К.К.* История Александра Македонского// Историки Античности : в 2 т. — М., 1989. — Т. 1. — С. 510—574.

210. Руководство по профессиональному психологическому отбору в Вооруженных силах РФ. — М., 2000.

211. *Рыков С.Л.* Женщина на войне: психологические особенности самореализации // Психологическая реабилитация военнослужащих / под ред А.Г.Караяни, М.С.Полянского. — М., 2003.

212. *Самсонов В.* Иная трактовка понятия войны // Независ. воен. обозр. — 1996. — № 23.

213. *Светоний Г.Т.* Жизнь двенадцати цезарей // Историки Античности : в 2 т. — М., 1989. — С. 411—522.

214. *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. — М., 1999.

215. *Сенявская Е.С.* Психология фронтового быта // Психология и война / под ред А.Г.Караяни, Э.П.Утлика. — М., 2003.

216. *Серебрянников В.В.* Социология войны. — М., 1998.

217. *Серый А.В.* Ценностные ориентации личности в структуре профессионально-значимых качеств школьных практических психологов : авт. дис. ... канд. психол. наук. — Иркутск, 1996.

218. *Симанский П.* Паника в войсках : пер. с польск. — М. ; Л., 1929.

219. *Симонов В.* Боевой стресс: (По ВС США) // Вестник ПВО. — 1988. — № 7. — С. 83—85.

220. *Смирнов А.А.* Советские психологи в годы Великой Отечественной войны // Вопросы психол. — 1975. — № 4. — С. 124—126.

221. *Смолян Г., Цыгичко В., Черешкин Д.* Оружие, которое может быть опаснее ядерного. Реалии информационной войны // Независимая газета. — 1995. — № 3.

222. *Снедков Е.В.* Боевая психическая травма : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. — СПб., 1997.

223. Современная буржуазная военная психология. — М., 1964.

224. Содержание и организация морально-психологического обеспечения боевых действий. — М., 1994.

225. Солдат и война. Проблемы морально-политической и психологической подготовки советских воинов / под ред. А.С.Желтова. — М., 1971.

226. *Соловьев И.О.* Посттравматический стрессовый синдром: причины, условия, последствия, оказание психологической помощи и психореабилитация. — М., 2000.

227. Социальная и военная психология / под ред. С.И.Съедина. — М., 1990.

228. *Спиркина Е.А.* Подготовка психотерапевтов и психологов-консультантов (проблемы адаптации западного опыта) // Психол. журнал. — 1994. — № 6. — С. 121—127.

229. *Стендаль.* Итальянские хроники. Жизнь Наполеона. — М., 1998.

230. *Столяренко А.М.* Экстремальная психопедагогика. — М., 2002.

231. *Сторм У.* Психологический эффект массовых потерь // Современная буржуазная военная психология / под ред. А.В.Барабанщикова, Н.Ф.Феденко. — М., 1965.

232. *Суворов А.В.* Наука побеждать. — М., 1978.

233. *Сунь Цзы.* Искусство войны. Стратегия и тактика победителя. — М., 2003.

234. *Съедин С.И.* Формирование психологической структуры боевой деятельности у воинов-специалистов в ходе изучения современной боевой техники : дис. ... д-ра. психол. наук. — М., 1984.

235. *Съедин С.И., Абдурахманов Р.А.* Психологические последствия воздействия боевой обстановки. — М., 1992.

236. *Съедин С.И.* Рабочая книга психолога таможенного органа. — М., 1998.

237. *Сыромятников И.В.* Организация психологической работы в воинской части в мирное время. — М., 2000.

238. *Сыромятников И.В.* Становление профессиональной деятельности психолога воинской части сухопутных войск. — М., 1997.

239. *Сыромятников И.В., Чайка В.Г.* Психология девиантного поведения военнослужащих и его профилактика. — М., 2001.

240. *Сысоев В.В.* Психологическая подготовка воздушных десантников к боевым действиям в тылу противника : дис. ... д-ра психол. наук. — М., 1989.

241. *Таланкин А.А.* Военная психология и вопросы военно-политического воспитания в РККА. — М., 1929.

242. *Тарабрина Н.В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. — М., 2001.

243. *Тарас А.Е., Заруцкий Ф.Д.* Подготовка разведчика: (Система спецназа ГРУ). — Минск, 1999.

244. *Тарле Е.В.* Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. — М., 1992.

245. *Теплов Б.М.* Ум полководца. — М., 1990.

246. *Топорков А.* Метод военных знаний. — М., 1927.

247. *Утлик Э.П.* Психология дисциплины. — М., 1992.

248. *Утлик Э.П.* Учет психологических факторов в руководстве личным составом воинского подразделения : дис. ... канд. психол. наук. — М., 1975.

249. *Утлик Э.П.* Основы психологической теории дисциплинарных систем : дис. ... д-ра психол. наук. — М., 1996.

250. *Утлик Э.П.* Психология личности (личность в общей и военной психологии). — М., 2006.

251. *Феденко Н.Ф.* Буржуазная военная психология на службе психологической войны империализма. — М., 1981.

252. *Феденко Н.Ф.* Современная буржуазная военная психология. — М., 1964.

253. *Феденко Н.Ф., Железняк Л.Ф.* Морально-психологическое обеспечение боевых действий войск в современных условиях. — М., 1986.

254. *Феденко Н.Ф., Сергеюк П.И., Стрельников Е.А., Додельцев Р.Ф.* Буржуазная военная психология и ее использование в подготовке империалистических армий. — М., 1978.

255. *Феденко Н.Ф., Раздуев В.А.* Русская военная психология (середина IX — начало XX века). — М., 1993.

256. *Федотов А.И.* Индивидуальный психофизический тренинг как средство повышения эффективности деятельности воинов-десантников в трудных ситуациях : дис. ... канд. психол. наук. — М., 1995.

257. *Фомин В.П., Линдер И.Б.* Диалог о боевых искусствах Востока. — М., 1991.

258. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. — М., 1990.

259. *Фрейд З.* Психология бессознательного : сб. произведений. — М., 1989.

260. *Фролов Ю.П.* Предисловие к книге Г.Хаханьяна «Основы военной психологии». — М., 1929.

261. *Хаханьян Г.Д.* Основы военной психологии. — М. ; Л., 1929.

262. *Худяков В.* Исследование воздействия боевых психических травм на израильских военнослужащих // Зарубежн. воен. обозр. — 1989. — № 5. — С. 19—27.

263. Человек и война: (Война как явление культуры) : сб. статей / под ред. И.В.Нарского, О.Ю.Никоновой. — М., 2001.

264. *Шамрей В.К.*, *Рустанович А.В.* Атлас военной психиатрии. — СПб., 2003.

265. *Шапарь В.Б.* Психология войн и военных конфликтов. — Ростов н/Д, 2005.

266. *Шварц К.* Психоанализ бойца : пер. с нем. — М., 2003.

267. *Шумков Г.Е.* Коллективная трусость // Русский инвалид. — 1911. — № 195.

268. *Шумков Г.Е.* Влияние артиллерийского огня на психику // Военный сборник. — 1914. — № 4. — С. 68.

269. *Шумков Г.Е.* Духовное состояние воинов в ожидании боя (по наблюдениям врачей) // Военный сборник. — 1913. — № 6. — С. 90—91, 93.

270. *Шумков Г.Е.* Душевное состояние воинов в ожидании боя (по наблюдениям офицеров) // Военный сборник. — 1913. — № 5.

271. *Шумков Г.Е.* Душевное состояние воинов после боя // Военный сборник. — 1914. — № 11.

272. *Шумков Г.Е.* О панике // Русский инвалид. — 1911. — № 84.

273. *Шумков Г.Е.* О психике бойцов во время атаки // Русский инвалид. — 1910. — № 278.

274. *Шумков Г.Е.* Предмет и область военной психологии // Русский инвалид. — 1910. — № 270.

275. *Шумков Г.Е.* Психика бойцов во время сражений. — СПб., 1905. — Вып. I.

276. *Шумков Г.Е.* Психика командира в опасности // Русский инвалид. — 1911. — № 50.

277. *Шумков Г.Е.* Пьяная храбрость, или Алкоголь в бою // Общество ревнителей военных знаний. — 1909. — № 1.

278. *Шумков Г.Е.* Рассказы и наблюдения из настоящей Русско-турецкой войны. — Киев, 1905.

279. *Шумков Г.Е.* Тезисы по вопросу военной психологии // Русский инвалид. — 1909. — № 227.

280. *Шумков Г.Е.* Чувство тревоги как доминирующая иллюзия в период ожидания боя // Военный сборник. — 1913. — № 11.

281. *Шумков Г.Е.* Эмоции страха, печали, радости и гнева в период ожидания боя // Военный сборник. — 1914. — № 2.

282. *Шумков Г.Е.* Психика бойцов под артиллерийским обстрелом // Военный сборник. — 1914. — № 7. — С. 134.

283. Эмоциональный стресс. Физиологические и психологические реакции. Медицинские, индустриальные и военные последствия стресса : пер с англ. — М., 1970.

284. *Энгельман И.Г.* Воспитание современного солдата и матроса. — СПб., 1908.

285. *Якушин Н.В.* Психологическая помощь воинам-афганцам в реабилитационном центре Республики Беларусь // Психол. журн. — 1996. — № 5.

286. *Ященко Г.* Преодоление танкобоязни. Морально-психологическая подготовка воинов // Блокнот агитатора. — 1970. — № 22.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Учебное издание

Караяни Александр Григорьевич
Сыромятников Игорь Васильевич

Введение в профессию военного психолога

Учебное пособие

Редактор *И. Б. Куделько*
Ответственный редактор
Технический редактор *Е. Ф. Коржуева*
Компьютерная верстка: *В. А. Крыжко*
Корректоры *Н. В. Козлова*, *В. Н. Рейбекель*, *Э. Г. Юрга*

Изд № 101112034. Подписано в печать 28.12.2006. Формат 60×90/16.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,0.
Тираж 2 000 экз. Заказ № 18390.

Издательский центр «Академия». www.academia-moscow.ru
Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.004796.07.04 от 20.07.2004.
117342, Москва, ул. Бутлерова, 17-Б, к. 360. Тел./факс: (495) 330-1092, 334-8337.

Отпечатано в ОАО «Саратовский полиграфический комбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. www.sarpk.ru